BJ 1136
.I84
Copy 1

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

UDIN
X 513
I 93

РѢЧИ

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПРИ ВЫПУСКАХЪ

ВОСПИТАННИКОВЪ ПЕРВАГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА

СВЯЩЕННИКОМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

МОСКВА.
1874.

Ivantsov-Platonov, Aleksandr
" Mikhailovich

Riechi.

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПРИ ВЫПУСКАХЪ

ВОСПИТАННИКОВЪ ПЕРВАГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА.

СВЯЩЕННИКОМЪ

А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ.

МОСКВА.

1873.

ВЛ113с
I84

ТИПОГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ А. В. КУДРЯВЦЕВОЙ, КОММИС. ОБЩ. ЛЮБИТ. ДУХ. ПРОСВ. У БОЛЬШ: КАМ. МОС. Д. КОТЕЛЬНИКОВА, БЫВШ. СОРОКИНА.

Печатать позволяется. Москва. Сентября 30 дня. 1873 г.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

20584
206
46

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторые изъ моихъ бывшихъ слушателей и лицъ постороннихъ высказывали желаніе видѣть напечатанными вмѣстѣ *напутственныя слова,* которыя я обыкновенно произношу при выпускахъ воспитанниковъ Александровскаго военнаго училища. Исполнившееся недавно десятилѣтіе училища можетъ представить наиболѣе благовременный случай къ выполненію этого желанія. Издаваемая мною книжка принесетъ свою долю пользы, если вновь пробудитъ нѣсколько добрыхъ мыслей въ тѣхъ изъ тысячи слишкомъ бывшихъ воспитанниковъ Александровскаго училища, которые сохраняютъ сочувственное воспоминаніе объ училищѣ. Читатели посторонніе также, можетъ быть, найдутъ небезполезнымъ это изданіе, въ виду того, что разъясненіе большей части вопросовъ, которые я старался раскрывать для своихъ ближайшихъ слушателей, имѣетъ значеніе и для всѣхъ интересующихся нравственными вопросами жизни, и преимущественно для нашихъ молодыхъ, переходящихъ изъ школы въ жизнь, поколѣній. Въ моихъ словахъ читатели, конечно, не найдутъ раскрытія нравственнаго вопроса жизни во всей его полнотѣ и глубинѣ, но я, по крайней мѣрѣ, посильно и искренно ста-

рался наводить мысль молодыхъ людей на тѣ стороны этого вопроса, которыя требуютъ наибольшаго вниманія къ себѣ, въ виду разныхъ недоразумѣній и увлеченій настоящаго времени.

Въ предлагаемой книжкѣ помѣщается *девять рѣчей*, по числу девяти выпусковъ Александровскаго военнаго училища. Одной рѣчи недостаетъ въ полномъ десятилѣтіи училища: пятому выпуску воспитанниковъ (въ 1868 году) я не говорилъ рѣчи потому, что былъ въ то время боленъ. Рѣчи печатаются безъ перемѣны въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны были въ свое время въ журналѣ «Православное Обозрѣніе;» только теперь къ каждой рѣчи ставится особенное заглавіе—съ обозначеніемъ главнаго предмета рѣчи.

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

I.

О нравственномъ воспитаніи въ школѣ и въ жизни.

Окончилось для васъ время воспитанія; начинается время самостоятельнаго служенія обществу. Св. Церковь, съ материнскою любовію освящающая своимъ благословеніемъ всякую чистую радость, всякій важный шагъ и успѣхъ въ жизни дѣтей своихъ, напутствуетъ и ваше вступленіе въ жизнь общественную благословеніемъ и молитвою о благоуспѣшности вашего служенія.

Ваше новое положеніе даетъ вамъ новыя права и выгоды. Важнѣйшее для васъ пріобрѣтеніе есть, конечно, то, что теперь вы имѣете возможность самостоятельно дѣлать добро,— честно служить Богу и людямъ, приносить пользу отечеству. въ которомъ вы получили жизнь физическую и нравственную, отъ котораго вы получали всѣ средства содержанія и воспитанія, сами до сихъ поръ не имѣя возможности воздать чѣмъ-нибудь за все это. Но ваши новыя права сразу налагаютъ на васъ и новыя обязанности: такъ всегда всякое право непремѣнно насъ обязываетъ къ чему-нибудь.

Вы получаете больше свободы и самостоятельности въ жизни. Объ этомъ, можетъ быть, вы давно уже мечтали, и теперь вѣрно радуетесь этому. Не забудьте же, что теперь ложится на васъ и больше отвѣтственности за всѣ ваши убѣжденія и поступки. Говорю—не только за поступки, но и за убѣжденія. Не скажите—„убѣжденія свободны, за нихъ нѣтъ

никакой отвѣтственности.“ Убѣжденія—это зерно нашихъ поступковъ и всей нравственной жизни; потому къ нимъ нужно быть еще болѣе внимательными, чѣмъ къ самымъ поступкамъ. Такимъ образомъ во всемъ теперь нужно быть вамъ болѣе серіозными и строгими къ себѣ. Прежде сдѣлали вы что не совсѣмъ хорошее,—значительная доля отвѣтственности иногда можетъ быть справедливо, иногда не совсѣмъ справедливо, слагалась на другихъ, на вашихъ руководителей, на духъ, преданія и условія заведеній, въ которыхъ вы воспитывались, на вліяніе товарищескаго кружка, которому каждый изъ васъ неизбѣжно долженъ былъ подчиняться. Теперь всѣ эти ограждавшія васъ условія, которыми нерѣдко можетъ быть и въ глазахъ другихъ людей и въ вашихъ глазахъ смягчались и оправдывались ваши недостатки и слабости, остаются назади васъ. Вы становитесь лицемъ къ лицу со всѣми требованіями нравственнаго и положительнаго закона и вашей собственной совѣсти,—и уклоненій отъ этихъ требованій вамъ теперь уже нечѣмъ прикрывать. Вы люди свободные, люди взрослые, люди достаточно образованные. Вы понимаете, что хорошо, что худо, и считаете своимъ долгомъ сочувствовать всему доброму и отвращаться отъ всего дурнаго. Такими вы считаете сами себя. Оправдайте жъ теперь все это на дѣлѣ; проведите благородныя убѣжденія въ жизнь; оправдайте горячія слова и мечты добрыми дѣлами. Покажите своимъ примѣромъ, что истинная свобода, о которой теперь такъ много говорятъ съ увлеченіемъ и восторгомъ—иные съ искреннимъ, другіе съ поддѣльнымъ, иные сознательно, другіе только съ чужаго голоса,—есть дѣйствительно великое нравственное благо, залогъ всякаго добра и преуспѣянія, а не безпорядочный произволъ, не освобожденіе отъ требованій разума, отъ закона совѣсти, отъ личныхъ и общественныхъ обязанностей. Покажите, что въ васъ самихъ и прежнія мечты о свободѣ были не преждевременны, и теперешняя радость о ней сознательна, что вы дѣйствительно понимаете духъ истинной свободы, и способны и достойны пользоваться свободой.

Время воспитанія для васъ кончено, но только школьнаго воспиганія; начинается воспитаніе въ обществѣ, въ жизни. Это воспитаніе болѣе трудное; потому что предметовъ, которымъ нужно учиться, теперь будетъ у васъ больше, а наставниковъ у васъ остается только вашъ собственный разумъ и совѣсть. Именно, вашъ выпускъ изъ заведенія совсѣмъ не то означаетъ, что васъ уже нечего болѣе воспитывать; а то, что въ вашемъ воспиганіи настала такая пора, когда вы сами должны воспитывать себя. И еще не очень много чести и радости будетъ и вашимъ воспитателямъ и вамъ самимъ, если вы успѣете только сохранить въ жизни то, что внушено вамъ въ школѣ. Вотъ тогда честь и радость была бы и намъ и вамъ, еслибы въ каждомъ изъ васъ горѣло желаніе продолжать и продолжать свое развитіе,—идти гораздо далѣе того, на чемъ извѣстный опредѣленный срокъ воспитанія и различныя условія нашихъ заведеній принуждали насъ остановиться здѣсь.

Это касается прежде всего самыхъ занятій наукою—умственнаго развитія. Жалко было бы предположить между вами такихъ, которые, чувствуя себя уже достаточно образованными, рады теперь, съ окончаніемъ курса, покончить всякія умственныя занятія. Такимъ по совѣсти нужно было бы сказать, что они не только не получили достаточнаго образованія, но даже не понимаютъ еще, что такое наука и знаніе; потому что вѣрный признакъ живаго пониманія науки есть именно стремленіе къ дальнѣйшему и дальнѣйшему развитію, любовь и жажда знанія, усиливающаяся по мѣрѣ пріобрѣтенія свѣдѣній, живое убѣжденіе въ томъ, что наукѣ нѣтъ конца,—и благородная радость объ этомъ, что такому высокому жизненному наслажденію нѣтъ конца. Въ нѣкоторыхъ изъ васъ можетъ быть начали только показываться ростки такого живаго пониманія науки. О, какъ нужно желать и стараться, чтобъ эти прекрасные ростки не заглохли, но принесли обильный плодъ въ жизни!.. Не у всѣхъ, конечно, будетъ одинаковая возможность поддерживать въ себѣ умственные интересы. Но, слава Богу, теперь не то время, когда люди, желающіе

знать что-либо, должны были идти за знаніемъ за тысячи верстъ, терпѣть голодъ и холодъ и всякія лишенія, представляться странными и жалкими въ глазахъ другихъ людей, терпѣть огорченія отъ самыхъ близкихъ сердцу. Вездѣ, куда бы кого ни бросила судьба, теперь можно найти какія-нибудь средства учиться; и тотъ, кто разсѣянною и пустою жизнію допуститъ въ себѣ заглохнуть прекраснымъ благороднымъ стремленіямъ, уже не будетъ имѣть права жаловаться на гнетущую судьбу и темную среду (какъ бывало прежде у людей, впрочемъ, большею частію слабыхъ и лѣнивыхъ), а долженъ будетъ жаловаться на самого себя.

Еще гораздо большаго вниманія, чѣмъ развитіе умственное, будетъ требовать отъ васъ нравственное развитіе—образованіе сердца и характера. Здѣсь дѣло представляется тѣмъ болѣе серьезнымъ и труднымъ, что въ этомъ отношеніи всѣ ваши воспитатели, хотя старались, конечно, сдѣлать все возможное для вашего приготовленія къ жизни, но многаго сдѣлать не могли по самому существу дѣла. Для этого нужна не школа, а сама жизнь. Не физическій возрастъ самъ по себѣ, не одно пріобрѣтеніе знаній, а опытъ, практическая проба, жизненныя столкновенія образуютъ характеръ. До сихъ поръ ни въ вашемъ возрастѣ, ни въ вашей сферѣ занятій и интересовъ, ни въ томъ кружкѣ, въ которомъ вы жили, не могло представиться сложныхъ и трудныхъ столкновеній Вамъ старались внушать добрыя нравственныя понятія, вамъ показывали добрые примѣры, васъ старались охранять отъ всякихъ соблазновъ и дурныхъ увлеченій. Вотъ, кажется, все, что могли сдѣлать для васъ въ школѣ. Но каждое истинное нравственное понятіе, твердое и неизмѣнное въ своей сущности, можетъ разнообразно видоизмѣняться въ приложеніи къ безчисленнымъ частнымъ случаямъ жизни, которые предусмотрѣть заранѣе нѣтъ никакой возможности. Но охраненіе отъ соблазновъ и увлеченій, конечно, полезное и необходимое въ молодыхъ лѣтахъ для того, чтобы дать окрѣпнуть и сохранитися цѣлыми для жизни нравственнымъ силамъ,

не спасетъ васъ отъ столкновенія съ соблазнами и увлеченіями на будущее время. Въ томъ-то и дѣло, что жизнь представитъ вамъ множество такихъ положеній, о которыхъ вамъ до сихъ поръ и думать не приходилось, и въ которыхъ много потребуется отъ васъ умѣнья — правильно приложить свои нравственныя понятія даже и въ томъ случаѣ, когда они у васъ-дѣйствительно созрѣли. Въ томъ-то и дѣло, что въ жизни будете встрѣчать вы такіе соблазны, которымъ на первыхъ порахъ и значенія большаго не будете придавать, въ которыхъ и не будете подозрѣвать большой опасности и увлекающей силы, и которые, мало-по-малу овладѣвая человѣкомъ, иногда доводятъ его чуть не до невозможности воротиться на добрый путь. Много вниманія, много борьбы нужно. Конечно, если вы постарались заложить въ себѣ твердыя и ясныя нравственныя убѣжденія, можно надѣяться, что вы будете выходить изъ этой борьбы цѣлыми и крѣпкими. Но съ другой стороны не нужно много полагаться и на самую твердость и безошибочную вѣрность своихъ убѣжденій; иногда такая самоувѣренность сама въ свою очередь ведетъ человѣка къ заблужденію и паденію... Не нужно и того забывать, что жизнь, въ которую вы вступаете, далеко не идеальная, люди, съ которыми вамъ придется имѣть дѣло, — не ангелы. Это нужно знать — не для того, конечно, чтобы съ гордымъ и, какъ это бываетъ большею частію, съ ошибочнымъ, иногда съ завѣдомо-фальшивымъ и легкомысленнымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства предъ другими, бросать грязью на всѣхъ и на все, а для того, чтобы по возможности хоть себя-то какъ-нибудь уберечь чистымъ отъ грязи,—для того, чтобы быть не слишкомъ строгимъ и требовательнымъ по отношенію къ другимъ, и постоянно внимательнымъ къ себѣ.

Такъ, жизнь—не забава, не шутка, не смѣна удовольствій и празднаго препровожденія времени; жизнь—подвигъ великій. Жизнь постоянное вниманіе къ себѣ и ко всему окружающему,—наука, никогда не оканчивающаяся,—трудъ неустанный, прежде всего надъ собою, затѣмъ во благо другихъ,—борьба

со всѣмъ, что есть дурнаго—опять прежде всего въ насъ самихъ, затѣмъ посильная и разумная борьба съ зломъ вокругъ насъ. Еще выше—истинная жизнь, какъ научаетъ насъ понимать ее наша святая вѣра, есть любовь и самоотверженіе.

Ваша начинающаяся служба сама по себѣ потребуетъ отъ васъ и труда, и борьбы и, можетъ быть жертвъ самыхъ великихъ. Дай Богъ вамъ совершить свой жизненный подвигъ съ *истинною* честію и славою. Дай Богъ вамъ понести всѣ труды и жертвы своего служенія, не по одному неизбѣжному требованію закона, не съ однимъ холоднымъ сознаніемъ долга, какъ чего-то внѣшняго человѣку, но съ истинно-христіанскою любовію и самоотверженіемъ, которое чистой душѣ также сродно и понятно, какъ естественны и сродны всякому любовь къ себѣ и чувство самосохраненія. Въ такомъ случаѣ всѣ ваши труды и жертвы будутъ и для васъ самихъ легче, и предъ Богомъ и предъ обществомъ цѣннѣе. Не вся, конечно, жизнь ваша будетъ состоять въ трудахъ и жертвахъ. Будутъ времена отдыха, покоя, свободы. Но нужно сказать вамъ, въ такія-то времена, и особенно, можетъ быть, въ вашемъ положеніи—нужно быть наиболѣе внимательными къ себѣ и беречь себя отъ умственнаго и нравственнаго усыпленія и разслабленія. Вы знаете примѣры, какъ для самыхъ славныхъ и побѣдоносныхъ воиновъ бываютъ иногда опасны не столько времена борьбы съ внѣшними врагами, сколько времена торжества и успокоенія, дающія больше силъ внутреннему врагу — склонности къ пустому, праздному, и затѣмъ безпорядочному и порочному препровожденію времени.

Святая вѣра—вѣра въ Бога, всему жизнь дающаго и всѣмъ управляющаго,—въ Бога, Который есть непреложная Истина, всеобъемлющая Любовь, высочайшая Святость—не какое-нибудь отвлеченное представленіе (идея) истины, любви и святости, но сама живая Истина, Любовь и Святость, въ человѣческомъ образѣ явившаяся намъ въ Іисусѣ Христѣ-Искупителѣ нашемъ, и всегда пребывающая съ нами благодатію жи-

вотворящаго Духа во святой своей Церкви—вѣра истинная и живая—живое общеніе съ этою самою вѣчною Истиною, Любовію и Святостію да сопутствуетъ вамъ въ вашемъ жизненномъ подвигѣ, да сохранитъ васъ въ истинѣ, любви и добродѣтели, да будетъ вашею опорою, руководительницею, утѣшеніемъ, надеждою во всю вашу жизнь до самой смерти, гдѣ бы вамъ ни случилось встрѣтить ее.

„Святые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избавлялись отъ меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, обращали въ бѣгство полки вражескіе“ (Евр. XI, гл. 33—34, ст. 1.)

А хотите знать еще болѣе чудныя и славныя дѣйствія вѣры?

„Иные терпѣли поруганія и побои, узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ, умирали отъ меча, скитались въ рубищахъ и козьихъ кожахъ, терпя лишенія, скорби, озлобленія; тѣ, котырыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались въ пустыняхъ и горахъ, въ пещерахъ и ущельяхъ земли (ст .36—38)—и все это во имя вѣры, ради Бога, во благо ближнихъ.

„Такъ и мы, братья, имѣя вокругъ себя такой сонмъ свидѣтелей вѣры, отложимъ всякую гордость и связывающій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ пойдемъ на предлежащій намъ подвигъ жизни и служенія, взирая на Вождя и Совершителя вѣры—Господа нашего Іисуса Христа (Евр. гл. XII, ст. 1—2).“

II.

Жизненныя опасности и задачи для молодыхъ поколѣній настоящаго времени.

Жатва многа, дѣлателей мало; молитеся Господину жатвы, чтобы Онъ послалъ дѣлателей на жатву свою. Матѳ. IX, 37—38.

Вамъ, молодые люди, приходится вступать въ жизнь въ такое время, когда жить становится особенно трудно. Вамъ, поэтому, съ особенною внимательностію нужно всмотрѣться въ самихъ себя, какія силы вы несете на служеніе обществу,— и въ окружающую среду, какія задачи она представляетъ для вашей дѣятельности, и какія условія даетъ для выполненія этихъ задачъ.

Новое время представило нашему обществу много новыхъ задачъ и вопросовъ для разрѣшенія вступающимъ въ жизнь поколѣніямъ. При всей напряженной работѣ силъ общественныхъ, чувствуется недостатокъ въ силахъ для разрѣшенія этихъ широкихъ и сложныхъ задачъ. Прошло то время фальшиваго, но успокоительнаго самообольщенія, когда мы съ гордостію говорили, что силъ у насъ великое множество, только простора и дѣла имъ нѣтъ, и недостатокъ дѣла любили относить къ постороннимъ, не зависящимъ отъ насъ условіямъ.

Прошло и то недавнее время восторженной напряженности, когда мы съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ бросились на встрѣчу новымъ задачамъ и вопросамъ, другъ передъ другомъ спѣшили ставить все новые и новые вопросы съ полною увѣренностію, что у насъ достанетъ силъ справиться со всѣми ими, и жаловались только на медленность введенія этихъ вопросовъ въ жизнь общественную административнымъ путемъ. Настала пора раздумья и разочарованія въ себѣ; мы чувствуемъ, что дѣла у насъ много,—только силъ для совершенія дѣла недостаетъ. Повсюду опасенія за успѣхъ вводимыхъ въ жизнь реформъ,—какъ бы эти реформы не остались безъ дѣйствія, или не были даже искажены, при недостаткѣ дѣятелей, способныхъ вводить ихъ въ жизнь общественную. Прекрасныя формы жизни, заимствуемыя изъ другихъ странъ, могутъ дать совсѣмъ не тѣ результаты, какъ тамъ, при дурныхъ исполнителяхъ. Итакъ, все выходитъ шатко въ нашемъ общественномъ прогрессѣ: мѣры хороши, а исполнители плохи; дѣла много, а дѣятелей нѣтъ; и еслибы можно было сказать—вино новое, а мѣхи старые,—нѣтъ, мѣхи поновлены, а вино часто выдохшееся,—форма блестяща, а содержаніе пусто. Жатва многа, а дѣлателей мало.

* * *

Отъ чего же это зависитъ? Мы не беремся указывать всѣхъ частныхъ причинъ этого явленія. Тѣмъ менѣе мы считаемъ своимъ дѣломъ пускаться въ обсужденіе и осужденіе внѣшнихъ, напримѣръ, административныхъ условій для развитія общественной дѣятельности. Наше дѣло указать только самыя общія, и собственно нравственныя, отъ насъ самихъ зависящія условія нашей слабой дѣятельности, нашихъ неуспѣховъ въ общественной жизни, въ предостереженіе вступающему въ жизнь поколѣнію, чтобы оно, по возможности, избѣгало тѣхъ подводныхъ камней въ жизни, о которые всего болѣе сокрушаются крѣпость и успѣхъ дѣла общественнаго.

И прежде всего указанное грустное явленіе въ нашей общественной жизни зависитъ, кажется, отъ того, что у насъ много силъ растрачивается совершенно даромъ—въ ранней молодости, еще не достигшихъ полнаго образованія, не употребленныхъ въ дѣло. И вотъ вамъ первое желаніе, молодые люди: дай Богъ вамъ въ молодости сберечь свои силы крѣпкими и неповрежденными для труда серіознаго. Свято храните и здоровье тѣла, и чистоту сердца, и трезвость ума, и крѣпость всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Молодость, къ сожалѣнію бываетъ слишкомъ самонадѣянна и не разсчетлива въ своихъ силахъ. Въ молодости думается, будто жизни нѣтъ конца и силамъ нѣтъ мѣры. Простое горячечное напряженіе принимается за избытокъ силъ, который какъ будто нужно издержать какъ можно скорѣе. Молодость съ увлеченіемъ бросается на все, часто не соразмѣряя силъ съ тѣмъ, за что берется. Какъ будто въ сознаніи, что опытность есть преимущество жизни, молодые люди нерѣдко слишкомъ рано стараются быть опытными, и большею частію не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ. Преждевременно и искусственно возбуждаются и раздражаются страсти, и безъ того трудно сдерживаемыя въ молодомъ возрастѣ. Наслажденіе удовольствіями не въ мѣру доходитъ до притупленія вкуса къ удовольствіямъ, а въ иныхъ и до жалкаго пресыщенія жизнью. Здоровье тратится по пусту отъ неразсчетливаго распредѣленія силъ и времени. Умъ, еще не укрѣпленный знаніемъ и мыслью, раздражается сомнѣніями и вопросами о такихъ предметахъ, съ которыми не подъ силу бороться и самому окрѣпшему уму. За недостаткомъ настоящихъ подвиговъ и волненій въ жизни, за недостаткомъ серіозной борьбы,—молодость нерѣдко выдумываетъ себѣ воображаемые подвиги, фальшивую борьбу, а силы-то тратятся на нихъ истинныя. Все въ напряженіи, часто въ искусственномъ, фальшивомъ напряженіи... Жизнь преждевременно изживается,—преждевременно тратятся силы. А потомъ настаетъ настоящая жизнь, настоящій подвигъ,—силъ уже нѣтъ. Опять преждевременное недовольство жизнью, разочарованіе, иногда

трусость передъ жизнью, плаксивыя жалобы на другихъ людей, или на какую-то, никѣмъ, незнаемую, и всѣхъ будто преслѣдующую, судьбу. Вотъ печальная исторія многихъ поколѣній,— и вотъ главная причина недостатка силъ у насъ для дѣла общественнаго. Счастливъ тотъ, кто въ молодости не извѣдалъ этой исторіи и сохранилъ крѣпкія силы для серіознаго подвига жизни... Трудно и, можетъ быть несправедливо, было бы требовать отъ молодости, чтобы въ ней вовсе не было увлеченій. Этимъ, говорятъ, жизнь красится: да справедливо ли говорятъ, и въ какомъ смыслѣ нуждно понимать эти слова?.. Таковъ, говорятъ, по крайней мѣрѣ, непремѣняющійся законъ естественной, жизни человѣка, что дѣло въ ней всегда мѣшается съ бездѣльемъ и истина достигается путемъ многихъ ошибокъ. Но если есть какой прогрессъ въ жизни, если новѣйшія поколѣнія въ томъ полагаютъ свое преимущество, что имъ досталось наслѣдіе прежнихъ: то можно же желать, чтобы горькіе опыты поколѣній предшествовавшихъ не остались безъ плода для послѣдующихъ,—чтобы молодые люди нынѣшняго времени серіознѣе смотрѣли на жизнь и лучше дорожили силами, чѣмъ прежніе. Между тѣмъ, когда мы смотримъ на окружающую среду, грустно и страшно дѣлается за молодыя поколѣнія, вступающія въ жизнь: столько соблазновъ предстоитъ имъ,—и что всего опаснѣе, соблазнъ въ нынѣшнее время представляется не просто какъ соблазнъ, а чуть не какъ святое, нравственное требованіе жизни. Ложь выступаетъ подъ видомъ истины,— грѣхъ маскируется красотою нравственнаго долга. Являются у молодаго поколѣнія особенные руководители, намѣренно сбивающіе его съ твердаго пути; проповѣдуются цѣлыя теоріи, оправдывающія преждевременую, неразсчетливую растрату силъ. Проповѣдуютъ ученіе о правахъ и свободѣ плоти, дающее поводъ молодымъ людямъ оправдывать преждевременное и незаконное удовлетвореніе страсти, какъ разумную и законную потребность природы. Въ ущербъ гармоническому и цѣльному развитію духовныхъ силъ, изсушаютъ душу молодыхъ людей преждевременнымъ развитіемъ склонности къ сомнѣнію и отрица-

нію, даже не научивъ ихъ напередъ владѣть опаснымъ оружіемъ логическаго анализа и отрицанія. Проповѣдуютъ льстивую для юношеской лѣни мысль, будто для того, чтобы быть развитымъ человѣкомъ, нѣтъ надобности укрѣплять умъ серіознымъ и труднымъ ученьемъ, а достаточно прочитать пять—шесть книжекъ новѣйшаго направленія, дабы изъ нихъ извлечь только такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Завлекаютъ молодыхъ людей, еще не извѣдавшихъ жизни, не укрѣпившихъ ума и характера, просто не разставшихся съ школьною скамьей, прямо бросаться въ водоворотъ общественной борьбы и въ ней нерѣдко навсегда губить свои силы, свою судьбу. Съ раннихъ лѣтъ стараются убивать въ молодыхъ людяхъ лучшія теплыя и безкорыстныя чувства и привязанности, святыя чаянія души человѣческой, самую дорогую вѣру въ жизнь и людей—жесткими и сухими матеріалистическими воззрѣніями на жизнь и людей. Лестны эти теоріи для испорченной природы человѣческой, потому что онѣ льстятъ всякой распущенности и бездѣлью, снимаютъ узду съ дурныхъ инстинктовъ природы. Естественно, что онѣ съ успѣхомъ распространяются въ молодомъ поколѣніи, еще неопытномъ и жадномъ до всего новаго,—и сколько зла отсюда выходитъ!.. Дай Богъ, чтобы зло ограничивалось, по крайней мѣрѣ, только временнымъ омраченіемъ нѣсколькихъ молодыхъ умовъ. Избави Богъ, какъ бы имъ не были искалечены нравственныя и физическія силы почти цѣлаго поколѣнія...

Много силъ тратится и убивается у насъ попусту въ молодости; но еслибы и въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы дѣлаемся настоящими общественными дѣятелями, мы всѣ, по крайней мѣрѣ, большую часть оставшихся силъ употребляли въ дѣло на пользу общества,—великая была бы въ обществѣ масса силъ дѣятельныхъ. Но не такъ бываетъ. И большая часть жизни посвящается у насъ, такъ-называемымъ, развлеченіямъ, удовольствіямъ, личнымъ интересамъ, просто праздности и бездѣлью, а не дѣлу. Лѣность, бѣгство отъ вся-

каго дѣла и преимущественно апатія къ дѣлу общественному—наши исконные враги. И вотъ другая причина вялости и шаткости нашего общественнаго прогресса. И вотъ другое благожеланіе вамъ, молодые люди! Дай вамъ Богъ, сохранивъ цѣлыя и крѣпкія силы для жизни и приготовивъ ихъ къ жизненной дѣятельности серьезнымъ развитіемъ, быть настоящими людьми дѣла, а не празднолюбцами,—не искателями однихъ забавъ, развлеченій, личныхъ выгодъ и т. п. Не новое что-нибудь мы здѣсь высказываемъ. Въ наше время (и за это честь ему) всѣ говорятъ о дѣлѣ, и между молодыми людьми теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, можно услышать фразу: «нужно дѣло дѣлать!» Наше время по преимуществу называютъ временемъ дѣловымъ, и собственно въ молодомъ современномъ поколѣніи зародился, говорятъ, въ послѣдніе годы цѣлый особенный типъ людей дѣла (реалистовъ), т. е. людей съ особенно сильными стремленіями и способностями къ дѣлу. Увлеченіе дѣломъ въ наше время доходитъ какъ будто даже до крайности. «Не нужно намъ людей чувства, говорятъ почти такъ, пустыхъ сантиментальныхъ фантазеровъ;—поменьше людей знанія и мысли, сухихъ доктринеровъ,—побольше людей дѣла; пожалуй, пусть будетъ и мысль, и чувство, но чтобы непремѣнно они имѣли дѣловое, практическое направленіе,—чтобы мысль, напримѣръ, только и занималась тѣмъ, что нужно ѣсть и пить,—а чувство только и чувствовало состояніе насыщенія и голода». Но извѣстная истина: не всегда-то такъ бываетъ на дѣлѣ, какъ бываетъ на словахъ. Мы не станемъ подозрительно относиться къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленіямъ молодаго поколѣнія. Мы не будемъ слишкомъ строги къ нему, какъ строго оно часто относится къ поколѣніямъ прежнимъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что далеко же не всѣ молодые люди принадлежатъ къ этому особенному типу молодыхъ людей, которые имѣютъ такое высокое понятіе о своихъ дѣловыхъ способностяхъ, и почему-то, ни съ кѣмъ не спросившись, считаютъ себѣ не только представителями молодаго поколѣнія, но выда-

ютъ, какъ будто все молодое поколѣніе въ нихъ заключается. Далѣе мы знаемъ, что и всегда во всѣхъ поколѣніяхъ бывали настоящіе люди дѣла, и бывали люди праздные, бездѣльные, иногда просто такъ и считающіе себя людьми праздными, бездѣльными, а иногда, напротивъ, еще болѣе самыхъ дѣловыхъ людей любящіе выставлять себя людьми горячо и неутомимо дѣятельными, въ сущности же только имѣющіе ловкость отговариваться отъ дѣла красивыми фразами. Въ какомъ поколѣніи больше способныхъ и усердныхъ къ дѣлу людей:—въ томъ ли, которое выходитъ изъ школъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда, говорятъ, и появился этотъ вышеупомянутый типъ людей дѣла—реалистовъ, или въ пятидесятыхъ, сороковыхъ, тридцатыхъ,—этого мы не станемъ рѣшать. Да и трудно въ этомъ отношеніи было бы сравнивать поколѣнія шестидесятыхъ годовъ съ поколѣніями хоть сороковыхъ,—потому что если о послѣднихъ мы кое-что знаемъ, каковы они были, что сдѣлали, кто между ними особенно отличился, какъ общественный дѣятель, то о первыхъ пока рѣшительно невозможно сказать опредѣленнаго сужденія, каковы они будутъ, и сколько изъ нихъ выйдетъ великихъ дѣятелей. Имъ принадлежитъ будущее,—пока мы отъ нихъ ничего не видали, пока мы только много слышимъ о нихъ. Мы не отрицаемъ того, что въ этомъ поколѣніи много дѣльныхъ людей. Намъ хочется вѣрить и тому, что въ немъ больше выйдетъ дѣльныхъ людей, чѣмъ въ прежнихъ поколѣніяхъ. Этому такъ и быть должно: и иначе было бы безчестье молодому поколѣнію, потому что это поколѣніе живетъ позже прежнихъ, и живетъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но, именно ради самаго уваженія къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленіямъ молодаго поколѣнія, желалось бы видѣть въ немъ меньше такихъ качествъ, которыя не служатъ признаками настоящей серьезности и дѣльности. И прежде всего, опасный для дѣла признакъ—это то, что многіе молодые люди слишкомъ уже много говорятъ о своихъ дѣловыхъ способностяхъ и стремленіяхъ. Болтливость и пустословіе—не признакъ дѣловыхъ людей. Кто на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ дѣло,

тому некогда, да и нѣтъ нужды много говорить о своей дѣятельности. У кого трудовая жизнь обратилась въ привычку, тотъ не станетъ вездѣ выставляться съ своими трудами, потому что они для него не составляютъ чего-нибудь особеннаго, необыкновеннаго, годнаго на выставку; они для него такое обыкновенное дѣло, о которомъ и говорить нечего. Кто много хвалится своимъ безкорыстіемъ, самоотверженіемъ, мужествомъ, это почти всегда вѣрный признакъ того, что случаи безкорыстія, самоотверженія, мужества рѣдки въ жизни такого человѣка: поэтому-то онъ и старается ихъ постоянно держать наглазахъ у себя и у другихъ, какъ нѣчто выходящее изъ ряду вонъ, какъ нѣчто необыкновенное. Точно также кто любитъ хвалиться своею дѣятельностью,—у того дѣятельность едва ли составляетъ привычку жизни.... Еще хуже то, что многіе, не дѣлая почти ничего, а только много говоря о дѣлѣ, не только другихъ стараются увѣрить, что они дѣльные люди, но и сами искренно увѣрены въ этомъ. Это довольно новое и очень опасное явленіе въ нашей общественной жизни. Въ прежнее время дѣлали дѣла мало,—по крайней мѣрѣ и не думали много о своей дѣятельности, и не придавали ей большаго значенія. Потомъ, не задолго до нашего времени былъ, говорятъ, въ нашемъ обществѣ особенный типъ людей, всю жизнь повидимому гонявшихся за дѣломъ, тосковавшихъ о дѣлѣ, и во всю жизнь почти ничего не дѣлавшихъ, частію по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ,—частію по ихъ собственной винѣ, потому что они не умѣли найдти и приладить себя къ дѣлу, потому что они были искажены и испорчены въ самомъ воспитаніи,—потому наконецъ, что много еще оставалось въ ихъ натурѣ лѣни природной и отъ предковъ наслѣдованной, а убѣжденіе въ необходимости труда, проникшее въ умъ и затронувшее сердце, не было на столько сильно, чтобы совершенно переработать натуру и весь строй жизни, искоренить старыя, непріязненныя труду привычки,—внѣшнихъ же возбужденій къ труду, при обезпеченности жизни, было мало. Много въ нынѣшнее время смѣются надъ этими, отживающими свое

время людьми,—много укоряютъ ихъ за то, что жизнь ихъ прошла безслѣдно, и ничего не внесено ими въ общественное дѣло. Но не говоря уже о томъ, что этотъ послѣдній упрекъ далеко не совсѣмъ справедливъ, не говоря о томъ, что эти люди въ свое время имѣли болѣе оправданій для своей недѣятельности, чѣмъ бездѣльные люди нашего времени; —нужно отдать имъ справедливость въ томъ, что они, по крайней мѣрѣ, не обманывали себя и другихъ, не говорили много о своей дѣятельности. Напротивъ, они такъ и считали себя людьми бездѣльными, мало того,—неспособными къ дѣлу, испорченными для дѣла, лишними въ жизни людьми. Силенъ былъ въ нихъ духъ самоиспытанія и самообличенія,—и этотъ благородный духъ самообличенія самъ по себѣ долженъ былъ дать нѣсколько добрыхъ залоговъ для общественнаго развитія. Вотъ этого-то самоиспытанія и самообличенія, къ сожалѣнію, мало замѣтно въ настоящее время. Большая часть людей нынѣшняго времени такъ довольна собой, что становится страшно за нихъ самихъ и за будущее нашего общественнаго развитія, потому что это довольство собою есть главный источникъ отупѣнія и нравственнаго застоя. Можетъ быть въ началѣ просто по реакціи давнему привычному бездѣлью, въ нынѣшнее время особенно много стали говорить о дѣлѣ, и договорились до того, что оглушили самихъ себя своими словами, и праздныя фразы о дѣлѣ начали принимать за самое дѣло. Вотъ здѣсь-то большая опасность, какъ бы иные не удовольствовались даже этимъ. Тунеядецъ, сознающій свое тунеядство, все еще подаетъ надежды на исправленіе,—по крайней мѣрѣ своимъ примѣромъ онъ не слишкомъ вредно дѣйствуетъ на другихъ. Но отъ тунеядца, выставляющаго себя дѣловымъ человѣкомъ, рѣшительно нечего ожидать,—и онъ самое вредное явленіе въ обществѣ по нравственному вліянію на другихъ!... Еще новый опасный для дѣла признакъ времени: между многими такъ-называемыми дѣловыми людьми современнаго развитія распространяются самыя поверхностныя, извращенныя понятія о дѣлѣ, не только обличающія въ нихъ незнакомство съ насто-

ящимъ дѣломъ, но, что еще хуже, внушающія опасенія за ихъ способность къ дѣлу и на будущее время. Мы уже упоминали объ одномъ изъ такихъ ложныхъ понятій; въ наши времена какъ-то слишкомъ рѣзко стали раздѣлять область практическаго дѣла отъ области мысли и чувства. «Поменьше намъ, говорятъ, философовъ—людей мысли,—вовсе не нужно людей чувства,—давайте намъ людей дѣла!» Положимъ, подобныя фразы не что иное, какъ неловкое выраженіе мысли, имѣющей въ основаніи своемъ нѣчто справедливое, т. е. что мысль и чувство не должны заниматься предметами, совершенно отвлеченными отъ жизни, а должны имѣть практическое, близкое къ жизни направленіе. Но въ дѣлѣ серьезномъ и самая неточность выраженія мысли, спутывая и сбивая съ толку некрѣпкіе умы, можетъ принести много вреда. Вотъ не въ этой ли неточности беретъ свое начало распространяющееся въ нынѣшнее время легкомысленное и вредное пренебреженіе къ серьезной наукѣ, къ чистому искусству,—ко всему тому, чего мы хорошо не понимаемъ, и на этомъ основаніи считаемъ себя въ правѣ совершенно отрицать? Не отсюда ли происходитъ и то, что у насъ иные преждевременно стремятся на поприще общественной дѣятельности, не кончивъ курса школьнаго образованія, и оставаясь плохими учениками въ школѣ, утѣшаютъ себя мыслію, что они будутъ великими общественными дѣятелями въ жизни? Пустыя мечты, ложныя представленія одѣлѣ! Безъ знанія, безъ истиннаго одушевленія не можетъ быть настоящаго дѣла,—а тѣмъ болѣе важнаго дѣла общественнаго. Дѣло человѣческое должно быть непохоже на работу машины, или неразумнаго животнаго. Оно только тогда хорошо, когда управляется знаніемъ и согрѣвается одушевленіемъ. Поэтому, не отвращаться намъ нужно отъ людей мысли и чувства. Нѣтъ, дай Богъ побольше намъ людей мысли, обогащенной знаніемъ, и людей истиннаго одушевленія,—только тогда будутъ у насъ и настоящіе люди дѣла! И пусть поменьше будетъ такихъ дѣятелей, которые, подобно рабочей машинѣ, готовы дѣлать всю жизнь для

самихъ себя невѣдомо что, безъ участія мысли и чувства, въ направленіи, какое угодно будетъ давать ихъ силамъ тѣмъ, для кого выгодно распоряжаться этими силами какъ механическими силами... Другое еще болѣе распространенное въ наше время, и не менѣе ошибочное и вредное представленіе о дѣлѣ,— будто дѣлать дѣло и стать дѣльнымъ человѣкомъ очень легко. Такое понятіе естественно можетъ образоваться при незнакомствѣ съ настоящимъ дѣломъ. Зная о трудѣ по наслышкѣ, или смотря на трудъ со стороны, очень натурально не замѣтить трудности труда. Отсюда легкіе взгляды на дѣло и фальшивая увѣренность, что мы способны ко всякому дѣлу, за какое бы ни принялись. Отсюда безпощадная строгость въ оцѣнкѣ чужихъ трудовъ, можетъ быть, и небезукоризненныхъ, но все-таки, какъ всякій трудъ, заслуживающихъ уваженіе. Слишкомъ скоры и щедры бываемъ мы на приговоры другимъ. «Тотъ ничего не дѣлаетъ, другой дѣлаетъ свое дѣло чрезвычайно дурно, а между тѣмъ дѣло, кажется, такое легкое,—намъ стоило бы только приняться за него, и у насъ бы оно пошло совсѣмъ иначе.» Нѣтъ, друзья, не обольщайте себя: такой взглядъ на дѣло больше всего показываетъ, что мы еще не знаемъ настоящаго дѣла. Смотря на трудъ со стороны, естественно, мы говоримъ, не видѣть трудности труда. Но не такъ будетъ разсуждать знакомый съ дѣломъ. Нѣтъ, никогда не обольщайте себя пріятною, но обманчивою мыслью, будто стать общественнымъ дѣятелемъ легко. Ничто серьезное въ жизни не достается легко. Какъ въ дѣлѣ образованія, такъ и во всякомъ дѣлѣ, по пословицѣ, корни бываютъ не вкусны, только плоды сладки. Кто желаетъ быть общественнымъ дѣятелемъ, долженъ приготовить себя къ тяжелому труду,—долженъ не о лаврахъ думать, а напередъ о терніяхъ, чрезъ которыя лежитъ путь къ лаврамъ. Иначе, приступая къ дѣлу съ слишкомъ легкимъ понятіемъ о дѣлѣ, мы на первыхъ же порахъ можемъ испытать разочарованіе. Первый опытъ покажетъ, что дѣло дѣлать далеко не такъ легко, какъ думалось,— и хорошо, если этотъ первый опытъ не охладитъ, не разоча-

руетъ насъ, а только образумитъ на будущее время. А то и такъ бываетъ, что иной, испытавши трудность перваго дѣла въ жизни, теряетъ потомъ энергію на всякое дѣло; а иной всю жизнь будетъ бросаться то, на то на другое дѣло,—и никогда ни одного дѣла не съумѣетъ выдержать и довести до конца. Это стремленіе бросаться на все и ничего не успѣвать сдѣлать,—хвататься за самыя великія, за самыя широкія и, большею частью, не касающіяся насъ дѣла,—не умѣя дѣлать дѣлъ самыхъ простыхъ, собственно до насъ относящихся,—это также характеристическій признакъ времени, много мѣшающій успѣху общественной дѣятельности. За науку мы беремся,—намъ сейчасъ хочется перестроить ее въ самыхъ основаніяхъ, освѣтить новыми воззрѣніями матеріалъ науки, не давая себѣ труда напередъ изучить основательно этотъ матеріалъ, иногда не имѣя самыхъ простыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ томъ, о чемъ мы разсуждаемъ съ такою самоувѣренностью. Въ общественной дѣятельности намъ представляется, какими мы могли бы быть великими государственными людьми, законодателями, организаторами, реформаторами общества. И между тѣмъ мы не умѣемъ быть просто исправными исполнителями самыхъ несложныхъ отправленій общественной дѣятельности—хорошими чиновниками, офицерами, учителями и т. д. Просвѣщать кого-нибудь хотимъ,—намъ всего противнѣе имѣть дѣло съ какой нибудь азбукой или ариѳметикой (оно же всетаки и труда и терпѣнья нѣкотораго требуетъ): толи дѣло прямо взяться за политику и философію и сообщать своимъ прозелитамъ такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Порывъ гуманности и человѣколюбія пробуждается въ насъ,—мы прямо хотѣли бы облагодѣтельствовать цѣлое человѣчество или ужъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый народъ, а до того иногда и дѣла нѣтъ, что кто-либо изъ людей самыхъ ближайшихъ къ намъ терпитъ крайнюю нужду... Странное противорѣчіе считать себя способными къ великимъ дѣламъ, не умѣя дѣлать малыхъ. Но въ немъ опять высказывается прежде всего наша неблагородная привычка тянуться за лаврами побѣды, едва по на-

слышкѣ зная о борьбѣ, а потомъ наше непониманіе настоящаго дѣла: ибо кто же изъ людей понимающихъ станетъ думать, что дѣлать великія дѣла легче, чѣмъ малыя? Наконецъ здѣсь же находитъ себѣ убѣжище опять-таки та же наша лѣнь, пустота, любовь къ бездѣлью. Бросаясь въ высокія и широкія сферы дѣятельности, всего удобнѣе ничего не дѣлать, а казаться дѣлающимъ. Здѣсь удобнѣе ограничиваться одними словами о дѣлѣ, или, если взяться за дѣло и ничего не сдѣлать, извинить себя широтою предпринятой задачи, силою противодѣйствующихъ обстоятельствъ, неимѣніемъ опоры въ окружающей средѣ и т. д. Понятно однакожъ, что такое отношеніе къ дѣлу не можетъ принести никакой пользы обществу; напротивъ, ничто болѣе не можетъ вредить ему, какъ это намѣренное усыпленіе и безъ того дремлющихъ силъ,—обманчивый призракъ дѣятельности тамъ, гдѣ нѣтъ никакой дѣятельности. Только тогда общественное дѣло будетъ развиваться правильно, когда каждый изъ насъ будетъ исправно и добросовѣстно дѣлать прежде всего свое, хоть и малое дѣло, не мѣшаясь въ чужія. Тогда будутъ у насъ великіе дѣятели въ высшихъ общественныхъ сферахъ, когда будутъ вполнѣ исправные въ низшихъ: потому что, если кто является плохимъ и неспособнымъ дѣятелемъ въ высшей сферѣ дѣятельности,—это именно всего болѣе зависитъ отъ того, что онъ слишкомъ легко относился къ низшимъ сферамъ. Нужно всегда начинать съ малаго, чтобы быть способнымъ дѣлать великое. Мы не ту нравственную ограниченность здѣсь проповѣдуемъ, чтобы каждый ограничивался только механическимъ исполненіемъ своего дѣла, относясь совершенно безучастно ко всѣмъ прочимъ интересамъ общества и не обращая даже вниманія на то, какое значеніе занимаетъ его дѣло въ великомъ дѣлѣ общественномъ. Нѣтъ, пусть каждый по мѣрѣ своего пониманія и живости натуры, мыслью и сердцемъ принимаетъ участіе въ интересахъ общественныхъ, но пусть не представляетъ этого чѣмъ-то особенно важнымъ, пусть этому не придаетъ значенія дѣла: кромѣ этого, пусть каждый изберетъ себѣ спеціальный кругъ дѣятельности;

въ которомъ бы могъ приложить свои общія идеи о благѣ общественномъ, строго испытавъ напередъ, къ чему кто способенъ, или въ случаѣ затрудненія въ этомъ вопросѣ, слѣдуя простому указанію обстоятельствъ жизни и другихъ опытныхъ людей. У кого есть великія силы, у того онѣ скажутся и въ малой сферѣ дѣятельности,—и сама собою будетъ расширяться для нихъ эта сфера, по мѣрѣ пріобрѣтенія нужной и для великихъ силъ жизненной опытности.

Еще одна изъ главнѣйшихъ причинъ недостаточнаго успѣха въ нашей общественной дѣятельности заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что у насъ очень мало даютъ, или почти вовсе не даютъ значенія нравственности въ дѣлахъ общественныхъ. Извѣстная способность и нѣкоторыя подготовка къ дѣлу, помимо всякихъ случайныхъ условій, у насъ все еще требуются отъ общественнаго дѣятеля; но что касается до нравственныхъ качествъ и требованій, — до нихъ, собственно говоря, никогда почти не бываетъ дѣла ни тому, кто принимаетъ на себя общественную дѣятельность, и никому другому. Правильная мысль, что добрая нравственность (а тѣмъ болѣе одинъ наружный видъ нравственности— лицемѣрная нравственность) сама по себѣ не можетъ замѣнить въ человѣкѣ способности къ извѣстному дѣлу, т. е. не можетъ дать обществу ни хорошихъ офицеровъ при недостаткѣ военнаго образованія и способностей къ военному дѣлу,— ни хорошихъ учителей при недостаткѣ знанія и педагогической опытности,—ни хорошихъ литераторовъ при неумѣньи писать и т. д. Но эту правильную мысль у насъ исказили, довели до крайности, извратили въ совершенно другую ложную и вредную мысль, что для общественной дѣятельности вовсе не нужна нравственность, что между общественною дѣятельностью и личною нравственностью дѣятелей нѣтъ, не можетъ быть и не должно быть ничего общаго. У насъ никого не удивитъ, напротивъ всѣмъ покажется совершенно спра-

ведливою въ сущности превратная и вредная мысль, что можно быть хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ, прекраснымъ офицеромъ, образцовымъ чиновникомъ, отличнымъ двигателемъ народной промышленности и торговли—и быть въ то же время человѣкомъ безнравственнымъ. Мало того—офицеромъ, чиновникомъ,—у насъ равнодушны къ нравственнымъ требованіямъ даже въ такихъ сферахъ жизни и дѣятельности, которыя главнымъ образомъ могутъ держаться на нравственномъ вліяніи. У насъ думаютъ, что можно быть прекраснымъ отцомъ семейства, образцовымъ воспитателемъ юношества, великимъ пророкомъ—карателемъ и учителемъ цѣлаго общества, поэтомъ, публицистомъ—и быть въ то же время человѣкомъ безнравственнымъ. Какіе плоды изъ этого? Во всѣхъ сферахъ общественной жизни—нравственное растлѣніе и зараза, отъ которой трудно уберечься самой чистой и самой крѣпкой натурѣ, которая не поддается никакимъ внѣшнимъ реформаторскимъ мѣрамъ, именно потому, что наружныя лѣкарства не помогаютъ тамъ, гдѣ корень болѣзни кроется глубоко внутри. Неправосудіе и лихоимство въ администраціи, обманъ и банкротство въ торговлѣ и промышленности, формальное исполненіе обязанностей почти во всѣхъ сферахъ государственной и общественной службы, угнетеніе или растлѣніе молодыхъ силъ въ образованіи и воспитаніи,—недобросовѣстность обращенія съ словомъ и мыслью, ради ловкой фразы и выгодной платы, готовая затуманить и развратить тысячи умовъ въ литературѣ, разладъ и ослабленіе самыхъ кровныхъ связей въ семьѣ, и почти совершенное отсутствіе связей общественныхъ, недостатокъ взаимнаго сочувствія, довѣрія и уваженія, холодность и апатія къ интересамъ страны и народа! Кто скажетъ, что эти страшныя нравственныя болѣзни чужды нашему общественному организму? И нечего жаловаться на нихъ, и нечего надѣяться исправить ихъ какими нибудь внѣшними средствами, пока будетъ оставляться безъ вниманія самый корень этихъ болѣзней, пока у насъ не перестанутъ думать, что можно весь вѣкъ прожить отлично, и великія услуги обществу

оказать, и пріобрѣсть всеобщее уваженіе, нисколько не заботясь о нравственности. Общество какъ будто или вовсе не задается самымъ вопросомъ о томъ, что такое нравственность, или если и создастъ себѣ извѣстные нравственные идеалы и требованія, то самые произвольные, до крайности ограниченные, нерѣдко вовсе превратные, и потому до крайности разнообразные и измѣнчивые, смотря по духу времени и характеру кружка, въ которомъ таковые идеалы и требованія создаются. Тамъ нравственностью называютъ умѣнье прилично вести себя внѣшнимъ образомъ,—прилично ходить, сидѣть, кланяться, говорить и т. п.; въ другомъ мѣстѣ—современное нравственное требованіе, наоборотъ, эмансипація отъ всякихъ приличій, полнѣйшая безцеремонность и оригинальность въ одеждѣ, разговорѣ, образѣ жизни и т. п. Тамъ выше всего цѣнятся лицемѣріе и ханжество, а здѣсь вольномысліе и небрежность ко всему святому: тамъ больше всего поощряютъ безсловесность и рабскую покорность, здѣсь великимъ нравственнымъ подвигомъ считается всякая грубость и дерзость, особенно предъ высшими себя. Въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи опоры для прегражденія вредныхъ безнравственныхъ вліяній нельзя найти никакой. Оно большею частію остается равнодушнымъ къ самымъ возмутительнымъ и вреднымъ явленіямъ общественной нравственности,—иногда какъ будто вооружается грознымъ приговоромъ противъ общественныхъ пороковъ, но въ какую сторону направляется эта гроза общественнаго приговора, почему только въ ту, а не во многія другія, болѣе значительныя—это совершенно зависитъ отъ какой-нибудь случайности, или отъ внѣшнихъ обстоятельствъ: поэтому-то такъ часто и измѣняются требованія и приговоры общественнаго мнѣнія. Вчера оно съ безпощадною строгостью карало всякое необычное проявленіе самостоятельности и умственной силы, преимущественно въ молодомъ возрастѣ, а сегодня рукоплещетъ всякимъ проявленіямъ уже не самостоятельности, а просто проявленіямъ своеволія, и боится сказать правдивое слово такъ называемому молодому поколѣнію.

Вчера оно подавляло своимъ презрѣніемъ увлеченіе и соблазнъ въ слабой женщинѣ, (поощряя, впрочемъ, своимъ потворствомъ, а иногда и похвалами грубый, грязный и холодно-разсчитанный развратъ мужчины, поставляющаго своею спеціальностью обольщенія и побѣды извѣстнаго рода); сегодня же общественное мнѣніе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ слушаетъ и похваливаетъ за бойкость рѣчи новыя теоріи о томъ, что бракъ есть предразсудокъ, дѣвическая стыдливость и невинность—глупость, воздержаніе отъ страстей—грѣхъ противъ природы, семейныя связи—деспотизмъ и т. д. Вчера общественное мнѣніе съ непомѣрнымъ усердіемъ ратовало противъ взяточниковъ (конечно только на словахъ, на дѣлѣ взяточники всегда могли пользоваться почетомъ и всѣми выгодами общественнаго положенія),—сегодня же оно чуть само не начинаетъ опять склоняться къ тому мнѣнію, что безъ взяточниковъ общество существовать не можетъ, и возставать противъ нихъ—одно вольнодумство. Даже не вчера и не сегодня, а тутъ же въ одно время и въ одномъ мѣстѣ—въ одномъ извѣстное нравственное свойство подвергается осужденію, а въ другомъ оно поощряется; напр. осуждается какъ низость всякое, даже и на разумныхъ основаніяхъ допускаемое, признаніе авторитетовъ—на словахъ,—и поощряется, какъ мягкодушіе и любезность, самое униженное прислуживанье передъ милостивцами—на дѣлѣ;—подвергаются осмѣянію и возбуждаютъ отвращеніе, какъ признакъ варварства, всякія проявленія грубости и дерзости на сходкахъ крестьянскихъ,—и вызываютъ въ иныхъ образованныхъ людяхъ тайное, а въ иныхъ и явное сочувствіе и удивленіе подобныя же явленія въ самой высокой сферѣ общественной жизни—въ литературѣ... Наконецъ, къ довершенію всего, безнравственность возводится въ принципъ, оправдывается цѣлымъ строемъ нарочно придуманныхъ для того фальшивыхъ философскихъ теорій. Отвергаются вѣчныя, св. вѣрою заповѣданныя, разумомъ и вѣчнымъ опытомъ оправданныя, начала нравственности, т. е. начала любви и самоотверженія, и на мѣсто того проповѣ-

дуется эгоизмъ, какъ единственный двигатель, какъ живое начало всякой дѣятельности личной и общественной (а дабы открытая теорія эгоизма сама по себѣ не отталкивала своею явною нелѣпостью и безобразіемъ, проповѣдники этой теоріи стараются маскировать ее, объясняя слово «эгоизмъ» въ новомъ, ни для кого не привычномъ смыслѣ, приписывая ему вовсе несродныя, отъ тѣхъ же отвергаемыхъ началъ любви и самоотверженія заимствованныя черты, дабы путаницею словъ спутать самыя понятія въ обществѣ, и съ большимъ удобствомъ пролить въ души довѣрчивыхъ людей ядъ въ подслащенномъ видѣ). Преклоняются съ благоговѣніемъ, какъ предъ великимъ философскимъ открытіемъ, предъ парадоксальною мыслью иноземнаго писателя, что нравственнаго прогресса въ обществѣ нѣтъ и не должно быть, что благосостояніе обществъ единственно зависитъ отъ одного умственнаго прогресса (накопленія знаній) и матеріальнаго (накопленія богатствъ). Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?.. Да, вліяніе нравственныхъ силъ на общественное благосостояніе не такъ замѣтно, какъ вліяніе знаній и матеріальнаго довольства, потому что оно распространяется болѣе сокровеннымъ путемъ и касается не однихъ внѣшнихъ (часто обманчивыхъ) сторонъ общественнаго благосостоянія, а самой его внутренней основы. Конечно, и самой суммы нравственныхъ силъ въ обществѣ нельзя вымѣрять аршиномъ, вывѣсить фунтами, вычислить статистически съ такою же точностью, или по крайней мѣрѣ приблизительною вѣроятностью, какъ опредѣляется въ статистикѣ количество народнаго богатства, или количество грамотныхъ людей, учебныхъ заведеній и печатныхъ книжекъ, выходящихъ въ извѣстномъ году въ извѣстномъ государствѣ (что впрочемъ не еще всегда служитъ вѣрнымъ показателемъ и самаго умственнаго прогресса въ обществѣ). Поэтому-то, естественно, вліяніе нравственныхъ силъ въ обществѣ остается незамѣтнымъ для такихъ мудрецовъ нынѣшняго вѣка, которые на все смотрятъ съ грубо-матеріальной точки зрѣнія, которые привыкли все мѣрять на аршинъ, вѣсить на фунты,

Но вѣрьте неложному слову писанія, что *сѣмя святое есть стояніе міра*, т. е., что истинная нравственность есть самая коренная, самая глубокая основа благосостоянія не только отдѣльныхъ обществъ, но и цѣлаго человѣчества. Вѣрьте старой, въ старыхъ плохихъ учебникахъ часто повторявшейся, а въ новыхъ лучшихъ къ сожалѣнію рѣдко встрѣчающейся, истинѣ, что только добродѣтелями возвышаются, поддерживаются и процвѣтаютъ общества и государства, а упадокъ нравственный всегда служитъ въ нихъ источникомъ и предвѣстіемъ самаго политическаго паденія. Какъ это бываетъ, непонятно развѣ не желающему понимать. Развѣ же въ самомъ дѣлѣ для общества все равно— будемъ ли мы привязаны къ своей родинѣ только потому, что здѣсь наши домы, имущества, и здѣсь намъ жалованье даютъ, или—по искренней любви къ отечеству, въ живомъ сознаніи тѣхъ нравственныхъ связей съ нимъ, которыя, можно сказать, со всѣхъ сторонъ обхватываютъ нашу жизнь? Развѣ для общества все равно, будемъ ли мы участвовать въ его интересахъ настолько, насколько они касаются нашего кармана, или, наоборотъ, готовы будемъ въ случаѣ нужды жертвовать своими личными интересами для блага общественнаго? Развѣ для общества все равно, что мы не будемъ обманывать другъ друга, воровать, убивать только въ такихъ случаяхъ, когда это неудобно сдѣлать, когда чрезъ это можетъ выйти вредъ для насъ же самихъ, когда грозитъ страхъ полиціи и отвѣтственность предъ закономъ, или же, что мы будемъ отвращаться всѣхъ подобныхъ преступленій по своему нравственному чувству? Развѣ для общества все равно—будутъ ли распространены между его членами добрые, простые и строгіе нравы, или роскошь, чувственность, развратъ, изнѣженность, слабодушіе, видимымъ образомъ нравственно и физически растлѣвающія и убивающія общество? Развѣ для общества все равно—будутъ ли въ семьяхъ отношенія между мужемъ и женой основываться на однихъ случайныхъ увлеченіяхъ чувственности и разсчетахъ корысти, и отношенія между родителями и дѣть-

ми на внѣшнихъ, строго опредѣленныхъ гражданскихъ постановленіяхъ, — или на высокомъ сознаніи святости семейнаго союза, на нравственныхъ началахъ взаимной любви, взаимнаго уваженія, взаимнаго снисхожденія и т. д. Развѣ для общества все равно—будемъ ли мы исполнять въ немъ свои обязанности, я—священническія, вы—офицерскія, онъ—чиновническія только потому, что какъ будто какая-то судьба меня сдѣлала священникомъ, васъ—офицерами, его—чиновникомъ, и насъ здѣсь поятъ и кормятъ, а больше намъ дѣться некуда, по недостатку подготовки къ другимъ занятіямъ, или каждый изъ насъ будетъ исполнять свои обязанности по любви къ своему дѣлу, по высокому сознанію святости и важности его въ великомъ дѣлѣ общественномъ? Такъ, мы говоримъ, только уму, извращенному ложными теоріями, до фанатизма предубѣжденному противъ истины, на каждомъ шагу свидѣтельствуемой жизнью, можно не понять какое вліяніе имѣетъ нравственность на благосостояніе обществъ. Она воистину есть глубочайшая основа самаго существованія и крѣпости ихъ, и никакое накопленіе богатствъ, даже никакое накопленіе знаній не спасетъ общество отъ погибели тамъ, гдѣ между членами общества будутъ распространены роскошь, чувственность, развратъ, лѣность, изнѣженность, взаимное недовѣріе, эгоизмъ, жестокость сердечная, холодность къ родинѣ, апатія къ интересамъ общественнымъ, наконецъ, какъ корень всякаго зла, недостатокъ прочныхъ убѣжденій и отсутствіе страха Божія въ совѣсти и сердцѣ.—Поэтому нельзя отдѣлять дѣла общественнаго отъ дѣла нравственнаго,—и всякому вступающему на поприще общественной дѣятельности прежде всего нужно спросить себя, нравственный ли онъ человѣкъ. Всякому, желающему послужить обществу, прежде всего нужно дать обществу въ себѣ самомъ хорошаго члена. Всякому, ревнующему о прогрессѣ — усовершенствованіи общества, должно начать нравственное усовершенствованіе съ себя самого. Здѣсь нужно строгое самоиспытаніе, искреннее стремленіе къ нравственному совершенству, твердая рѣшимость на подвигъ и борь-

бу. У насъ наоборотъ бываетъ. У насъ иной готовъ все общество, все человѣчество преобразовать, тысячи людей уму и нравственности научить, только о собственномъ исправленіи никогда не думаетъ, съ одною какою-нибудь мелкою страстью, или привычкой въ себѣ самомъ побороться у него рѣшимости нѣтъ. Стремленіе къ нравственному совершенствованію, личный подвигъ, борьба съ собою—для нашего времени непривычныя слова! Не удивительно, что въ наше время распространяется и имѣетъ успѣхъ грубое ученіе, что въ человѣкѣ свободы нѣтъ, борьба съ самимъ собой и личное усовершенствованіе—невозможны,—человѣкъ во всей своей жизни и дѣятельности—игрушка внѣшнихъ вліяній. Не удивительно, мы говоримъ, что этому ученію вѣрятъ тамъ, гдѣ какъ будто на самомъ дѣлѣ живется только по вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, гдѣ о нравственномъ усовершенствованіи, о личномъ подвигѣ, о борьбѣ съ собою и помину нѣтъ. Но пора же наконецъ пробудиться отъ такого усыпленія и разслабленія нравственнаго, угрожающаго крайнимъ измельчаніемъ характеровъ и утратой всякихъ личныхъ доблестей въ обществѣ. Пора признать, что всѣ наши фразы о благѣ общественномъ ни на шагъ не подвинутъ общества на пути истиннаго прогресса, пока мы будемъ оставлять безъ вниманія свое личное нравственное благо... Не спрашивайте, какимъ образомъ каждый изъ насъ могъ бы принести пользу обществу своими личными подвигами и добродѣтелями, своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Нравственное вліяніе распространяется въ обществѣ, какъ мы уже говорили, путемъ не столько явнымъ, какъ распространяется напримѣръ знаніе, или богатство; способа его распространенія нельзя объяснить какъ-нибудь механически; но тѣмъ не менѣе оно есть фактъ несомнѣнный. Добрый нравственный человѣкъ уже тѣмъ однимъ приноситъ пользу обществу, что живетъ въ обществѣ. Кругомъ него на всѣхъ, имѣющихъ къ нему болѣе или менѣе близкія отношенія, распространяется вліяніе добрыхъ понятій, добрыхъ чувствъ, добрыхъ привычекъ,—и трудно сказать, гдѣ будетъ предѣлъ распространенію этого добра-

го вліянія. Жизнь человѣка нравственнаго въ обществѣ способствуетъ возвышенію строя общественной нравственности, очищенію— такъ сказать—самой нравственной атмосферы общества. Всякое общество имѣетъ свой нравственный строй, свою нравственную атмосферу; смотря по качеству этой атмосферы, одно общество называютъ безнравственнымъ, другое — болѣе нравственнымъ. Эта атмосфера имѣетъ такое же сильное вліяніе на понятія и нравы отдѣльныхъ членовъ общества, какъ сильно воздушная атмосфера вліяетъ на здоровье и физическое благосостояніе людей, живущихъ въ ней. Но и сама эта нравственная атмосфера не откуда-нибудь извнѣ посылается въ общество, а образуется подъ условіемъ нравственныхъ понятій, привычекъ и дѣйствій частныхъ членовъ общества. Общественная нравственность есть—такъ сказать—сумма, или средній показатель нравственности отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общество. Сюда каждый изъ членовъ общества незамѣтно вводитъ струю своего вліянія, чистую и здоровую—хорошій нравственный человѣкъ, гнилую и вредную—человѣкъ дурной безнравственный. Поэтому не безразличное дѣло для блага общественнаго—будетъ ли каждый изъ насъ нравственнымъ, или безнравственнымъ человѣкомъ. Всякій дурной поступокъ нашъ, всякая грубая склонность и привычка вноситъ растлѣніе и ядъ въ жизнь общественную, и всякій личный подвигъ, всякій шагъ на пути нравственнаго усовершенствованія, всякая, по видимому, незначительная, ни для кого незамѣтная, побѣда надъ какою-нибудь дурною склонностью и привычкою не остается безъ добрыхъ результатовъ для цѣлаго общества. Это особенно должно внушить намъ осторожность въ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ и поощрять на подвигъ нравственнаго усовершенствованія.

Но гдѣ же взять идеалы для прояснения и утвержденія нравственныхъ понятій? Гдѣ найти силы на подвигъ и борьбу? Гдѣ путь къ нравственному усовершенствованію? Вотъ, наконецъ, мы дошли до того, что главнѣйшимъ обра-

зомъ нужно нашему обществу для успѣха всѣхъ его добрыхъ начинаній и стремленій, и каждому изъ насъ для нашего личнаго усовершенствованія. *Азъ есмь путь, истина и животъ*, сказалъ Божественный Основатель нашей святой вѣры, и скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ утратятъ свое значеніе эти Божественныя слова. Послѣ этого нечего спрашивать, гдѣ намъ искать образцовъ, силъ и средствъ для нравственнаго усовершенствованія. Намъ, рожденнымъ, воспитаннымъ и живущимъ въ христіанствѣ, святая религія христіанская, кажется, не должна бы быть такъ чужда, чтобы не знать, какое великое сокровище нравственное мы въ ней имѣемъ. Живымъ союзомъ вѣры и любви соединяя души людей съ источникомъ всего истиннаго, добраго и святаго, святая религія христіанская проливаетъ свѣтъ истины, добра и правды во всѣ сферы человѣческой жизни и дѣятельности и не только представляетъ высокія правила и образцы нравственнаго совершенства, но и даетъ самыя благодатныя силы къ осуществленію ихъ, къ борьбѣ съ собою, къ побѣдѣ надъ злыми навыками и страстями. Читайте Евангеліе, читайте внимательнѣе Св. Писаніе,—глубже вникайте въ духъ и смыслъ его—не однимъ умомъ, а живымъ участіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, и вы найдете здѣсь полноту безконечно-высокихъ нравственныхъ идеаловъ и живое воплощеніе всѣхъ ихъ въ Божественной личности нашего Искупителя. Читайте исторію Церкви, читайте жизнеописанія святыхъ людей,—и здѣсь вы увидите множество примѣровъ тому, какъ святая христіанская вѣра, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей среды, среди самаго глубокаго невѣжества и разврата общественнаго, умѣла всегда воспитывать и возвышать до невѣроятной почти для человѣка естественнаго нравственной высоты цѣлыя тысячи людей различныхъ половъ, возрастовъ и состояній общественныхъ,—увидите, какъ цѣлые народы изъ состоянія грубаго и дикаго возвышены христіанствомъ на высокую степень прогресса и цивилизаціи до того, что теперь самое понятіе о народѣ цивилизованномъ почти

всегда соединяется съ понятіемъ о народѣ, просвѣщенномъ христіанствомъ; увидите, какъ въ цѣломъ человѣчествѣ во всей его исторіи самый строй нравственныхъ понятій и отношеній видимымъ образомъ измѣнялся, возвышался, облагораживался по мѣрѣ того, какъ христіанскія начала проникали въ жизнь человѣчества. Вематривайтесь внимательнѣе въ жизнь хорошихъ добрыхъ христіанскихъ семействъ и личностей,— только не лицемѣрно и не суевѣрно христіанскихъ, а такихъ, въ которыхъ святая вѣра служитъ не однимъ внѣшнимъ покровомъ, а глубокою основой и дѣятельнымъ началомъ всей жизни, въ которыхъ теплота религіознаго чувства соединяется съ твердымъ разумнымъ пониманіемъ самыхъ христіанскихъ началъ и человѣческихъ отношеній,—замѣчайте, чѣмъ различается жизнь такихъ людей отъ другихъ, которые живутъ не по духу Христову, и вы увидите, что христіанская вѣра не престаетъ и въ настоящее время дѣйствовать благотворно на души и сердца людей, въ томъ же самомъ обществѣ, при тѣхъ же самыхъ нравственныхъ условіяхъ, проводя глубокое различіе между чадами міра и чадами Христовыми. Наконецъ держитесь, сколько возможно ближе общенія съ св. Церковію, пользуйтесь обильнѣе и чистосердечнѣе тѣми благотворными средствами нравственнаго преуспѣянія, которыя предлагаетъ она въ своемъ ученіи, въ своемъ богослуженіи, преимущественно въ св. таинствахъ,—и вы въ себѣ самихъ, въ своей собственной жизни, увидите благодатную силу Божію, поборающую нравственныя немощи человѣческія. Такъ недалекъ отъ насъ полный глубокій источникъ нравственной жизни, изъ котораго каждый можетъ черпать въ свою пользу, сколько хочетъ!.. Къ сожалѣнію, почти всегда большинство людей старается какъ будто нарочно, подъ разными предлогами, обходить этотъ живоносный и неизсякаемый источникъ, и искать удовлетворенія и оживленія своимъ нравственнымъ силамъ въ какихъ-нибудь другихъ, мелкихъ и мутныхъ, иногда даже и заразительныхъ, кладенцахъ самодѣльныхъ человѣческихъ мудрованій. Не удивительно, что сила зла, такъ глубоко вошедшая

въ природу человѣка, и имѣющая такую власть надъ нимъ, всячески отвращаетъ человѣка отъ свѣта и добра подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами. Самый общеупотребительный въ такихъ случаяхъ предлогъ, которымъ лѣность наша прикрываетъ уклоненіе отъ пути христіанской жизни, есть высота, трудность, недостижимость христіанскаго идеала. Но въ томъ, конечно, и высокое достоинство этого идеала для людей всѣхъ нравственныхъ состояній, для человѣчества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ ступеней развитія, что высоко стоитъ этотъ идеалъ надъ жизнью, и на неизмѣримую нравственную высоту онъ поднимаетъ съ собою жизнь человѣческую, и нѣтъ конца восхожденіямъ отъ силы въ силу для человѣка, располагающаго свою жизнь по этому идеалу. А съ другой стороны, въ христіанствѣ не налагаются на человѣка непосильныя требованія, не требуется отъ него сразу—исполненіе всѣхъ заповѣдей и добродѣтелей закона христіанскаго, но съ любовію пріемлется каждый незамѣтный шагъ, всякое малѣйшее усиліе на пути нравственнаго совершенства. Здѣсь и малая лепта бѣдной вдовицы, отъ усердія влагаемая въ сокровищницу Церкви, цѣнится не ниже богатствъ многоцѣнныхъ. Здѣсь и чаша студеной воды, подаваемая жаждущему во имя Христово, даетъ мзду въцарствіи небесномъ... Въ наши времена пытались представить другой предлогъ для оправданія уклоненій человѣческой воли отъ нравственнаго закона Христова. Мудрецы вѣка нашли, что христіанское ученіе несообразно съ человѣческою природой, что нравственныя требованія христіанства устарѣли, что для современно-развитаго человѣчества нужны новыя нравственныя понятія, новые идеалы. Не ограничиваясь словами, пытались, говорятъ, на дѣлѣ самыя формы нравственной христіанской жизни, какъ напримѣръ бракъ, или проявленія ея, выражающія чистую добровольную христіанскую благотворительность, замѣнить по своимъ понятіямъ, новыми, то слишкомъ свободными, то слишкомъ принудительными и деспотическими формами. Но гнилые и горькіе плоды подобныхъ попытокъ въ самое короткое время

дали обществу почувствовать, какими гибельными результатами должно сопровождаться такое сознательное намѣренное уклоненіе отъ христіанскаго нравственнаго идеала... Что же? Убѣдилось ли общество въ томъ, что внѣ христіанской религіи не можетъ быть истинной и крѣпкой нравственности, а слѣдовательно, и самаго глубокаго залога общественной крѣпости, общественнаго развитія? Убѣдилось ли общество въ томъ, что религія христіанская поэтому должна быть положена въ основу всѣхъ реформаторскихъ попытокъ, всѣхъ прогрессивныхъ стремленій, всей общественной дѣятельности? Съ глубокою скорбію мы должны сказать, что для большей части нашего общества (мы разумѣемъ здѣсь не простой народъ, а главнымъ образомъ наше высшее, цивилизованное, просвѣщенное общество) религія составляетъ не глубокую основу жизни и дѣятельности, а только одно внѣшнее *decorum*, отъ котораго, пожалуй, инымъ было бы пріятно, но только кажется неприлично и опасно, совсѣмъ избавиться. И если выше мы справедливо говорили о томъ, что у насъ слишкомъ мало думаютъ о нравственности, какъ глубочайшей основѣ общественнаго благосостоянія и прогресса, то тѣмъ съ большею справедливостью мы можемъ сказать здѣсь это о религіи. Между прогрессомъ общественнымъ и религіей еще рѣшительнѣе, чѣмъ между общественнымъ и нравственнымъ дѣломъ, у насъ не признаютъ ничего общаго. Вотъ теперь, въ эпоху прогрессивныхъ стремленій и кипучихъ реформъ въ обществѣ, многимъ ли приходило на мысль, что напереди всѣхъ возможныхъ реформъ должна идти забота о томъ, чтобы дать религіи больше значенія въ жизни народной, способствовать очищенію и возвышенію религіознаго пониманія и чувства въ простомъ народѣ, а еще болѣе въ такъ-называемомъ цивилизованномъ обществѣ, въ большинствѣ своихъ членовъ доходящемъ до крайней степени растлѣнія религіознаго пониманія и чувства? Да увѣнчаетъ Господь желаемымъ успѣхомъ усилія тѣхъ немногихъ личностей, которыя прилагаютъ свою душу къ этому святому дѣлу; но большинство общества, искренно

сказать, и до сихъ поръ объ этомъ почти вовсе не думаетъ. Есть и такіе люди, которые, отдѣливъ для религіи извѣстный уголокъ въ душѣ и жизни, и всячески стараясь сдѣлать этотъ уголокъ какъ можно меньшимъ, какъ будто даже боятся, какъ бы религія не перешла далѣе назначенныхъ ей границъ и не простерла своего вліянія на такія сферы жизни и дѣятельности, въ которыхъ признается ненужнымъ, даже опаснымъ вліяніе религіи. Иные какъ будто думаютъ, что возвышеніе значенія религіи въ частной и общественной жизни не только не будетъ полезно, но будетъ даже вредно. И это не какіе-нибудь отъявленные радикалы—безбожники, нигилисты.—нѣтъ, иные почтенные отцы семействъ, патентованные учители и воспитатели юношества, руководители общественнаго сознанія въ наукѣ и литературѣ,—многіе такъ-называемые благонамѣренные и даже, по своему, религіозные люди, съ отвращеніемъ и ужасомъ говорящіе о всеотрицающемъ нигилизмѣ, не подозрѣвая того, что этотъ ужасный нигилизмъ есть не что иное, какъ родное чадо, логическій результатъ ихъ фальшивой благонамѣренности и религіозности, въ извѣстную недѣлю года отбывающей всѣ свои религіозныя повинности, а потомъ все остальное время потѣшающей себя легкими шутками на счетъ религіи. Что же опаснаго предполагаютъ подобные люди въ распространеніи религіознаго вліянія на общество?... Боятся они распространенія въ обществѣ какихъ-нибудь клерикальныхъ іезуитскихъ тенденцій, подобныхъ тѣмъ, которыя мѣшали общественному прогрессу въ католическихъ странахъ западной Европы? Но, не говоря уже о томъ, что наша православная Церковь еще не подавала повода заподозрѣвать себя въ какихъ-либо вредныхъ, систематически организованныхъ клерикальныхъ или іезуитскихъ тенденціяхъ,—нужно, по крайней мѣрѣ, дѣлать различіе между іезуитствомъ и истинною христіанскою религіею. Боритесь, если находите нужнымъ, съ проявленіями клерикальныхъ и іезуитскихъ тенденцій въ обществѣ, но изъ-за этого не лишайте же вовсе общества благотворнаго религіознаго вліянія. Или мы, неувѣ-

ренные еще въ своемъ умѣньи твердо идти путемъ прогресса, боимся опять воротиться къ тому общественному коснѣнію, въ которомъ, говорятъ, держало древнюю Русь исключительное религіозное вліяніе? Но, по совѣсти, нужно выражаться правильнѣе: не само по себѣ религіозное вліяніе, а исключительный характеръ его, по которому религія и въ древне-руской жизни большею частію, особенно въ послѣдніе періоды ея, стояла только какъ внѣшнее *decorum*, а не проникала въ нравственную жизнь народа, всего же болѣе недостатокъ просвѣщенія, условливаемый многими печальными историческими обстоятельствами,—вотъ что привело нашу древнюю Русь къ застою и коснѣнію (если ужъ безъ всякаго спора допустить, что нашъ летучій прогрессъ послѣднихъ вѣковъ безконечно выше коснѣнія древней Руси). Напротивъ, можетъ быть, именно только вліянію религіи—чуть ли не единственной нравственной стихіи, оживлявшей древнерусскую жизнь,—наши предки обязаны тѣмъ, что не обратились совсѣмъ въ грубый одичалый народъ, при недостаткѣ просвѣщенія, при разобщенности со всѣми цивилизованными народами, при тяжкихъ историческихъ испытаніяхъ, длившихся въ продолженіе многихъ вѣковъ. Наконецъ, можетъ быть, иные просто боятся того, какъ бы съ распространеніемъ религіознаго вліянія въ обществѣ не увеличилось число ханжей и лицемѣровъ? Да, хорошъ религіозный и нравственный строй общества, гдѣ о религіи нельзя подумать безъ того, чтобы не прійдти къ мысли о ханжествѣ и лицемѣріи,—гдѣ и на самомъ дѣлѣ и человѣкъ истинно религіозный, и ханжа, и лицемѣръ подводятся подъ одинъ разрядъ людей лишнихъ и вредныхъ для общества... Что же? Пусть, если угодно, дѣлаютъ новыя попытки благоустройства общественнаго, помимо вліянія религіи; но пусть знаютъ, по крайней мѣрѣ, что рядъ этихъ попытокъ можетъ тянуться въ безконечность, и съ каждымъ годомъ можно всѣ старыя постройки перестроивать на новый ладъ,—и никогда не будетъ прочнаго успѣха въ работѣ, если не будетъ положено твердаго основанія общественному зданію. *А основанія иного никто не можетъ положить, кромѣ положеннаго,*

которое есть I. Христосъ (1 Кор. 3. 11.) Помимо вліянія религіи, не можетъ быть въ обществѣ доброй нравственности, а слѣдовательно, и прочнаго блага общественнаго. Для того, чтобы быть нравственнымъ, нужно прежде всего имѣть прочныя нравственныя убѣжденія, какъ твердую и постоянную опору дѣятельности. Но нравственныя понятія и убѣжденія не зарождаются въ обществѣ сами изъ ничего. Это только люди, не имѣющіе яснаго сознанія о содержаніи своей собственной головы, способны такъ думать, что нравственныя понятія, которыми они и ихъ знакомые руководятся въ жизни, такъ сами собою неизвѣстно откуда берутся. Нравственныя понятія даются обществу или положительно религіею, или самодѣятельнымъ исканіемъ развитыхъ умовъ, т. е. философіею. Но что касается до философіи, то не говоря уже о томъ, что въ нашемъ обществѣ она едва извѣстна только по имени, она никогда и не можетъ дать прочныхъ нравственныхъ основъ для жизни цѣлаго народа уже потому, что сама нуждается въ прочныхъ основахъ,—и потомъ по самой произвольности, постоянной измѣнчивости, отвлеченности отъ жизни,—наконецъ, по узкому, что называется субъективному характеру своихъ нравственныхъ теорій. Откуда же послѣ этого общество будетъ брать нравственныя понятія и убѣжденія, безъ которыхъ, какъ безъ хлѣба насущнаго, оно не можетъ и одного дня просуществовать, если оно всячески будетъ стараться избѣгать вліянія религіи? Не имѣя ничего собственнаго, постоянно прислушиваться къ отголоскамъ чужихъ нравственныхъ мнѣній, слѣдовать то тому, то другому изъ нихъ безъ разумнаго основанія, мѣнять ихъ чуть не съ каждымъ днемъ,—такъ живетъ наше общество уже много десятковъ лѣтъ; но вѣдь, наконецъ, весь вѣкъ жить чужимъ умомъ постыдно, да и невозможно; и при такихъ условіяхъ нечего и думать серьезно объ общественномъ прогрессѣ,—можно только играть въ прогрессъ. Пора же, наконецъ, придти въ себя, и начить жить своимъ умомъ. Пора обратиться къ тѣмъ великимъ и неизсякаемо-глубокимъ сокровищамъ нравственной жизни, которыя заключаются въ святой христіанской вѣрѣ. Только

тогда, когда она утвердится въ основаніе всякаго общественнаго прогресса, будетъ у насъ истинный и прочный прогрессъ.

«Блаженъ человѣкъ, утверждающій свою жизнь на ученіи Христовомъ. Онъ подобенъ, по словамъ Самого Господа, мужу мудрому, который построилъ домъ свой на камнѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что былъ основанъ на камнѣ. А человѣкъ, ищущій нравственныхъ основъ жизни внѣ Христова ученія, подобенъ мужу безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ и было паденіе его великое (Мѳ. VII. 24—27).»

*
* *

Этимъ я закончу свою послѣднюю бесѣду съ вами. Не осудите меня за то, если въ моихъ словахъ что-либо показалось вамъ слишкомъ рѣзкимъ. Конечно, я не хотѣлъ быть намѣренно рѣзкимъ, и особенно въ послѣдней бесѣдѣ; рѣзкость сужденій вызывалась самымъ предметомъ ихъ, о которомъ хотѣлось поговорить искренно,—а искренность слова не требуетъ извиненій между людьми, знающими другъ друга. И не думайте принимать только на свой счетъ того, что было рѣзкаго въ моихъ словахъ. Нѣтъ, оно относится не къ вамъ однимъ, и вообще не къ молодому только поколѣнію, но можетъ быть еще болѣе къ намъ, къ поколѣніямъ старшимъ. Но мы, люди старшихъ поколѣній, уже болѣе испытанные и, можетъ быть, значительно испорченные жизнью, желали бы, по крайней мѣрѣ, въ васъ, наша надежда—младшія поколѣнія, не видѣть тѣхъ болѣзней, какими болѣли и болѣемъ мы сами,—чтобы вы были лучшими людьми и достойнѣйшими дѣятелями общественными, чѣмъ мы. Жатва многа, дѣлателей мало; будемъ молить Господина жатвы, чтобъ Онъ въ новыхъ поколѣніяхъ послалъ достойныхъ дѣлателей на жатву Свою!

14-го августа 1865 года.

III.

Плоды ученія въ жизни. — примѣнительно къ евангельской притчѣ о сѣятелѣ и сѣмени.

Вышелъ сѣятель сѣять. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ, и налетѣли птицы, и поклевали то. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ немного было земли: и скоро взошло, потому что земля была неглубока; но когда взошло солнце—увяло, и, не имѣя корня, засохло. Иное упало въ терніе; и выросло терніе и заглушило его. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ—одно въ сто кратъ, другое въ шестьдесятъ, а иное въ тридцать. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ» (Матѳ. XIII, 3—9).

Въ этой притчѣ Господь Іисусъ Христосъ объяснялъ ученикамъ Своимъ и собравшемуся около Него народу, какъ и отчего одно и то же святое ученіе евангельской истины приноситъ неодинаковые плоды въ сердцахъ и жизни людей, слушающихъ его. Притча эта можетъ быть примѣнена не къ евангельскому только, а и ко всякому другому ученію: въ ней простыми, но живыми и глубокими чертами изображена вообще судьба истины въ мірѣ, одинаковой для всѣхъ, но не одинаково дѣйствующей на всѣхъ, неодинаковые плоды приносящей въ убѣжденіяхъ и жизни людей. Неизгладимыми чертами нужно запечатлѣть эту притчу не въ памяти только, но глубоко въ сердцѣ, всѣмъ раздающимъ и принимающимъ сѣмя истины—учащимъ и учащимся,—чтобы всегда имѣть возможность по-

вѣрять ею себя и свои успѣхи въ истинѣ и духовной жизни.

Въ томъ разсадникѣ ученія, который вы теперь оставляете, сѣялось, конечно не такое чистое и животворное сѣмя, какъ слово Самого Господа. Сѣятели были простые люди, нѣчто знающіе въ своемъ дѣлѣ и усердные къ нему, но многаго не уяснившіе себѣ въ немъ, и вообще не чуждые слабостей человѣческихъ. Можетъ быть, слово ученія, преподаваемое вамъ, бывало иногда сухо и безжизненно,—не согрѣто тѣмъ чистымъ огнемъ одушевленія къ истинѣ и любви къ пріемлющимъ ее, который долженъ горѣть въ душѣ истиннаго дѣятеля науки и отъ него распространяться на принимающихъ слово знанія. Можетъ быть, сѣмя сѣянное бывало иногда и не совсѣмъ чисто. Кто изъ насъ съ увѣренностью можетъ сказать о себѣ, что онъ всегда былъ неусыпно строгимъ и вѣрнымъ блюстителемъ своей мысли и слова, что ему никогда не случалось недодуманною мыслью или неосторожнымъ словомъ заронить сѣмя соблазна въ молодые умы и сердца? Наконецъ и того недостаточно, чтобы у сѣятелей знанія всегда сѣмя было хорошее и чистое; нужно еще имѣть опытность, чтобы сѣять всегда, сколько нужно, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, примѣнительно къ почвѣ, на которой сѣется. Что бываетъ полезно и плодотворно сообщать воспитывающимся въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ развитія, то иногда оказывается безплоднымъ и даже вреднымъ при другихъ условіяхъ.—Хорошій земледѣлецъ не довольствуется тѣмъ, что сѣетъ всегда сѣмя доброе, благовременно, на соотвѣтствующей почвѣ, но по возможности старается и самую почву приготовить къ принятію сѣмени, удобряетъ ее—изъ безплодной дѣлаетъ плодоносною. Такъ и мы, сѣятели знанія, должны бы были заботиться не о томъ только, чтобы давать воспитывающимся истинное знаніе, но по возможности—улучшать самую почву, чтобы сѣмена эти принялись хорошо, и принесли въ жизни добрый плодъ, воспитывать въ ввѣренныхъ намъ молодыхъ сердцахъ доброе нравственное расположеніе — любовь и навыкъ къ знанію и труду, чтобы знаніе усвоялось ими не для

одного ума, а дѣлалось добрымъ руководствомъ жизни и дѣятельности. Можетъ быть, противъ всѣхъ этихъ требованій своего долга и совѣсти мы бывали виноваты. Да проститъ намъ Господь наши грѣхи въ великомъ дѣлѣ воспитанія; и изъ людей, мы надѣемся, намъ простятъ всѣ тѣ, которые знаютъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ не бываетъ полнаго совершенства, а нужно цѣнить ихъ болѣе по степени ихъ добросовѣстности и возможно лучшаго при извѣстныхъ условіяхъ умѣнья въ выполненіи дѣла.

По крайней мѣрѣ, то вѣрно, что при всемъ естественномъ въ дѣлахъ человѣческихъ несовершенствѣ воспитанія, какое вы получили въ нашемъ училищѣ, вы могли вынести изъ него много добраго и полезнаго для себя. То вѣрно, что никто изъ вашихъ воспитателей и наставниковъ не хотѣлъ намѣренно держать умы ваши въ усыпленіи и недѣятельности, или питать ихъ завѣдомо фальшивыми и вредными понятіями. То вѣрно, что сѣмена ученія, сообщаемаго вамъ, хорошо ли или иногда не совсѣмъ хорошо они передавались, были всетаки сѣмена животворной истины.

Каковы-то плоды принесутъ эти сѣмена въ жизни вашей?

Въ день радости о счастливомъ завершеніи вашихъ и нашихъ трудовъ Всемилостивѣйшею Царской наградой (награда вамъ—есть вмѣстѣ похвала и радость намъ), въ тотъ часъ, когда вы только что поклялись вѣрно и нелицемѣрно, какъ только Господь поможетъ, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови служить Государю, отечеству, благу общественному,—въ такое время, можетъ быть, непріятно смущать мысль какими-либо неутѣшительными представленіями о будущемъ. Но истина и строгое обсужденіе дѣла никогда не должны быть намъ непріятны. Лучше всегда заранѣе быть готовымъ къ возможнымъ непріятностямъ и разочарованіямъ въ будущемъ. Чрезъ это, если не совсѣмъ устраняется значительная доля непріятностей, по крайней мѣрѣ, онѣ не могутъ имѣть на насъ такого тяжелаго вліянія, какое имѣютъ на лю-

дей, не подготовленныхъ къ испытаніямъ жизни, ожидающихъ отъ нея только успѣховъ и радостей, безъ труда, заботы и горя.

Если самъ Божественный Сѣятель святѣйшаго сѣмени евангельскаго, обладавшій совершеннѣйшимъ вѣдѣніемъ истины и безконечною любовію къ людямъ, и сверхъестественною силой дѣйствовать чудеснымъ образомъ на умы и сердца слушателей, говорилъ, что сѣмя, посѣваемое Имъ въ иныхъ сердцахъ, останется совершенно безплодно, какъ сѣмя земледѣльца, падающее при дорогѣ, вытаптываемое прохожими и выклевываемое птицами,—въ иныхъ дастъ живые ростки, но скоро заглохнетъ, не пустивъ корня въ неглубокой почвѣ,—въ иныхъ будетъ заглушено сорными травами житейскихъ заботъ и страстей,—и только въ нѣкоторыхъ принесетъ желанный обильный плодъ: тѣмъ болѣе мы, простые сѣятели, люди несовершенные въ вѣдѣніи и въ любви и въ силѣ своего вліянія на другихъ, не можемъ обольщать себя надеждою, что всѣ сѣмена, сѣянныя нами во всѣхъ, принимавшихъ отъ насъ слово знанія, дадутъ обильный плодъ.

Не хотѣлось бы только предполагать одного, и, надѣемся,—на самомъ дѣлѣ нѣтъ между вами такихъ, для которыхъ слово ученія, принимаемое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, останется совершенно безплодно, какъ сѣмя, падающее при дорогѣ. Людей совершенно невнимательныхъ и неспособныхъ къ ученію между вами не было,—это извѣстно намъ и вамъ. Всѣ вы трудились и учились довольно усердно; иначе вы и не были бы въ нашемъ училищѣ, или оставили бы его раньше нынѣшняго дня. Надѣемся, не было между вами и такихъ, которые учились только потому, что ихъ отдали учиться, и иначе никакъ нельзя было сдѣлать, которые учились только для формы—для приличія, изъ разсчета получить права, даваемыя ученьемъ, и затѣмъ забыть ученье навсегда. Не было, вѣроятно, и такихъ, у которыхъ надъ ученьемъ работали только память и внѣшнее соображеніе, но никогда живое убѣжденіе и чувство, для которыхъ ученье было неизбѣжнымъ механическимъ трудомъ,

тяжелымъ и несноснымъ, у которыхъ никогда не пробуждалось что-либо похожее на чистую любовь къ знанію и свободное стремленіе образовать свой умъ и характеръ. И конечно, теперь нѣтъ между вами личностей, которыя оставляютъ училище такими же по своему умственному и нравственному развитію, какъ бы они никогда и ничему не учились, которые оставляютъ училище съ тайнымъ желаніемъ скорѣе забыть весь серьезный трудъ ученья, всѣ лучшія идеи воспитанія и преданія школы, всѣ благороднѣйшія стремленія молодости и мечты товарищескаго кружка, и скорѣе погрузиться въ жизнь полную невѣжества, апатіи, себялюбія, праздности, или какихъ-либо безобразныхъ и грубыхъ развлеченій,—которые послѣ столькихъ лѣтъ ученья, послѣ столькихъ внушеній о трудѣ, знаніи, правдѣ и служеніи общественномъ остаются все-таки съ тѣми понятіями, что праздность любезнѣе труда, невѣжество покойнѣе знанія, ложь выгоднѣе правды, и исключительная забота о себѣ благоразумнѣе мечтаній о служеніи ближнимъ... Еслибы нашлись между молодыми людьми, оканчивающими полный и серьезный курсъ образованія, подобныя личности,—но-истинѣ было бы жалко и больно и за нихъ самихъ и за самое слово ученья, касавшееся ихъ слуха. Лучше бы на самомъ дѣлѣ это слово бросалось на вѣтеръ гдѣ нибудь при дорогѣ, или проповѣдывалось на пустой площади, въ дремучемъ лѣсу, а тамъ безплодно замирало, какъ всякій звукъ, исчезающій въ воздухѣ. Тамъ оно, по крайней мѣрѣ, оставалось бы безполезнымъ; но, падая на сердца людей жесткихъ и сухихъ, не поддающихся никакому доброму вліянію, оно можетъ быть обращаемо даже во вредъ. Такіе люди иногда узнаютъ истину только для того, чтобы болѣе ненавидѣть ее, позорить ее, вредить ей. Отъ такихъ людей трудно ожидать добрыхъ плодовъ въ будущемъ. Если они и въ жизни, какъ въ школѣ, будутъ жить только въ себя и для себя,—пользы другимъ, пользы дѣлу отъ нихъ не будетъ. У кого въ молодости сердце всегда было сухое и жесткое, недоступное высокимъ идеямъ, благороднымъ стремленіямъ и добрымъ влія-

піямъ, отъ того трудно ожидать больше мягкости душевной и воспріимчивости къ доброму въ позднѣйшихъ лѣтахъ. Кто въ школѣ, подъ вліяніемъ добрыхъ идей науки, среди молодаго кружка товарищескаго, всегда оставался сухимъ эгоистомъ, злымъ себялюбцемъ, безсердечнымъ практикомъ (въ худомъ смыслѣ этого слова),—тому жизнь представитъ обширное поприще для укрѣпленія, а не для ослабленія дурныхъ наклонностей. Такихъ людей не могутъ направить къ доброму никакія внушенія, никакія вліянія; ихъ нерѣдко возбуждаютъ отъ усыпленія нравственнаго и исправляютъ только необычайные перевороты жизни и удары судьбы. Такихъ людей, мы надѣемся, нѣтъ между нами; да и вообще они рѣдко встрѣчаются, особенно въ молодомъ, еще не загрубѣвшемъ нравственно, возрастѣ.

За то тѣмъ чаще встрѣчается между молодыми людьми другое противоположное свойство—живая и скорая воспріимчивость къ доброму и благородному, но воспріимчивость неглубокая, и потому не прочная и скоро преходящая. Въ молодости почти всѣ мы бываемъ болѣе или менѣе воспріимчивы ко всему высокому и благородному, или по крайней мѣрѣ къ тому, что намъ кажется такимъ, всѣ мы мечтаемъ посвятить жизнь свою серіозному дѣлу, правдѣ и добру. Молодость нерѣдко ошибается въ томъ, гдѣ и какъ нужно искать серіознаго дѣла, правды и добра; за то прекрасны въ ней, какъ ни въ какомъ другомъ возрастѣ, эта самая горячность, задушевная искренность и чистая безкорыстность хотя и не вполнѣ осмысленнаго стремленія. Но что же? Долго ли выдерживаетъ это стремленіе напоръ враждебныхъ ему жизненныхъ вліяній? Многіе ли успѣваютъ осуществить въ жизни прекрасныя и благородныя мечты и стремленія молодости? Многіе ли сохраняютъ до старости это безкорыстное, горячее задушевное сочувствіе и стремленіе ко всему доброму и благородному, которыми мы такъ любуемся въ молодыхъ людяхъ даже и тогда, когда видимъ ошибочное направленіе ихъ стремленій,—даже и тогда, когда сами уже охладѣваемъ сердцемъ? Благо тѣмъ, которые, при старческой зрѣ-

лости и опытности, сохраняютъ дѣтскую простоту и юношескую горячность чувствъ и стремленій. Но много ли такихъ? Мелкія практическія заботы, всю жизнь наполняющія эгоистическія соображенія, лѣность и трусость скоро одолѣваютъ въ жизни большую часть людей; нерѣдко проходитъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы и кружка товарищескаго въ жизнь самостоятельную, и пылкій юноша, прекрасно мечтавшій всю жизнь посвятить на служеніе обществу, дѣлается холоднымъ практикомъ, узкимъ эгоистомъ и празднолюбцемъ, думаетъ только о своемъ спокойствіи и личной выгодѣ. А иной при этомъ еще самъ насмѣхается надъ всѣми чистыми и благородными стремленіями молодости, т.-е. не надъ тѣмъ, что было въ нихъ фальшиваго и неосмысленнаго, а именно надъ самою горячностью, задушевностью и безкорыстностью ихъ,—надъ тѣмъ, что бываетъ лучшаго у человѣка въ жизни (до чего не дай Богъ дойдти никому изъ васъ). Отъ чего же это такъ бываетъ? Отъ того вѣрно, что у большей части молодыхъ людей эти прекрасныя стремленія юности не имѣютъ глубокаго корня въ убѣжденіи и сердцѣ, а остаются больше въ воображеніи и на языкѣ: отъ того, что слишкомъ наскоро и безъ труда они воспринимаются и мало переработываются въ глубокомъ самостоятельномъ размышленіи и искреннемъ чувствѣ, мало примѣняются къ жизни. Въ школѣ подъ вліяніемъ одной науки и несложныхъ жизненныхъ отношеній, при отчужденности отъ настоящей полной безконечно сложной и разнообразной общественной жизни, нельзя еще вполнѣ этого достигнуть, т.-е. окончательно образовать свои убѣжденія и характеръ. Но по выходѣ изъ школы каждому нужно стараться о томъ, чтобы не давая охладѣть въ себѣ жару молодости, теоретическое школьное знаніе пополнить практическою опытностью, добрыя нравственныя понятія примѣнить къ жизни, прекрасныя, но неопредѣленныя и нетвердыя стремленія молодости перевести въ твердыя и глубокія жизненныя убѣжденія, и образовать въ себѣ навыкъ и умѣнье дѣйствовать всегда сообразно съ своими убѣжденіями въ разнообразныхъ случаяхъ и столкновеніяхъ жиз-

ни. Иначе лучшія идеи и стремленія молодости при напорѣ несродныхъ имъ и прямо враждебныхъ жизненныхъ вліяній скоро погибнутъ,— какъ сѣмя, падающее на неглубокую (каменистую) почву, быстро даетъ живой ростокъ, но потомъ отъ зноя солнечнаго, не имѣя влаги и не пустивъ глубоко корня, скоро выгораетъ и засыхаетъ.

Еще болѣе нужно опасаться за себя тѣмъ молодымъ людямъ, которые съ раннихъ лѣтъ уже замѣчаютъ въ себѣ, при добрыхъ стремленіяхъ, какія-либо дурныя привычки и склонности, довольно крѣпкія, какъ напр. любовь къ праздности, склонность къ пустымъ, а тѣмъ болѣе глупымъ и ненравственнымъ развлеченіямъ, расположеніе къ тщеславію, лжи, зависти, злорадству и т. п. Эти порочныя склонности, постепенно усиливаясь, могутъ образоваться въ крѣпкую страсть, въ постоянный навыкъ, поработить себѣ человѣка, и тогда уже онъ теряетъ власть надъ собою и свободу для служенія правдѣ и добру. Притча Христова предостерегаетъ насъ отъ этого примѣромъ сѣмени, падающаго на тернистую почву, которое вначалѣ еще можетъ какъ-нибудь подняться и расти вмѣстѣ съ дурными травами, но потомъ мало-по-малу заглушается ими, и, не достигши полнаго развитія и не принесши плода,—погибаетъ. Такъ въ жизни человѣка добрыя расположенія и стремленія подавляются дурными склонностями и привычками. Зло въ испорченной природѣ человѣка, говорятъ, развивается скорѣе добра, если не противодѣйствовать ему. Наша общественная жизнь — съ прискорбіемъ нужно сказать—въ большей части сферъ ея, остается такъ несчастно сложившеюся, что въ ней скорѣе найдетъ себѣ поддержку и пищу дурная и мелочная склонность, чѣмъ дѣльное и благородное стремленіе. У насъ доселѣ какъ-то такъ бываетъ,— не по христіанскому смиренію, а по какой-то фальшивой стыдливости и незрѣлости общественнаго сознанія, — доброе и серьезное развивается въ одиночку и какъ будто прячется, а дурное или по крайней мѣрѣ мелкое въ жизни служитъ по преимуществу объединяющимъ и одушевляющимъ мотивомъ общественныхъ собраній и связей, и безъ всякаго смущенія выста-

вляетъ себя на показъ. Быть-можетъ, многимъ изъ васъ прійдется увидѣть, что въ нашемъ обществѣ всегда скорѣе можно найдти усердныхъ товарищей провести время весело, т.-е. пусто, а иногда грязно,—поговорить о пустякахъ, позлословить, посмѣяться надъ ближнимъ, иногда какимъ-нибудь грубымъ и неприличнымъ образомъ или что-нибудь еще хуже сдѣлать,—чѣмъ поучиться вмѣстѣ, поработать надъ серіознымъ дѣломъ, позаботиться объ участи людей, въ чемъ-либо зависящихъ отъ насъ, послужить ближнему, помочь полезному, общественному дѣлу и такъ далѣе. Тѣмъ внимательнѣе нужно быть къ себѣ. Тѣмъ тщательнѣе нужно оберегать свои добрыя стремленія, какъ отъ общественнаго соблазна, такъ и отъ собственныхъ мелкихъ и дурныхъ склонностей и увлеченій. Служить вмѣстѣ и съ равнымъ усердіемъ—Богу и мамонѣ—добру и злу, правдѣ и неправдѣ, серьезному дѣлу и праздности, личной выгодѣ и благу ближнихъ—нельзя. Чтобы дать въ жизни перевѣсъ одному направленію, необходимо дѣятельно бороться съ другимъ. Кто хочетъ образовать въ себѣ хорошаго человѣка и полезнаго члена общества, тотъ не долженъ давать въ себѣ развиваться дурнымъ склонностямъ и привычкамъ, а скорѣе, пока есть еще возможность, хотя бы и не безъ боли, вырывать и подавлять эти дурные плевелы, чтобъ они въ послѣдствіи, выросши и укрѣпившись, не заполонили чистаго сѣмени—добрыхъ расположеній и стремленій.

Благо тѣмъ, которые съ молодыхъ лѣтъ привыкли много работать надъ собою, и успѣли приготовить добрую почву своихъ природныхъ способностей и расположеній, чтобы она давала хорошіе и обильные плоды въ жизни,—которые съ раннихъ лѣтъ научились вырывать изъ нея плевелы нехорошихъ привычекъ и склонностей, и удобрили ее къ принятію и живому плодотворному развитію всякаго добраго вліянія,—которые въ юности успѣли пріобрѣсть навыкъ къ самовниманію и умѣнье управлять собою, стремленіе къ просвѣщенію ума и образованію характера, любовь къ труду и умѣнье находить въ немъ смыслъ и высшую цѣну жизни. Благо тѣмъ, которые.

въ школѣ привыкли добросовѣстно исполнять несложныя школьныя обязанности,—не по принужденію и разсчету, а по разумному сознанію и любви къ дѣлу. Этотъ добрый навыкъ послужитъ для нихъ залогомъ къ такому же добросовѣстному и разумному исполненію болѣе сложныхъ обязанностей въ жизни и общественной службѣ. Благо тѣмъ, которые въ школѣ привыкли искренно и благородно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и съ уваженіемъ всякаго права и достоинства въ другомъ, и еще болѣе съ добротою сердечною и любовью обращаться съ начальниками, наставниками, товарищами и низшими себя. Это будетъ для нихъ живымъ руководствомъ къ установленію добрыхъ отношеній къ высшимъ, равнымъ и низшимъ себя въ самомъ обществѣ. Отъ такихъ, поистинѣ, можно ожидать прекрасныхъ и обильныхъ плодовъ въ жизни и службѣ общественной. Такихъ не отъ чего намъ предостерегать и нечего имъ совѣтовать. Намъ остается только пожелать имъ, чтобы они и въ жизни оставались такими же, какими были въ школѣ. Нѣтъ, мало этого. Школа, при самыхъ лучшихъ условіяхъ не могла дать имъ многаго, и вполнѣ завершить ихъ умственное и нравственное развитіе. Для школы довольно, если она заложила только сѣмя истиннаго знанія и нравственности. Послѣ, при собственныхъ усиліяхъ и благопріятныхъ условіяхъ жизни, эти сѣмена могутъ дать такой богатый плодъ, какого теперь и предположить нельзя. Земледѣлецъ, бросая сѣмя въ добрую почву, надѣется, что она не только сохранитъ посѣянное цѣлымъ и невредимымъ, но возратитъ ему плодъ въ тридцать кратъ, и въ пятьдесятъ, и во сто. Такъ и мы желаемъ, чтобы вы, самостоятельно обработавши въ жизни добрыя начала, заложенныя въ школѣ, сдѣлались гораздо лучше, умнѣе, благороднѣе, нравственнѣе, религіознѣе, чѣмъ теперь выходите изъ школы, въ тридцать, въ шестьдесятъ, и во сто кратъ,—и во сколько кому Господь дастъ, и добрая воля поможетъ.

Конечно не однимъ, въ школѣ положеннымъ, залогамъ вы будете обязаны тѣмъ, что выработаете себѣ лучшаго въ жиз-

ни. Въ жизни вы встрѣтите много новыхъ добрыхъ, прекрасныхъ и сильнѣйшихъ вліяній, которыя можетъ быть покроютъ собою вліяніе школы. Но мы надѣемся, что въ сердцахъ вашихъ между другими воспоминаніями о всемъ добромъ, полученномъ отъ жизни, останется воспоминаніе и о школѣ, о тѣхъ, кто принималъ въ ней какое-либо участіе въ вашемъ воспитаніи. Не поминайте насъ словомъ осужденія за то, чего мы не могли сдѣлать для васъ. Добрые люди добро помнятъ и цѣнятъ то, что кѣмъ для нихъ сдѣлано,—а не то, чего не сдѣлано. И да будетъ для васъ память о школѣ и о тѣхъ, кто содѣйствовалъ въ ней вашему развитію, и о лучшихъ помыслахъ, стремленіяхъ и надеждахъ молодости, залогомъ свѣжести, бодрости, чистоты духа и всякихъ благородныхъ дѣлъ до позднихъ лѣтъ жизни.

А мы, отслуживъ свою службу вамъ, и оставаясь въ школѣ для служенія другимъ поколѣніямъ, доколѣ Господь дастъ каждому изъ насъ продолжать это служеніе, какъ бы много ни смѣнилось передъ нами воспитывающихся поколѣній, повѣрьте, будемъ помнить о васъ,—и всякое доброе извѣстіе о васъ, всякій успѣхъ вашъ въ жизни и общественной дѣятельности будетъ поистинѣ радовать насъ, какъ вашихъ родныхъ; ибо не можетъ это не оставить слѣда въ душѣ, что мы два года жили и трудились съ вами, посильно стараясь дѣлать, что нужно другъ для друга. И какъ бы мало кто изъ насъ ни сдѣлалъ для вашего воспитанія, каждому будетъ пріятно слышать о васъ хорошее, и утѣшать себя тою мыслію, что и онъ посильно и добросовѣстно трудился въ сѣяніи того добра, которое чрезъ молодыя поколѣнія будетъ приносить плоды въ различныхъ концахъ нашего дорогаго отечества.

10-го августа 1856 г.

IV.

„Что такое жизнь“.

Скажи мнѣ, Господи, путь въ оньже пойду!

При окончаніи курса воспитанія, при вступленіи въ жизнь самостоятельную, ваши молодыя головы естественно наполняются мечтами и представленіями о жизни, молодыя сердца горятъ желаніемъ скорѣе извѣдать пріятныя и, пожалуй даже, непріятныя стороны жизни и взять отъ нея на свою долю, что только можно будетъ, лучшаго и пригоднаго для себя. При этомъ, конечно, у многихъ изъ васъ возбуждается вопросъ о томъ, что же такое въ своей сущности эта жизнь, которую прошли прежде васъ тысячи поколѣній и несчетные милліоны людей и послѣ васъ пройдутъ можетъ быть еще болѣе поколѣній и милліоновъ,—какъ смотрѣть на нее, чего искать въ ней, какой ея смыслъ и какая цѣль? Очень естественно вамъ, въ настоящій важный моментъ вступленія въ жизнь самостоятельную, задаваться этимъ серьезнѣйшимъ и существеннѣйшимъ для человѣка вопросомъ, чтобы сколько-нибудь уяснить его себѣ, и на основаніи этого такъ или иначе опредѣлить свои отношенія къ жизни.

Съ самыхъ первыхъ временъ существованія рода человѣческаго много людей занималось рѣшеніемъ этого вопроса. И много крѣпкихъ умовъ поколебалось, и много благороднѣйшихъ сердецъ разбилось въ сомнѣніи и отчаяніи при безвыходныхъ трудностяхъ въ разъясненіи этого вопроса. Много съ незапа-

мятныхъ временъ сохранилось и отвѣтовъ на этотъ вопросъ—для памяти и поученія позднѣйшимъ поколѣніямъ, отвѣтовъ, придуманныхъ глубокими умами, выстраданныхъ горячими сердцами. Но мало подвинулось впередъ разъясненіе вопроса. Вопросъ по прежнему стоитъ въ своей грозной силѣ и неотразимой увлекательности. Иногда въ человѣчествѣ, изнемогающемъ въ безплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ рѣшенію его, является желаніе какъ бы отдѣлаться, убѣжать отъ этого вопроса, отвести глаза, забыть, уничтожить его, вырвать изъ глубины ума и сердца. Но напрасная попытка! Заглушаемый въ одной сферѣ жизни, роковой вопросъ съ неотразимою силою возстаетъ въ другой, и за всякое намѣренное, или ненамѣренное равнодушіе къ нему извѣстной исторической эпохи или извѣстнаго поколѣнія, люди послѣдующей эпохи, другаго поколѣнія, а иногда и тогоже самаго, платятъ усиленнымъ болѣзненно-распаленнымъ напряженіемъ къ его разъясненію. И чувствуется человѣку во глубинѣ его ума и сердца, что ему никогда не отдѣлаться отъ этого неотразимаго вопроса, что онъ не можетъ забыть, стереть, уничтожить его, не отказавшись отъ своей собственной сущности, не переставъ быть человѣкомъ, не сдѣлавшись животнымъ безсмысленнымъ. И Богъ знаетъ,—сколько вѣковъ пройдетъ еще въ безплодныхъ попыткахъ къ рѣшенію этого вопроса, сколько умовъ помрачится и сердецъ разобьется отъ его неразрѣшимыхъ трудностей...

А между тѣмъ есть и такой отвѣтъ на этотъ вопросъ, который разрѣшаетъ его трудности, примиряетъ противорѣчія, уясняетъ его по крайней мѣрѣ настолько, насколько это нужно для существенныхъ потребностей человѣка,—отвѣтъ поразительный по своей простотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей глубинѣ и высотѣ. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе долженъ бы внушать довѣрія къ себѣ, что онъ не слабымъ умомъ человѣческимъ измышленъ, а открытъ человѣку самимъ Богомъ—въ Его св. откровеніи, засвидѣтельствованъ и подтвержденъ несомнительными доводами,—не словами и произвольными теоріями и предположеніями, а безчисленными знаменіями сверхъ-есте-

ственной Божіей силы и жизнью великихъ свидѣтелей Божественнаго откровенія. Людямъ, кажется, оставалось бы съ искреннею радостью и всецѣлымъ довѣріемъ принять этотъ отвѣтъ, по возможности выразумѣть и разъяснить его для себя, провести по всѣмъ сочетаніямъ своей мысли, объединить и освѣтить имъ свои убѣжденія и воззрѣнія и принять его къ руководству въ направленіи самой жизни. Но многіе изъ людей не желаютъ этого,—иные по невѣдѣнію отвергаютъ Божественную истину, другіе (къ чести или не къ чести для ихъ ума, только не къ счастью для ихъ сердца) намѣренно стараются отвращать свои глаза отъ нея потому, что она дается человѣку отвнѣ, (хотя она вовсе не чуждая человѣку истина, а вполнѣ согласная съ глубокимъ сознаніемъ его собственной души),—имъ непремѣнно хочется своими усиліями, своимъ умомъ открыть себѣ тайну и освѣтить сущность жизни,—хотя на основаніи чужихъ опытовъ и неотразимаго сознанія очевидной ограниченности своего ума, они необходимо должны сознавать въ глубинѣ своей совѣсти, что этого они никогда не могутъ достигнуть. И этимъ-то они сами себя осуждаютъ на безконечное исканіе безъ цѣли обрѣтенія, на безконечное блужданіе безъ надежды успокоенія,—которое въ людяхъ наиболѣе ограниченныхъ и неглубокихъ оканчивается притупленіемъ и уничиженіемъ высшихъ порывовъ ума и сердца—равнодушіемъ къ высшимъ вопросамъ и интересамъ жизни,—а въ умахъ наиболѣе глубокихъ и послѣдовательныхъ, въ сердцахъ горячихъ и впечатлительныхъ разрѣшается нерѣдко безвыходнымъ скептицизмомъ, мрачнымъ отчаяніемъ, потерею всякаго наслажденія—всякаго вкуса въ жизни, потерею, можно сказать, самаго права на жизнь.

Итакъ вотъ передъ вами два пути жизни. Одинъ путь вѣры и преданности Божественному Промыслу, когда человѣкъ сознаетъ ограниченность своихъ силъ, необъятную тяжесть жизненныхъ задачъ и предаетъ себя водительству высшей Божественной Руки, освѣщаетъ для себя свѣтомъ вѣры таинственный мракъ жизни, и скромно, но вѣрно и твердо—безъ

гордости, но и безъ самоуничиженія, безъ крайней самоувѣренности, но и безъ малодушнаго унынія и отчаянія—съ вѣрою, надеждою и любовію идетъ къ существенной цѣли жизни. Другой путь—гордой, но безсильной и безпомощной самоувѣренности, когда человѣкъ не хочетъ принимать себѣ въ руководство Высшей помощи и освѣщать для себя путь жизни даруемымъ ему свѣтомъ вѣры,—въ этой страшной мглѣ, покрывающей тайну жизни, хочетъ настолько изощрить зрѣніе своего собственнаго ума, чтобы видѣть сокровенный смыслъ бытія, безъ всякаго высшаго озаренія,—на тернистомъ и скользкомъ жизненномъ пути хочетъ научиться стоять и ходить безъ всякой посторонней опоры,—и естественно обманывается—принимаетъ блуждающіе огоньки, обманчивый призракъ смертнаго разложенія за немерцающій свѣтъ истины и жизни, принимаетъ вязкое болото житейскихъ страстей за твердую почву, и заблуждается, и претыкается, и падаетъ, и безпрестанно переходитъ отъ самообольщенія къ унынію, отъ уныпія къ самообольщенію—до тѣхъ поръ, пока, выбившись изъ силы, не упадетъ совсѣмъ въ безчувственномъ оцѣпенѣніи и въ мрачномъ отчаяніи.

Впрочемъ есть и еще одинъ путь жизни,—это тотъ путь, когда человѣкъ безъ усилій и борьбы, заранѣе, съ первымъ пробужденіемъ самостоятельности и сознанія, уничижаетъ свое достоинство, обрекаетъ свою жизнь на безмысліе и ничтожество;—когда человѣкъ, разъ навсегда, безъ труда и напряженія мысли,—рѣшивъ для себя, что сокровенный смыслъ и высшая цѣль жизни недоступны для него, отказывается даже отъ всякой попытки сколько-нибудь прояснить для себя этотъ мракъ жизни свѣтомъ ли самостоятельной мысли, или свѣтомъ вѣры,—а чтобы лучше освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія этого мрака, самъ закрываетъ свои глаза, старается заглушить въ себѣ высшіе вопросы и стремленія духа;—живетъ, какъ случится, удовлетворяя главнымъ образомъ низшія потребности и страсти своей животной натуры,—думаетъ, о чемъ случится, на что натолкнутъ его мысль внѣшнія обстоятель-

ства,—живетъ, не давая себѣ отчета въ смыслѣ и цѣли жизни и не задумываясь надъ тѣмъ, чѣмъ она кончится,—живетъ, какъ во снѣ, увлекаясь непроизвольно и безсознательно приливомъ и отливомъ непрестанно смѣняющихся видѣній и иллюзій, не имѣющихъ ни реальнаго смысла, ни внутренней связи,—блуждаетъ и толкается, какъ слѣпой на торжищѣ жизни и остается еще очень доволенъ такою жизнью. Но такая жизнь недостойна человѣка,—болѣе свойственна безсловеснымъ животнымъ, нежели человѣку. Ибо человѣкъ тѣмъ главнымъ образомъ и отличается отъ животныхъ и всей безмысленной природы, въ томъ его преимущество и право господства надъ безсмысленной природой, что онъ есть существо самосознающее и самоопредѣляющееся. Человѣку нужно не только жить, но и давать себѣ отчетъ о смыслѣ и цѣли жизни, не только дѣлать что-нибудь, но и собственнымъ убѣжденіемъ и волею давать смыслъ и направленіе своей дѣятельности. И притомъ мы думаемъ, что сколько бы ни старался человѣкъ сдѣлаться животнымъ—огрубѣть и опошлѣть, заглушить сознаніе и всѣ высшія стремленія духа,—этого ему никогда не удается окончательно сдѣлать,—человѣческая натура сказывается по временамъ, безпокойные вопросы о смыслѣ и цѣли жизни возмущаютъ животное самодовольство самой грубой и лѣнивой натуры,—потребность убѣжденій относительно высшихъ вопросовъ жизни есть и сказывается во всѣхъ людяхъ. Иногда человѣку напоминаетъ о нихъ и сама жизнь, своими толчками и превратностями невольно выводящая человѣка изъ произвольнаго забытья и побуждающая его осмотрѣться въ его непрочномъ положеніи. Въ особенности, мы думаемъ, эти тревожные вопросы должны пробуждаться у каждаго при концѣ жизни,—ибо дошедши до конца, каждому, самому равнодушному къ высшимъ вопросамъ, естественно спросить себя, что же далѣе—за этимъ концомъ? И кажется даже, что у людей, которые въ обычное время, большую часть жизни не привыкли, не любятъ думать объ этихъ вопросахъ и серьезно относиться къ нимъ, тѣмъ съ большею силою, тревогою и мученіемъ под-

нимаются эти вопросы, когда имъ приходитъ время возстать изъ глубины сдавленной души. Вотъ почему, при необычайныхъ превратностяхъ жизни, или предъ страхомъ смерти, люди самые равнодушные впадаютъ въ болѣзненную боязливость, легкомысленные и не мыслящіе задумываются до сумастествія, невѣры дѣлаются суевѣрами, самодовольные доходятъ до уныпія и отчаянія, жесткіе и дерзкіе дѣлаются робкими и трусливыми. Въ такія-то времена счастливѣе и тверже оказывается тотъ, для кого превратности жизни и страхъ смерти не бываютъ неожиданностью, кто заранѣе думалъ о нихъ, составилъ себѣ опредѣленное убѣжденіе и приготовился ко всему, что можетъ случиться съ нимъ въ жизни и послѣ жизни. Такимъ образомъ для всякаго человѣка, желаетъ онъ этого, или не желаетъ—склоненъ онъ къ этому или несклоненъ,—открывается необходимость серьезно поставить предъ собою эти вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, и такъ или иначе прояснить ихъ для себя усиліями ли собственной мысли, или свѣтомъ вѣры,—составить себѣ о нихъ опредѣленныя убѣжденія религіозныя, или философскія, самостоятельно выработанныя, или отъ другихъ усвоенныя,—съ тѣмъ, чтобы эти убѣжденія давали опредѣленный смыслъ и направленіе жизни.

Поставимъ же прямо и серьезно предъ собою эти вопросы, и посмотримъ, какіе отвѣты даютъ, т. е. какія воззрѣнія на жизнь даютъ человѣку самостоятельная человѣческая мысль и Божественное откровеніе.

Мысль человѣческая, какъ мы уже сказали, отъ самаго начала, отъ самаго такъ сказать рожденія своего много занимавшаяся этимъ вопросомъ,—придумала на него нѣсколько весьма разнообразныхъ отвѣтовъ. Отвѣты эти сдѣлались достояніемъ человѣчества, и мысль человѣчества, смотря по обстоятельствамъ времени и характеру развитія своего, въ извѣстныя времена даетъ предпочтеніе то одному, то другому изъ нихъ. Воззрѣнія эти временами видоизмѣняются, принимаютъ различныя формы и оттѣнки въ своемъ выраженіи и примѣненіи, но въ сущности остаются тѣми же, какими издавна

они явились въ мысли человѣчества. Въ волѣ каждаго выбрать себѣ въ руководство для жизни одно изъ такихъ воззрѣній, или не удовлетворяться ни однимъ изъ нихъ.

***

«Жизнь, говорили нерѣдко, есть наслажденіе, пиръ веселый, торжище богатое, на которомъ всякій можетъ найти, что нужно. Нѣтъ надобности искать въ ней высшихъ, отдаленныхъ цѣлей и сокровеннаго смысла. Она́ сама себѣ цѣль,—наслажденіе ею есть ея прямой и высшій смыслъ. Пользуйся живущій жизнью, не задумываясь надъ ея смысломъ,—пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши захватить себя на этомъ пирѣ жизни, сколь возможно болѣе удовольствій». Вотъ философія, которая должна быть особенно пріятна молодымъ умамъ, еще мало ознакомившимся съ жизнью, молодымъ сердцамъ, мало охлажденнымъ жизнью..... И какъ будто въ самой природѣ человѣческой есть основаніе для такой философіи, сочувствіе къ такого рода воззрѣніямъ на жизнь. Откуда въ человѣкѣ такая глубокая, неискоренимая и сильнѣйшая всякой другой любви, любовь къ жизни, если въ жизни не заключается величайшее для человѣка благо? Отчего всѣ люди—безъ исключенія можно сказать,—цѣлью своей жизни поставляютъ исканіе счастья, только различнымъ образомъ представляемаго людьми, если счастіе не есть въ самомъ дѣлѣ цѣль жизни?...

Но гдѣ же эта цѣль? Гдѣ это счастье безъ горя и страданій, утратъ и лишеній, трудовъ изнурительныхъ и неудачъ, болѣзней и смерти?.. Есть ли, былъ ли за тысячи лѣтъ среди милліоновъ людей хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы сказать о себѣ, что онъ достигъ этой цѣли? Былъ ли хоть одинъ человѣкъ, который бы по крайней мѣрѣ узналъ самъ и другимъ сказалъ, что такое счастье и гдѣ оно и какъ его найдти?.. Вначалѣ, правда, каждый человѣкъ идетъ на жизнь съ бодростью и надеждою, какъ бы на веселый пиръ, или на богатое торжище. Но сама жизнь разбиваетъ и разрушаетъ то

свѣтлое представленіе о немъ, которое хотѣлось бы и пріятно было бы имѣть всѣмъ людямъ, но которое оказывается несогласнымъ съ дѣйствительностью. Кто испытывалъ въ жизни одну радости, кто находилъ въ ней все, чего искалъ и желалъ? Кто испытывалъ въ жизни хоть одну радость чистую и полную безъ всякой примѣси охлажденія или горечи, кто считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и счастливымъ даже и при достиженіи своихъ желаній и цѣлей? Много препятствій къ достиженію счастія, къ удовлетворенію желаній, представляется человѣку отвнѣ—въ противодѣйствующихъ силахъ природы, во враждебныхъ обстоятельствахъ среды, въ недостаткѣ и ограниченности собственныхъ силъ; но еще болѣе препятствіемъ къ достиженію счастія служитъ то, что человѣкъ не находитъ счастія даже и въ удовлетвореніи своихъ желаній,—источникъ недовольства и неудовлетворимости, жажды, тоски и страданія человѣкъ находитъ не внѣ, а внутри себя. Намъ часто кажется, что наше недовольство зависитъ отъ того, что у насъ нѣтъ того и того. А навѣрное, еслибы и все это было, мы не перестали бы быть недовольными. Еслибы жизнь со всѣхъ сторонъ улыбалась человѣку, еслибы онъ не имѣлъ никакихъ внѣшнихъ причинъ и предлоговъ къ жалобѣ и страданію, навѣрное онъ самъ себѣ сталъ бы измышлять предметъ и предлогъ для жалобы и страданія. Такъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Тяжелый гнетъ крайней нужды, непосильнаго труда, мучительной болѣзни, горькой утраты, обиднаго униженія и стѣсненія естественно выдавливаетъ изъ груди человѣка стонъ жалобы и страданія. Но иногда мы видимъ, напротивъ, что болѣзненная наклонность къ чрезмѣрной требовательности и раздражительности, къ жалобѣ, тоскѣ и страданію, развивается въ людяхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ласкаетъ ихъ жизнь, чѣмъ менѣе возмущается ихъ покой и довольство тяжелыми трудами и болѣзнями, неудачами и испытаніями. Итакъ-то жалуются и ропщутъ, тоскуютъ и болѣе или менѣе страдаютъ въ мірѣ всѣ люди—малые и великіе, бѣдные и богатые, знатные и незнатные, больные и здоровые, обидимые

и обидящіе, подневольные и властвующіе, трудящіеся и праздные, невѣжды и мудрецы.... Итакъ не въ равной ли степени справедливо или несправедливо будетъ назвать жизнь, какъ ее и называли иногда, тюрьмою, или больницей, какъ и веселымъ пиромъ, или богатымъ торжищемъ?....

Вѣчное недоразумѣніе человѣческой жизни въ томъ, что у человѣка нѣтъ вполнѣ опредѣленнаго предмета для его стремленій къ счастію. Еслибы человѣку заранѣе и навѣрное было извѣстно, въ чемъ состоитъ идеалъ человѣческаго счастья, еслибы каждому, по крайней мѣрѣ, извѣстно было, въ чемъ заключаются предѣлы возможнаго для него лично—счастія,—онъ напрягъ бы всѣ свои силы, готовъ былъ бы рѣшиться на всякіе труды и жертвы съ тѣмъ, чтобы или пасть, или найдти свое счастіе. Или онъ ограничилъ бы свои желанія и стремленія съ тѣмъ, чтобы, не задаваясь многимъ и не тратя силъ своихъ на недостижимое, искать только пригоднаго и достижимаго для себя. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣку стремленія даны необъятныя, и предѣла имъ не указано, а силы для удовлетворенія ихъ ограничены. Тысячи людей стремятся къ одной цѣли, трудятся для нея, сталкиваются и борятся изъ-за нея. Болѣе половины падаютъ на своемъ пути, не достигши цѣли. Немногіе достигаютъ ее,—но и тѣ вполнѣ ли удовлетворяются, находятъ ли завершеніе своимъ желаніямъ? Нѣтъ,—то, что казалось снизу вѣнцемъ счастія, оказывается только новою ступенью къ дальнѣйшему,—и вотъ начинается новое исканіе, новый трудъ и жертвы далѣе и далѣе, безъ остановокъ, пока силы не истощатся и смерть не положитъ всему конца..... А представленіе этого конца жизни для людей, которые цѣлью жизни поставляютъ наслажденіе и далѣе ея ничего не знаютъ и не ожидаютъ, развѣ не можетъ омрачить свѣтлаго представленія о жизни? Еслибы въ самомъ дѣлѣ жизнь была безпрерывною смѣною удовольствій, самозабвеніемъ счастія,—одно уже представленіе о томъ, что все должно кончиться, и скоро кончиться, и неизвѣстно—когда, черезъ тридцать, десять лѣтъ, нынче, завтра, можетъ быть, среди самаго

широкаго разгара этого жизненнаго пира,—одно это представленіе способно растворить горечью отравы наслажденія жизни—отравы тѣмъ болѣе горькой и ядовитой, чѣмъ болѣе сладкимъ и пріятнымъ кажется самое удовольствіе...

«Жизнь—счастье, пиръ веселый. Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ. Пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши взять себѣ на этомъ пиру все, что можешь». Пріятна на видъ эта философія, — но трудно повѣрить искренности того, кто въ первый разъ высказалъ ее. Кажется, ее высказывали не отъ самодовольства, не отъ восторженнаго упоенія жизнію, а скрѣпя сердце, съ желаніемъ заглушить внутреннюю тоску и боль, обмануть себя и другихъ... Жизнь—пиръ веселый; потому что ты алчешь и жаждешь и иначе удовлетворенія твоей алчбѣ и жаждѣ нѣтъ, кромѣ того, которое предлагаетъ эта жизнь. Хорошо ли оно для тебя, или нѣтъ, достаточно, или недостаточно, для своего собственнаго утѣшенія старайся представлять его себѣ роскошнымъ, веселымъ, обильнымъ пиромъ, — ибо другаго ничего для удовлетворенія твоей алчбѣ и жаждѣ не получишь.... Спѣши взять себѣ на этомъ пирѣ все, что можешь,—ибо скудно и тѣсно на немъ,—мало приготовлено, а желающихъ много,—каждое удовольствіе приходится пріобрѣтать трудомъ тяжелымъ, за каждый даръ вести борьбу на жизнь и на смерть. Лови наслажденія, ибо они весьма непрочны и скоротечны. Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ,—ибо станешь думать серьезно—жизнь потеряетъ для тебя свою цѣну и очарованіе. Наслаждайся настоящимъ, не вспоминая о прошедшемъ и не заботясь о будущемъ,—потому что прошедшее прошло для тебя, немного оставивъ по себѣ пріятныхъ воспоминаній, а будущее не въ твоихъ рукахъ. Таковъ теоретическій смыслъ этой философіи. А каковъ нравственный смыслъ ея?—«Живи, пока живется». Такъ имѣли бы право разсуждать и всѣ безсловесныя, неразумныя существа, еслибы только могли разсуждать. «Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ, — пользуйся настоя-

щимъ, не заботясь о будущемъ». А согласно ли это будетъ съ требованіями и нравственнымъ достоинствомъ моей сознательной, разумной природы, во всемъ ищущей смысла и разумности?... «Спѣши взять себѣ на жизненномъ пирѣ все, что можешь». А если для этого нужно вырывать блага жизни у другихъ, гоняющихся за счастіемъ,—ибо что бы ни говорили о гармоніи личныхъ интересовъ съ общими, личнаго блага съ общимъ, опытъ свидѣтельствуетъ предъ нами, что при извѣстныхъ намъ условіяхъ жизни оказывается между ними иногда непримиримое противорѣчіе,—и человѣку неизбѣжно бываетъ или жертвовать своимъ личнымъ благомъ, или устроять его на обидѣ, лишеніи, стѣсненіи другихъ?... Если для того, чтобы лучше устроить свое довольство и спокойствіе, — я долженъ быть глухъ и нечувствителенъ къ жалобамъ и страданію тысячъ людей? А если и другіе во имя того же принципа будутъ точно также относиться ко мнѣ? Едва ли это былъ бы веселый пиръ, еслибы собравшіеся на этомъ пирѣ готовы были бы, какъ дикіе звѣри, для собственнаго удовольствія терзать другъ друга за каждую подачку. Нѣтъ, не нужна намъ эта животная философія; желаемъ болѣе разумной!..

***

„Жизнь, говорятъ, есть выполненіе высшаго назначенія человѣческаго. Жизнь есть осуществленіе высшихъ идеаловъ истины, добра, красоты, правды, любви„.— Вотъ взглядъ наиболѣе согласный съ достоинствомъ человѣческой природы, который пріятно было бы раздѣлять всѣмъ разумнымъ и благороднымъ людямъ. И въ природѣ человѣческой есть основаніе для такого взгляда. Глубоко въ сущности природы человѣческой заложены стремленія къ идеаламъ истины, добра, красоты, правды, любви. И какъ бы ни падала низко природа человѣческая, какъ бы ни была она груба, неразвита, искажена, стремленія къ этимъ идеаламъ остаются въ ней неискоренимы и незаглушимы. Нѣтъ человѣка столько грубаго и неразвитаго, столько дурнаго и испорченнаго, который бы со-

мательно и безъ особенныхъ личныхъ побужденій предпочиталъ истинѣ ложь, добру зло, красотѣ безобразіе, справедливости неправду, миру и любви вражду....

Правда.—Но дѣло не въ томъ, что у насъ есть стремленія къ истинѣ, добру, красотѣ, правдѣ, любви,—а видимъ ли мы осуществленіе этихъ идеаловъ въ жизни, исполняемъ ли требованія ихъ сами? Покажите намъ изъ безчисленнаго множества человѣческихъ жизней хоть одну такую жизнь—жизнь какого-либо великаго мудреца и героя добродѣтели, которая была бы свѣтлымъ выраженіемъ высшихъ идеаловъ безъ пятна и упрека, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, издали могли полюбоваться ею и преклониться предъ нею въ благоговѣйной радости за достоинство человѣческой природы. Найдите хоть одно такое человѣческое общество, въ которомъ безмятежно царствовали бы истина, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобы всѣ и другія человѣческія общества мятущіяся, изнемогающія, нерѣдко и падающія въ безплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ этому идеальному состоянію, могли имѣть для себя образецъ. Докажите намъ, по крайней мѣрѣ, что жизнь человѣчества во всемъ ея объемѣ осуществляетъ эти идеалы. Нѣтъ и нѣтъ! Каждая человѣческая душа стремится къ высшимъ идеаламъ истины, добродѣтели, справедливости, любви, красоты,—а безчисленное множество людей, цѣлыя человѣческія общества, неечетные ряды поколѣній—и все человѣчество въ продолженіе всей своей исторіи оказываются безсильными къ осуществленію этихъ стремленій. Вотъ еще великое недоразумѣніе и противорѣчіе жизни! Жизнь представляетъ поруганіе и искаженіе тѣхъ высшихъ идеаловъ, которые выставляются ею же самой, какъ ея высшее украшеніе и разумность... Истина что такое она сама въ себѣ—никто еще изъ людей не сказалъ, хотя многіе напрягали всѣ силы крѣпкаго ума, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ; а отдѣльныя крупицы истины достаются человѣчеству путемъ долгихъ усилій, и еще хуже—путемъ ошибокъ и заблужденій,—дѣлаются достояніемъ человѣчества послѣ тяжелой борьбы съ невѣжествомъ и предразсудками,—иногда какъ будто и совсѣмъ те-

ряются, погибаютъ въ тмѣ невѣжества и предразсудковъ. Добродѣтель — въ чистую, совершенную, идеальную добродѣтель многіе изъ людей (и конечно не безъ причины) не вѣрятъ,— а рядомъ съ каждымъ частнымъ проявленіемъ добра, хотя бы и не идеально-чистаго и совершеннаго, мы всюду встрѣчаемъ положительныя проявленія зла; дурныя склонности и темныя побужденія, слабости и увлеченія, пороки и преступленія затмѣваютъ въ жизни чистоту добродѣтели. Предупредительныя и карательныя мѣры воспитанія и управленія общественнаго, которыя считаются необходимыми для предохраненія однихъ членовъ общества отъ нечестности и насилія другихъ и которыя составляютъ предметъ особеннаго вниманія въ самыхъ благоустроенныхъ человѣческихъ обществахъ—розги, тюрьмы, эшафоты, уголовные суды, — или такія учрежденія, которыя общества въ виду неудержимаго произвола страстей человѣческихъ считаютъ нужнымъ допускать и устроять, чтобы дать хоть какой-нибудь порядокъ и узаконенный исходъ движенію низшихъ страстей—вотъ печальныя свидѣтельства неидеальнаго состоянія нравственности въ родѣ человѣческомъ!.. Красота— можетъ быть ее и очень много въ природѣ и жизни человѣческой,—но или отраженія ея повсюду искажаются и помрачаются широко распространеннымъ безобразіемъ, или въ насъ самихъ слишкомъ заглохло и огрубѣло чувство красоты,— только наслажденіе красотою имѣетъ далеко несущественное значеніе въ жизни человѣческой—преимущественно наслажденіе чистое, нравственное и безкорыстное, не раздражающее какихъ-нибудь мелочныхъ побужденій нашего эгоизма, или грубыхъ инстинктовъ чувственной природы... Справедливость—всегда и повсюду въ обществахъ человѣческихъ слышались и слышатся жалобы на несправедливость, извращающую личныя, семейныя и общественныя отношенія людей, разъѣдающую крѣпость человѣческихъ обществъ, подавляющую самыя священныя права человѣческихъ личностей,—и такъ глубока эта несправедливость, что остаются безсильными всякія напряженныя усилія къ ея искорененію,—и такъ привычна она людямъ, что они большею частію иско-

ренять несправедливость имѣютъ обыкновеніе новыми несправедливостями... Любовь святая—кому не любезно и не дорого ея имя? А между тѣмъ повсюду вмѣсто любви мы видимъ господство эгоизма, составляющаго основную пружину человѣческихъ помышленій и дѣйствій, отравляющаго и помрачающаго самыя высокія стремленія человѣческой природы, и извращающаго взаимныя отношенія между людьми личныя, семейныя и общественныя,—эгоизма, который служитъ источникомъ всякой зависти, ненависти и злобы, всякихъ нечестныхъ поступковъ и темныхъ преступленій, который въ обществахъ человѣческихъ, вмѣсто мира и спокойствія, возжигаетъ и поддерживаетъ непріязнь и вражду, разрѣшающуюся нерѣдко тѣмъ, что братъ возстаетъ на брата, народъ на народъ, и царство на царство, и едва ли проходитъ въ многовѣковой исторіи человѣчества хоть одинъ годъ, хоть одинъ мѣсяцъ, едвали одинъ день, когда бы не была проливаема человѣческая кровь человѣческою рукою!.. Вотъ идеалы человѣческой жизни,—и вотъ ея дѣйствительность!... Можно при этомъ назвать жизнь осуществленіемъ высшихъ идеаловъ истины, добра, красоты, правды, любви?..

Напрасно кто-либо сталъ бы говорить, что истина и ложь, добро и зло, красота и безобразіе, правда и неправда—понятія относительныя, что это только такъ ограниченному личному взгляду человѣческому представляется много заблужденій и зла, безобразія и неправды, а въ сущности въ жизни человѣчества, какъ понимаетъ ее болѣе широкій взглядъ, и самое заблужденіе необходимо для развитія истины, зло способствуетъ силѣ добра, безобразіе служитъ красотѣ, неправда правдѣ, ненависть любви,—и ложь, зло, безобразіе, несправедливость, вражда не суть прямыя противоположности истинѣ, добру, красотѣ, правдѣ, любви, а только отрицательныя проявленія, такъ сказать оборотная сторона той же истины, любви, красоты, добра, правды... Нѣтъ, правдивый умъ и честное сердце нельзя разувѣрить въ томъ, что заблужденіе и ложь—прямая непримиримая противоположность истинѣ, что добро не можетъ быть источ-

никомъ зла, и зло источникомъ добра, что между любовью и ненавистью, красотою и безобразіемъ, правдою и неправдою нѣтъ ничего общаго, ничего средняго. Правдивый умъ и честное сердце отказываются называть тму свѣтомъ и свѣтъ тмою, черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, горькое сладкимъ и сладкое горькимъ... Напрасно также говорятъ иногда, что зло, безобразіе, ложь, ненависть, несправедливость—хотя явленія сами по себѣ несомнѣнно темныя, но необходимыя и даже какъ будто полезныя въ жизни, чтобы образъ красоты лучше оттѣнялся среди окружающаго безобразія, чтобы правда свѣтлѣе сіяла среди неправды, чтобы истина и добро укрѣплялись чрезъ борьбу съ невѣжествомъ и зломъ. Нѣтъ, сердце человѣческое чувствуетъ, что это софистическій обманъ. Образъ красоты всегда прекрасенъ самъ по себѣ, и еще свѣтлѣе сіяетъ, когда ее не омрачаетъ безобразіе; правда и любовь святы и цѣнны сами въ себѣ, хотя бы и не было вовсе неправды и вражды,—добро въ жизни было бы полнѣе и крѣпче, если бы сила его не была постоянно парализуема борьбою съ зломъ; до истины нѣтъ необходимости доходить путемъ ошибокъ и заблужденій,—нормальный и логическій путь къ развитію истины есть переходъ отъ истины къ истинѣ, а не отъ истины къ заблужденію, и отъ заблужденія опять къ полуистинѣ и т. д. И вообще несомнѣнно—жизнь человѣческая была бы чище, свѣтлѣе, прекраснѣе, разумнѣе, если бы не было въ ней совсѣмъ этихъ темныхъ противоположностей ея идеаламъ — заблужденія, зла, безобразія, неправды, ненависти.

Напрасно также утѣшаютъ насъ тѣмъ, что хотя много въ человѣческой жизни лжи, безнравственности, безобразія, несправедливости, злобы, но все-таки въ ней истина всегда беретъ верхъ надъ невѣжествомъ и зломъ, добродѣтель торжествуетъ, а безнравственность наказывается, правда изгоняетъ неправду, любовь и красота цѣнятся выше ненависти и безобразія. Это еще мало утѣшенія человѣку, что въ жизни его темныхъ явленій меньше, нежели свѣтлыхъ,—нѣтъ, зачѣмъ они все-таки существуютъ, когда идеалъ жизни требуетъ, чтобы ихъ

совѣмъ не было? Да и правда ли еще то, что въ жизни истина, добро, нравственная сила имѣютъ преимущество предъ заблужденіемъ, невѣжествомъ, грубою физическою силой? Развѣ мы не видимъ въ жизни, чуть не на каждомъ шагу, какъ грубая физическая сила повелѣваетъ и ругается надъ силою нравственною, умъ преклоняется предъ невѣжествомъ, тма предразсудковъ и заблужденій гонитъ со свѣта истину—унижаетъ и преслѣдуетъ, моритъ въ тюрьмахъ, жжетъ на кострахъ, распинаетъ на крестахъ ея провозвѣстниковъ. «Добродѣтель торжествуетъ и порокъ наказывается», въ примѣненіи къ настоящей жизни—фраза эта имѣетъ такой неопредѣленный смыслъ, что не безъ основанія сдѣлалась она предметомъ ироніи между людьми. Ибо всякій счастливый невѣжда и безнравственный деспотъ готовъ бываетъ этою фразою язвить и давить бѣднаго мудреца, угнетеннаго поборника добродѣтели—съ тѣмъ, чтобы отнять у него его послѣднее сокровище—вѣру въ истину и добродѣтель. Ибо нѣтъ въ родѣ человѣческомъ, при всей его заботливости объ этомъ предметѣ, ни такой проницательной полиціи, ни такихъ совершенныхъ судовъ, ни такихъ въ въ точности соотвѣтствующихъ винѣ и заслугѣ мѣръ наказанія и поощренія, чтобы всякій порокъ былъ обличаемъ и наказывался соотвѣтственно степени его порочности и всякая добродѣтель цѣнилась и награждалась соотвѣтственно ея высотѣ. Правосудію человѣческому подлежатъ только внѣшнія и наболѣе крайнія проявленія зла, а самый источникъ его—внутренняя порча ума, совѣсти и сердца, а тысячи и милліоны мелкихъ проявленій безнравственности, которыя, можетъ быть, болѣе самыхъ великихъ, т. е. выдающихся изъ общаго нравственнаго уровня и потому рѣдкихъ преступленій, заражаютъ нравственную атмосферу общества, остаются для правосудія человѣческаго неуловимыми и неприкосновенными. И потому-то въ жизни нерѣдко бываетъ и такъ, что преслѣдующіе, осуждающіе и наказывающіе порокъ бываютъ порочнѣе осуждаемыхъ и наказываемыхъ. Малые, неопытные и безсильные преступники подвергаются карѣ, лишаются личныхъ человѣческихъ

правъ, изгоняются изъ общества человѣческаго за первую неудачную попытку къ преступленію общественнаго закона,—а большіе, сильные и закоренѣлые злодѣи пользуются уваженіемъ и пріязнію, смѣются надъ закономъ и совѣстью, живутъ и умираютъ въ счастіи и довольствѣ на счетъ благосостоянія тысячъ людей. «Правда сильнѣе неправды», говорятъ мудрецы. Но здѣсь высказывается болѣе высокая вѣра въ правду, нежели точное наблюденіе надъ ея дѣйствительнымъ состояніемъ въ мірѣ. Простой, общій человѣческій смыслъ, выводящій свои заключенія изъ непосредственнаго наблюденія — такъ сказать, осязанія фактовъ жизни — говоритъ напротивъ, что правдою между людьми плохо жить, ибо правда всѣмъ глаза колетъ, и за то правду не любятъ, и за то правду бьютъ,—и оттого правда давно улетѣла отъ земли на небо, и правды нечего искать въ мірѣ.

Или, наконецъ, честный и добродѣтельный мудрецъ долженъ утѣшать себя тѣмъ, что хотя ему въ продолженіе своей кратковременной жизни и не удастся видѣть торжества истины надъ заблужденіемъ, добра надъ зломъ, что хотя ему придется и потерпѣть много за свою любовь къ истинѣ и добру, но впослѣдствіи все-таки истина и добро возьмутъ свое, и всякаго поборника истины и добродѣтели, правды и любви ожидаетъ благодарность, слава и безсмертіе въ потомствѣ? Такъ, мы дѣйствительно въ исторіи человѣчества видимъ много примѣровъ тому, что истина, угнетаемая и презираемая въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ послѣдующихъ вѣкахъ торжествуетъ побѣду надъ ложью и заблужденіемъ, что добро, скромно посѣянное въ какомъ-либо безвѣстномъ уголку земли, черезъ десятки и сотни лѣтъ разрастается и приноситъ неисчислимыя блага на цѣлыя страны, что несправедливые порядки и отношенія людей въ обществахъ человѣческихъ, при всей ихъ выгодности для интересовъ силы, мало-по-малу уступаютъ мѣсто порядкамъ и отношеніямъ болѣе гуманнымъ и справедливымъ. Въ этомъ отношеніи исторія человѣчества можетъ дать нѣкоторое утѣшеніе сердцу, тоскующему объ идеалѣ правды и добра. Но достаточно ли это утѣшеніе для души, страдающей по

идеалѣ? Нѣтъ, при всемъ желаніи, я не могу себя вполнѣ утѣшить и успокоить тою мыслію, что добытая мною истина, посѣянное мною добро, искомая мною справедливость когда нибудь принесутъ свою пользу и возьмутъ верхъ надъ невѣжествомъ, безнравственностію и несправедливостію. Я такъ люблю эту истину, добродѣтель и справедливость, я такъ ненавижу ложь, безнравственность и неправду, что мнѣ хотѣлось бы (и этого желанія никто не можетъ вырвать у меня, ибо оно свято, законно и согласно съ благомъ человѣчества), мнѣ желалось бы, какъ можно скорѣе, теперь же видѣть полное торжество первыхъ и рѣшительное искорененіе послѣднихъ. Мои идеалы когда нибудь станутъ дѣйствительностію, но меня тогда уже не будетъ; а для тѣхъ, которые увидятъ ихъ осуществленіе, они уже не будутъ идеалами,—тѣхъ будутъ мучить и томить свои идеалы, какъ теперь мучатъ и томятъ меня мои. Мои идеалы—искомая мною истина и справедливость когда нибудь станутъ дѣйствительностію, но тѣ страданія, которыя я за нихъ терплю и послѣ меня будутъ терпѣть другіе поклонники этихъ идеаловъ, все-таки не перестаютъ быть страданіями. Воспользуются же плодами нашихъ страданій тѣ, для которыхъ вовсе не будетъ имѣть такой цѣны, какъ для насъ, то, за что мы страдаемъ. Что же это за противорѣчіе, что это за новая несправедливость, повидимому, въ самой высшей справедливости жизни? «Благодарность, слава, безсмертіе въ потомствѣ». Какія громкія и какія бѣдныя по содержанію—жалкія, ироническія по смыслу, слова! Неблагодарность и безславіе при жизни, благодарность и слава по смерти!... Безсмертіе тогда, когда уже жизни совсѣмъ не будетъ... Что пользы мученику истины и герою добродѣтели, если потомки его мучителей и убійцъ воздвигаютъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ предки замучили его? Что показываютъ эти памятники? Преступленіе и безславіе прежнихъ поколѣній, или то, что потомки нынѣшняго поколѣнія будутъ также когда нибудь кланяться тому, что теперь подвергается поруганію и преслѣдованію? Что пользы мученику истины и герою добродѣтели, если имя его

будетъ когда нибудь произноситься съ уваженіемъ и сочувствіемъ людьми мыслящими и сдѣлается однимъ изъ громкихъ словъ, украшающихъ безсмысленныя рѣчи, а ему нельзя будетъ даже и слышать этого, самый прахъ его будетъ неизвѣстно гдѣ?..

Да и правда ли то, что всякаго поборника и мученика истины, добродѣтели и справедливости ожидаетъ безсмертіе и слава въ потомствѣ? Судъ потомства, судъ исторіи на самомъ дѣлѣ едвали проницательнѣе и безпристрастнѣе обыкновеннаго суда людскаго—суда современниковъ. То же лицепріятіе, то же пристрастіе къ силѣ, знатности, авторитету. Исторія, занося на свои страницы громкое дѣло, припомнитъ и запишетъ два-три знатныхъ имени—имена людей, которымъ выдался счастливый случай стоять впереди дѣла, а тысячи другихъ тружениковъ, которымъ, можетъ быть, главнымъ образомъ дѣло обязано своимъ направленіемъ и успѣхомъ, которые не заботились о громкихъ дѣяніяхъ, а въ тиши всю жизнь честно работали для блага человѣчества, остаются безвѣстными; это масса, на которую не стоитъ обращать вниманія. Да и откуда черпаетъ свои свѣдѣнія, на чемъ основываетъ свои приговоры эта рѣшительница справедливости и несправедливости людской—исторія? Два, три досужихъ, иногда мало понимающихъ дѣло, иногда пристрастныхъ лѣтописца запишутъ, какія имъ представляются замѣчательными, дѣянія своего времени,—останется отъ этого времени нѣсколько обломковъ жизни на память временамъ послѣдующимъ. Какъ бы ни были совершенны и точны пріемы историческаго изслѣдованія, оно никакъ не можетъ поручиться за то, что оно совершенно точно и правильно возстановляетъ смыслъ и заслугу извѣстной эпохи и ея болѣе и менѣе замѣчательныхъ дѣятелей. Итакъ нѣтъ удовлетворенія идеальнымъ стремленіямъ человѣка ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Не нужно намъ розовыхъ иллюзій и софистическихъ утѣшеній. Лучше горькая, но прямая правда, чѣмъ скрытный и закрашенный обманъ. Жизнь не есть осуществленіе идеаловъ добра, истины и справедливости, точно такъ же, какъ не есть она осуществленіе идеала счастія. Вѣрно, нужно оста-

вить свѣтлые идеалы и высокія требованія, и искать болѣе прямаго, хотя и болѣе грубаго—болѣе жесткаго объясненія смыслу жизни...

* * *

«Такъ, говорятъ, личная жизнь человѣка не удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ счастія, добра, истины, красоты, справедливости и т. под. Но эти идеалы предназначено осуществить всей жизни человѣчества; выполненіе ихъ должно быть вѣнцемъ исторіи человѣчества. И послѣ долгихъ исканій и колебаній, послѣ тяжкихъ трудовъ, напряженныхъ усилій и жертвъ, человѣчество наконецъ прійдетъ къ своимъ идеаламъ, найдетъ счастіе, узнаетъ истину, сдѣлается идеально добрымъ и совершеннымъ, установитъ вездѣ справедливость, будетъ наслаждаться миромъ и красотою, и не будетъ тогда въ человѣчествѣ несчастія и зла, заблужденія и безобразія, ненависти и неправды. До тѣхъ поръ жизнь человѣческая есть непрестанная работа надъ осуществленіемъ этихъ идеаловъ, и каждый вѣкъ, каждый народъ, каждое поколѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ свое особенное назначеніе, вноситъ свою долю въ эту сокровищницу великаго общечеловѣческаго труда. Работа идетъ безостановочно; личности живутъ и умираютъ, поколѣнія мѣняются, народы исчезаютъ, вѣка проходятъ, но каждый вѣкъ, каждый народъ передаетъ для продолженія свое дѣло своему преемнику, а этотъ — дальнѣйшему. И никакая враждебная сила не можетъ остановить этого движенія—этого прогресса; невѣжество, неправда и зло непрестанно гнетутъ и стараются уничтожить силу истины и добра, но ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра не пропадаетъ даромъ въ этой непрестанной работѣ и борьбѣ; каждая добрая мысль, каждый честный трудъ приносятъ свою пользу, имѣютъ свое значеніе въ достиженіи цѣли человѣчества. Непрестанно увеличивая сокровищницу знанія и труда, непрестанно подвигаясь впередъ, человѣчество все ближе и ближе подходитъ къ своей цѣли—къ своему идеалу, и наконецъ достигнетъ его». Вотъ

взглядъ, кажется, болѣе близкій къ правильному пониманію жизни, и указывающій человѣку прямое назначеніе его существованія, взглядъ, не обольщающій человѣка недостижимыми идеалами и не отнимающій смысла и отрады у его жизни. Но и этотъ взглядъ вполнѣ ли разъясняетъ и удовлетворяетъ запросы и требованія человѣческой души?

Жизнь—непрестанный трудъ, непрерывный прогрессъ, безостановочное движеніе. Но всякій трудъ тогда только имѣетъ цѣну, когда извѣстна цѣль труда, сознается смыслъ труда; всякій трудъ требуетъ покоя, красится наградою и наслажденіемъ. Всякое движеніе имѣетъ смыслъ, когда извѣстна цѣль и вѣрность направленія движенія. Цѣль и смыслъ жизни человѣка—жизни человѣчества, настолько ли ясны людямъ, чтобъ это давало опредѣленный смыслъ, направленіе и пріятность жизненному труду? Если бы это было такъ, намъ нечего было бы и разсуждать о цѣли и смыслѣ жизни, человѣчеству нечего было бы въ продолженіе вѣковъ думать и волноваться, приходить къ сомнѣнію и отчаянію надъ разрѣшеніемъ этого вопроса.... Но пусть такъ: эта неустанная работа, это безпрерывное движеніе идетъ изъ-за того, чтобы человѣчество достигло наконецъ своего назначенія, пришло къ своему идеалу—нашло истину, благо, справедливость, миръ, счастье... Т.-е. какое человѣчество? Мы человѣчества не знаемъ, какъ живаго существа. Мы знаемъ живыхъ людей, знаемъ составляющіяся изъ нихъ поколѣнія, народы и т. д. Переведемъ фразу на языкъ болѣе прямой: „неисчислимые милліоны личностей, ряды поколѣній и народовъ трудятся и движутся, живутъ и умираютъ, заблуждаются и страдаютъ для того, чтобы наконецъ явилось въ родѣ человѣческомъ идеальное поколѣніе людей—разумное, нравственно-совершенное и счастливое, не знающее ни заблужденія, ни порока, ни несчастія.“ Въ этомъ-то смыслъ и цѣль человѣческой жизни? Но ужели въ самомъ дѣлѣ неисчислимые милліоны личностей и ряды поколѣній должны жить, трудиться и терпѣть только для того, чтобы ихъ позднѣйшему потомству было хорошо? Ужели жизнь, стремленія и труды

безчисленнаго ряда поколѣній должны пойдти только на фундаментъ для жизни и счастья другихъ поколѣній?

Да и правда ли, что нашъ жизненный трудъ принесетъ свою пользу человѣчеству,—что въ общечеловѣческомъ прогрессѣ ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра, ни одна разумная мысль, ни одинъ честный трудъ не пропадаютъ? Самая исторія человѣчества не представляетъ ли примѣровъ, противныхъ тому? Мы горды въ настоящее время своими знаніями, своими трудами, своими успѣхами—нашею цивилизаціей,—мы думаемъ, что знаніе и труды нашего вѣка принесутъ громадную пользу прогрессу человѣчества. А жили и до насъ люди, поколѣнія и народы (съ незапамятныхъ временъ исторіи человѣчества, Богъ знаетъ, сколько ихъ жило), которые также искали истины, добра и счастія, мыслили, трудились и имѣли, можетъ быть, очень значительные успѣхи въ знаніи и трудѣ;—разрозненные и полустертые обломки жизни свидѣтельствуютъ о блестящей цивилизаціи, процвѣтавшей нѣкогда на берегахъ благословеннаго Нила, въ долинахъ Ганга и Евфрата, въ странахъ Мексики и Перу. А теперь памятниками этой цивилизаціи остается лишь нѣсколько жалкихъ, разрозненныхъ, полуразрушенныхъ обломковъ жизни, нѣсколько словъ и намековъ въ полуистлѣвшей древней рукописи, нѣсколько искаженныхъ сказаній въ преданіяхъ народныхъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и съ нашею цивилизаціею, которою мы столько гордимся, когда-нибудь то же будетъ? Можетъ быть, и нынѣшняя блестящая, богатая, цивилизованная, сильная, многолюдная, самоувѣренная Европа когда-нибудь будетъ представлять унылую, безжизненную степь, подобную тѣмъ, какія нынѣ представляютъ средняя Азія и внутренняя Африка? Можетъ быть, отъ иныхъ нынѣшнихъ богатыхъ и блестящихъ, кипящихъ жизнью и наслажденіемъ городовъ останется столько же, сколько осталось до нашего времени отъ древнихъ Вавилона и Ниневіи, Мемфиса и Ѳивъ, Геркуланума и Помпеи, Содома и Гоморры... Напрасно иные самоувѣренные мудрецы нынѣшняго времени

говорятъ, что при настоящемъ знаніи силъ природы, при нынѣшнемъ направленіи цивилизаціи, этого быть не можетъ. Не обольщенный пристрастіемъ умъ понимаетъ, что нынѣшняя цивилизація, при всемъ ея развитіи, не только не можетъ обезопасить человѣчества отъ какихъ-либо внезапныхъ физическихъ переворотовъ, но не можетъ даже навѣрное обезопасить его и отъ сокрушительной силы какихъ-либо новыхъ Аттилъ, Чингисхановъ и Тамерлановъ. И такъ, поколѣнія вымираютъ, народы исчезаютъ съ лица земли, цѣлыя цивилизаціи гибнутъ,— а кто можетъ поручиться въ томъ, что они успѣваютъ передать преемствующимъ поколѣніямъ, народамъ и цивилизаціямъ всѣ выработанныя и накопленныя ими сокровища знанія и труда? Не показываютъ ли иногда случайныя открытія науки исторической, что народамъ древнимъ извѣстны были такія знанія и искусства, какія въ позднѣйшіе вѣка какъ будто вновь открываются путемъ долгихъ соображеній, трудовъ и жертвъ? Нѣтъ ли основаній предполагать, что народамъ древнимъ извѣстны были и нѣкоторыя такія знанія, которыя доселѣ остаются неизвѣстны нынѣшнему цивилизованному міру? Человѣчество навсегда потеряло ключъ къ нимъ, и должно будетъ вновь тратить силы надъ изобрѣтеніемъ того, что давнымъ-давно было извѣстно. Не то же ли будетъ и съ нашими знаніями и трудами, — не пропадетъ ли большая часть ихъ даромъ для вѣковъ и народовъ послѣдующихъ? Какое же значеніе въ такомъ случаѣ будутъ имѣть наши знанія и труды, наша жизнь и цѣлая исторія?.. Въ иномъ мѣстѣ, умными и заботливыми руками, цѣлые вѣка собирались сокровища знанія и труда на пользу вѣкамъ послѣдующимъ, — и въ самое короткое время истреблялись сокрушительною силой природы, или дикимъ произволомъ невѣжества людскаго. Вотъ прогрессъ историческій! Можно ли безусловно ввѣриться ему, понадѣяться на незыблемую прочность его? Можно ли сказать, что въ немъ ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра, ни одна разумная мысль, ни одинъ честный трудъ не пропадаютъ?..

Можно ли сказать, по крайней мѣрѣ, что человѣчество въ цѣломъ составѣ своемъ, несмотря на бывающія въ жизни отдѣльныхъ странъ и народовъ особенныя, исключительныя, несчастныя, ненормальныя явленія и перевороты, — все-таки непрестанно идетъ впередъ, — и этого движенія не могутъ остановить никакія разрушительныя силы природы, никакія погибельныя проявленія собственнаго произвола людскаго? Какъ сказать? Инымъ прогрессъ человѣческой жизни представляется въ смыслѣ постояннаго движенія впередъ, инымъ въ смыслѣ волнообразнаго колебанія то взадъ, то впередъ, — а инымъ это движеніе представляется въ видѣ вертящагося колеса, непрестанно подвигающагося впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвращающагося на старый путь? Кто правѣе? Каждый взглядъ можетъ найдти для себя основаніе въ дѣйствительныхъ фактахъ исторіи человѣчества. Наше время болѣе склоняется къ той мысли, что жизнь человѣчества непрестанно движется впередъ. А не представляетъ ли исторія и много такихъ примѣровъ, что въ жизни народа—въ жизни цѣлаго человѣчества, вслѣдъ за періодомъ процвѣтанія слѣдуетъ періодъ упадка, за вѣкомъ просвѣщенія настаетъ вѣкъ невѣжества? Въ иную эпоху жизнь человѣчества или извѣстнаго народа принимаетъ направленіе благотворное и полезное для временъ послѣдующихъ, въ иную же бываетъ посѣяно и сдѣлано столько зла и ошибокъ, что цѣлые послѣдующіе вѣка едва въ состояніи бываютъ исправить эти ошибки и зло. Не принадлежитъ ли въ какихъ-нибудь сторонахъ и направленіяхъ жизни и наша эпоха къ такимъ эпохамъ? Не окажется ли многое, что мы считаемъ за истину и добро, ложью и зломъ для временъ послѣдующихъ; ибо каждая эпоха считаетъ свою мысль за несомнѣнную истину, свое дѣло — за дѣло доброе, — но не всегда такъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Наконецъ не представляетъ ли исторія человѣчества основаній и для той мысли, что всякое явленіе, повидимому вновь возникающее въ жизни человѣчества, въ сущности оказывается повтореніемъ того, что уже когда-то было и прошло, — и жизнь человѣчества вращается какъ будто

въ какомъ-то очарованномъ кругу, періодически повторяя одни и тѣ же увлеченія и ошибки, — и человѣчество само не сознаетъ этого, и не имѣетъ силы выбиться изъ этого очарованнаго круга. Въ самомъ дѣлѣ, странно бываетъ видѣть, какъ иной самоновѣйшій мудрецъ, объявляющій всему міру, что онъ открылъ новую великую истину, постигъ тайну жизни,—начинаетъ повторять, что давнымъ-давно было признаваемо за истину, и потомъ оказалось ложью, и потомъ опять было принято, и опять отвергнуто. А между тѣмъ такъ именно бываетъ на дѣлѣ, — иные изъ мудрецовъ нашего образованнаго XIX вѣка выдавали за новую и великую истину не только то, что было говорено древними греческими мудрецами, но и то, что было высказываемо въ затмѣніи разума индѣйскими браминами, поклонниками Будды, или даже какими-либо дикарями, не знающими ничего выше своихъ животныхъ инстинктовъ. Намъ странно бываетъ видѣть, какъ и въ наше время направленія научныя, общественныя, политическія смѣняютъ одно другое точно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ и въ самыя древнѣйшія, и въ болѣе близкія, и самыя ближайшія къ намъ времена. И въ наши времена за крайнимъ матеріализмомъ слѣдуетъ опытѣ выспренній трансцендентальный идеализмъ, а затѣмъ опять тотъ же матеріализмъ хотя подъ новымъ названіемъ, въ которомъ опущено нѣсколько буквъ стараго имени (реализмъ);— безпорядки анархіи и произвола навлекаютъ на себя давленіе деспотизма, — а деспотизмъ опять вызываетъ противъ себя анархію и произволъ. И такъ всегда бываетъ; и сколько зла человѣчество ни терпѣло отъ своихъ односторонніхъ увлеченій и ошибокъ, оно все продолжаетъ повторять тѣ же односторонности и ошибки. Намъ странно бываетъ видѣть, какъ наши новѣйшія формы общественной и политической жизни оказываются сходными съ самыми древнѣйшими формами; а между тѣмъ это такъ на самомъ дѣлѣ, и новѣйшіе парламенты, сеймы, конгрессы и конституціи, устные, гласные и мировые суды имѣютъ для себя образцы въ самой глубокой древ-

ности. Итакъ какъ будто оправдывается наблюденіе древняго мудреца, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ,—и что есть теперь, то было и прежде, и будетъ впередъ.

И къ чему же придетъ, гдѣ остановится этотъ круговоротъ жизни? Изъ-за чего же все это движеніе? Можно ли думать, что прогрессъ человѣческой жизни дѣйствительно приведетъ наконецъ человѣчество къ его идеалу, что будетъ когда-нибудь поколѣніе человѣческое, вполнѣ обладающее истиной, нравственно совершенное и счастливое, что будетъ когда-нибудь жизнь безъ лжи и безобразія, зла и вражды, недовольства и горя, заблужденій разума и борьбы страстей, пороковъ и преступленій? Въ наше время многіе любятъ утѣшать себя этою вѣрою, что настанетъ когда нибудь этотъ вѣкъ золотой, этотъ рай на землѣ, этотъ идеалъ въ жизни человѣческой. Но это по истинѣ только вѣра, выходящая изъ потребности души чѣмъ-либо утѣшить себя и осмыслить свою жизнь, но не имѣющая для себя никакихъ твердыхъ основаній въ разумѣ и опытѣ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы идеалъ жизни человѣческой сдѣлался когда-нибудь ея дѣйствительностью, безъ особенныхъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ переворотовъ въ условіяхъ самой жизни. Трудно представить, чтобы человѣкъ когда-нибудь нашелъ свой идеалъ — идеалъ истины и добродѣтели, любви и счастія, — нашелъ и успокоился, не переставъ быть человѣкомъ, какимъ мы его знаемъ, — безъ особеннаго какого-нибудь чрезвычайно переворота въ его природѣ. Мы знаемъ, что неидеальное состояніе человѣческой жизни зависитъ не отъ внѣшнихъ только препятствій и временныхъ условій жизни, — а главнымъ образомъ отъ условій, лежащихъ въ собственной природѣ человѣка. Мы не потому, главнымъ образомъ, бываемъ недовольны, что у насъ нѣтъ того и того; еслибы и все это было, мы не перестали бы быть недовольными и несчастливыми; еслибы, какъ мы уже говорили, у человѣка не было никакихъ внѣшнихъ предлоговъ къ недовольству и страданію, человѣкъ самъ сталъ бы измышлять себѣ предметъ и предлогъ для недовольства и страданія. Не

вѣрно говорятъ, что человѣкъ недоволенъ и несчастливъ потому, что ему жить *не хорошо*,—а когда станетъ *хорошо*, человѣкъ будетъ вполнѣ доволенъ и счастливъ. Но дѣло въ томъ, что человѣку собственно не того хочется, чтобъ ему было *хорошо* (когда человѣку бываетъ и можетъ быть безусловно *хорошо* — этого никто не опредѣлилъ и опредѣлить не можетъ),— ему собственно всегда хочется, чтобы было *лучше*,— а этому *лучше* конца нѣтъ, и потому нѣтъ предѣловъ человѣческому стремленію, неудовлетворимости и недовольству. Мы не потому чувствуемъ себя удаленными отъ идеала истины, что знаемъ еще слишкомъ мало, не изучили всего, а когда изучимъ, тогда будемъ владѣть полною истиной, и все для насъ будетъ ясно. Мы чувствуемъ, что многое для насъ никогда не будетъ ясно, и притомъ многое такое, что составляетъ сущность истины и бытія, существеннѣйшій вопросъ нашей собственной природы и жизни,— что мы никогда всего не узнаемъ и не изучимъ,— что область знанія и бытія безпредѣльна. Мы чувствуемъ, что самый нашъ органъ познаванія какъ-то тѣсенъ и мелокъ; повсюду, во всякой области знанія и бытія, мысль наша встрѣчаетъ предѣлы, предъ которыми останавливается, какъ предъ несокрушимою стѣною, смутно сознавая однакожъ, что тамъ-то за этими предѣлами и находится то, что составляетъ самую основу, сущность знанія и бытія. Самыя коренныя истины, самыя первыя основанія всякаго знанія остаются недоступными для свободныхъ операцій нашего ума, — мы ничѣмъ ихъ не можемъ выяснить, доказать и повѣрить; и поэтому-то мы чувствуемъ, что не только не можемъ знать всего,—но и ничего не можемъ знать вполнѣ твердо и основательно,—ни для одного знанія своего не можемъ указать незыблемыхъ, первичныхъ основаній, далѣе которыхъ не о чемъ было бы уже и спрашивать, передъ которыми останавливалась бы всякая критика и сомнѣніе. Мы чувствуемъ, кромѣ того, что умъ нашъ точно какъ будто находится въ какомъ-то болѣзненномъ, разбитомъ состояніи, — не можетъ обнять цѣльно своего собственнаго содержанія, не

можетъ вывести вполнѣ точныхъ итоговъ и изъ того, что уже узнано имъ; схватывая одно, упускаетъ изъ виду другое,— изощряя свою способность въ одной области, дѣлается неспособнымъ въ другой. Мы чувствуемъ, что умъ находится въ какомъ-то разладѣ съ другими силами души, — гдѣ слишкомъ развивается отвлеченная мысль, тамъ слабѣетъ живое чувство и способность практической дѣятельности,—и наоборотъ; точно какъ будто вся душа у человѣка находится въ какомъ-то разрозненномъ и разбитомъ состояніи. Мы видимъ наконецъ, что умъ нашъ гораздо болѣе владѣетъ разрушающею, чѣмъ созидающею силой; подкопать, подорвать всякую истину онъ можетъ, а построить и укрѣпить вполнѣ твердо—ни одной. Точно также и въ нравственной области человѣческой жизни отсутствіе идеала, мы чувствуемъ, зависитъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ или временныхъ условій, а отъ состоянія самой природы человѣческой. Напрасно говорятъ, что человѣкъ бываетъ пороченъ и золъ, потому что дурно воспитанъ и живетъ въ дурныхъ общественныхъ условіяхъ. Вѣрнѣе нужно сказать, что воспитаніе человѣческое и условія общественной жизни имѣютъ и будутъ имѣть недостатки потому именно, что они измышляются и устрояются тѣмъ же нравственно-несовершеннымъ и испорченнымъ человѣкомъ. Напрасно говорятъ, что человѣческіе пороки и преступленія происходятъ исключительно отъ невѣжества или бѣдности. Во-первыхъ, когда же человѣкъ будетъ знать все, или будетъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что есть у него? Во-вторыхъ, мы на опытѣ видимъ, что умноженіе богатства, даже умноженіе знанія далеко не всегда сопровождается усовершенствованіемъ нравственности въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ. Такъ, мы видимъ и чувствуемъ, что неидеальное состояніе человѣческой жизни зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, не отъ временныхъ условій, а отъ извѣстнаго состоянія самой человѣческой природы. Поэтому то сколько ни измѣняются внѣшнія обстоятельства и временныя условія жизни, сколько ни трудится и страдаетъ чело-

вѣкъ надъ осуществленіемъ своего идеала,—идеалъ все остается далекъ отъ него чуть ли не такъ же, какъ и прежде былъ. Частныя знанія болѣе и болѣе наростаютъ въ человѣчествѣ; но становится ли человѣкъ ближе къ идеалу истины? Основные вопросы жизни остаются для него чуть ли не такъ же темны, какъ были и прежде, — и каждое частное открытіе въ области знанія все болѣе раздвигаетъ предъ человѣкомъ горизонтъ неизвѣстнаго. Средствъ къ удовлетворенію потребностей жизни становится все больше и больше, но становится ли человѣкъ довольнѣе и счастливѣе? По мѣрѣ увеличенія средствъ, еще въ большей, навѣрное можно сказать, степени увеличиваются и раздражаются самыя человѣческія потребности. Системы воспитанія, формы жизни общественной и политической становятся лучше, гуманнѣе, справедливѣе. Но становится ли человѣкъ — строго говоря — лучше, нравственнѣе, добродѣтельнѣе, любящѣе? Коренныя страсти человѣческія—гордость, зависть, ненависть, любостяжательность, плотоугодіе, лѣность—источникъ всѣхъ пороковъ, столкновеній и преступленій въ родѣ человѣческомъ, остаются въ сущности однѣ и тѣ же во всѣ вѣка, во всѣхъ племенахъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія цивилизаціи. Цивилизація даетъ имъ болѣе утонченную форму выраженія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый ядъ страстей дѣлается болѣе тонокъ и ядовитъ; злоба человѣка развитаго опаснѣе злобы дикаря. Злодѣй, дѣйствующій утонченными орудіями слова и интриги, наноситъ иногда человѣчеству зла болѣе отъявленнаго вора и убійцы, идущаго на благосостояніе ближняго прямо съ дубиной и топоромъ. Развитіе жизни человѣческой подвигается впередъ какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ; умножаются и совершенствуются орудія и средства къ устроенію благосостоянія въ родѣ человѣческомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются и совершенствуются орудія и средства разрушительныя, — и изобрѣтатели и усовершенствователи тѣхъ и другихъ, едва ли не въ равной степени, пользуются названіемъ дѣятелей человѣческаго прогресса, благодѣтелей человѣческаго рода. Развивается и се-

вершенствуется родъ человѣческій, а лукавства, хитрости, эгоистической жесткости, взаимнаго недовѣрія между людьми едва ли не становится болѣе, чѣмъ прежде, — а преступленій совершается и крови проливается въ родѣ человѣческомъ въ нашъ просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій XIX вѣкъ едва ли менѣе, чѣмъ въ самыя дикія и грубыя времена. Ужели же можно думать, что такой прогрессъ дѣйствительно когда нибудь приведетъ человѣчество къ его конечной цѣли — къ идеаламъ истины, добродѣтели, безмятежнаго мира, довольства и счастія?

Нѣтъ, природа и жизнь человѣческая, несмотря на все развитіе и внѣшнія измѣненія, происходящія въ ней, въ сущности оставалась одна и та же въ продолженіе многихъ предшествующихъ вѣковъ—съ тѣми же заблужденіями, страстями и несчастіями. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы когда-либо въ послѣдующіе вѣка природа сдѣлалась иная, чтобы когда-либо насталъ въ жизни человѣческой періодъ безмятежнаго, идеальнаго состоянія безъ ошибокъ и заблужденій, неудачъ и неудовлетворенныхъ стремленій, борьбы страстей и страданій, если только не совершится какого-либо особеннаго, чрезвычайнаго переворота въ жизни человѣческой, если не произойдетъ измѣненія въ самыхъ коренныхъ условіяхъ и состояніи ея. Мало того, мы такъ привыкли къ настоящему состоянію и условіямъ природы и жизни человѣческой, что иныхъ себѣ и представить не можемъ. Мы такъ привыкли къ своимъ заблужденіямъ и страстямъ, неудовлетвореннымъ стремленіямъ и страданіямъ, борьбѣ и злу, что тамъ, гдѣ все это кончается, по нашему представленію, и жизнь должна кончиться. Состояніе безмятежнаго покоя и счастія, полнѣйшаго обладанія истиною, благомъ и красотою безъ всякой неполноты, недовольства, неудовлетворенныхъ стремленій, колебаній, страстей и борьбы или совсѣмъ невообразимо для насъ, или представляется намъ чуть не состояніемъ какой-то неподвижности, застоя и спячки—мертвеннаго оцѣпенѣнія или животнаго отупѣнія. Ужели же этимъ должно все кончиться? Ужели послѣ всего

этого движенія—послѣ всѣхъ этихъ колебаній и волненій неудовлетворенныхъ стремленій и борьбы, жизнь человѣчества, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, должна кончиться смертью, и послѣ этого ничего уже не будетъ—какъ для человѣческой личности, такъ и для всего человѣчества? Но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ, какую цѣль будетъ имѣть жизнь человѣческая въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ этого слова? Движеніе безъ разумной цѣли, стремленіе безъ удовлетворенія, трудъ безъ смысла и пользы, бытіе для уничтоженія! Гдѣ же эти идеалы истины и добродѣтели, мира и счастія, которые съ такою неотразимою силой влекутъ къ себѣ человѣческую природу? Что это за необъяснимое противорѣчіе, что это за темная тайна человѣческой жизни?...

* * *

Можетъ быть оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ? «Жизнь, говорятъ, есть неразрѣшимое противорѣчіе, нескончаемая борьба, неразъяснимая тайна». Но этотъ отвѣтъ—не отвѣтъ. Зачѣмъ же во мнѣ неискоренимое стремленіе разрѣшить это противорѣчіе, объяснить эту тайну? Что такое противорѣчіе и тайна сами въ себѣ? Мы понимаемъ ихъ только по отношенію къ нашему сознанію. Что имѣетъ противорѣчіе само въ себѣ, то, по нашему сознанію, не можетъ существовать. «Жизнь есть борьба», это также одно изъ любимыхъ положеній нашего времени, часто примѣняемое не только къ жизни человѣческой, но и къ бытію всего существующаго. «Борьба, говорятъ, вездѣ. Въ природѣ неодушевленной однѣ стихіи борятся съ другими, сильнѣйшія берутъ верхъ надъ слабѣйшими, и въ этомъ—основаніе для всѣхъ явленій жизни. Въ мірѣ животномъ одна порода непрестанно враждуетъ съ другою, сильнѣйшая преодолѣваетъ слабѣйшую, и въ этомъ—жизнь и усовершенствованіе міра животнаго. Точно также и въ жизни человѣчества: борятся между собою личности и племена, стремленія и силы—сильнѣйшее всегда беретъ верхъ надъ слабѣйшимъ, и въ этомъ—смыслъ, законъ и прогрессъ жизни чело-

вѣчества». Но здѣсь опять неизбѣжно ставится вопросъ, имѣетъ ли начало и конецъ эта борьба, или она есть въ собственномъ смыслѣ вѣчная, нескончаемая борьба? Если она чѣмъ-нибудь кончится, уничтожится ли съ нею самая жизнь, сущность которой она составляетъ,—но въ такомъ случаѣ изъ-за чего же вся эта борьба и какой смыслъ имѣетъ жизнь? Уже-ли все существующее только затѣмъ и существуетъ, чтобы одно уничтожалось и пожиралось другимъ, и въ концѣ концовъ все было пожрано ничтожествомъ?.. Или и по окончаніи этой борьбы возможна будетъ жизнь уже безъ борьбы, совершенно при новыхъ условіяхъ? Но въ такомъ случаѣ борьба уже не будетъ необходимою и коренною сущностію жизни: жизнь представляется возможною подъ какими-то другими условіями, нежели при какихъ она теперь существуетъ; а какія это другія условія, и какъ можетъ совершиться переходъ отъ однихъ условій къ другимъ, мы — живущіе и мыслящіе при настоящихъ условіяхъ жизни—не можемъ себѣ этого и представить. Или въ самомъ дѣлѣ жизнь есть *вѣчная*, нескончаемая борьба? Но мы опять не можемъ понять смысла этой борьбы. Непримиримое противорѣчіе въ самой мысли представляется намъ нелѣпостью. Непримиримое же противорѣчіе въ бытіи и жизни не можетъ намъ представляться иначе, какъ невозможностью. Откуда могло бы явиться это противорѣчіе? Нѣкоторыя древнія религіозныя и философскія системы пытались объяснить всѣ противорѣчія жизни вѣчною борьбою двухъ враждебныхъ между собою равносильныхъ и самобытныхъ первоначалъ бытія. Какъ ни странно это можетъ показаться, какъ ни далекимъ считаетъ себя наше время отъ воззрѣній Зороастровой религіи,—однакожъ вѣрно то, что отраженіе этихъ воззрѣній, хотя не во всей, конечно, ихъ искренности и послѣдовательности, мы можемъ иногда встрѣтить въ научномъ и даже поэтическомъ представленіи жизни у людей ближайшаго намъ времени. Но это воззрѣніе осуждаетъ себя самымъ, можно сказать, своимъ существованіемъ; ибо оно въ самой основѣ бытія и жизни допускаетъ непримиримое противорѣчіе.

а намъ, какъ мы уже сказали, даже въ мысли непримиримое противорѣчіе представляется нелѣпостью, непримиримое же противорѣчіе въ жизни—совершенною невозможностью. Такимъ образомъ теоретическій смыслъ этого воззрѣнія падаетъ предъ логическими требованіями нашего ума.

А нравственный смыслъ его еще хуже. Здѣсь возводятся къ принципу бытія такія явленія жизни, съ которыми умъ и сердце честнаго человѣка не могутъ примириться даже и въ томъ случаѣ, когда они представляются только ненормальными и исключительными случайностями, искаженіями жизни, каковы всѣ явленія лжи и зла, ненависти и несчастія... Всякое преступленіе, всякое зло могутъ найдти себѣ оправданіе;—болѣе нежели оправданіе, законность и освященіе въ этомъ міровоззрѣніи. Ибо, по этому міровоззрѣнію,—зла, преступленія и лжи, строго говоря, и не существуетъ,—зло, преступленіе и ложь суть такія же идеально-божественныя явленія, какъ и явленія совершенно противоположнаго порядка, т. е. истина, добродѣтель, любовь. Только на время одинъ порядокъ беретъ верхъ надъ другимъ, и явленія порядка побѣждаемаго называются ложью, преступленіемъ и зломъ, а потомъ этотъ порядокъ возьметъ верхъ и названныя нами явленія получатъ названіе истины, святости и добродѣтели; а то, что нынѣ называется истиною, святостью и добродѣтелью будетъ ложью, зломъ и преступленіемъ; а потомъ опять наоборотъ и т. д., нескончаемая борьба на вѣки. Отсюда въ людяхъ, сознательно и несознательно придерживающихся этого воззрѣнія, большое сочувствіе къ *тому*, кто, въ общемъ неизвращенномъ представленіи человѣческомъ, считается виновникомъ и отцемъ лжи и зла, къ мрачному, гордому, непокорному, злому, и будто бы несправедливо несчастному дьяволу, котораго нѣкоторые даже и не изъ поклонниковъ какого-либо древняго, грубаго, языческаго суевѣрія такъ именно прославляютъ и почитаютъ подъ именемъ сатаны или демона, или подъ какими-нибудь другими болѣе смягченными и замаскированными именами и аллегоріями. Отсюда же въ людяхъ, сознательно или несозна-

тельно придерживающихся такого міровоззрѣнія, особенное сочувствіе къ такимъ людямъ, которые наиболѣе напоминаютъ собою дьявола по своей гордости и злобѣ, жестокости и эгоизму, упрямству и ненависти, и эти-то преступныя и гибельныя страсти считаются иногда чуть не образцами добродѣтели, которыми шаткія и искаженныя головы тщеславятся, и которымъ считаютъ нужнымъ подражать, всячески стараясь казаться демоническими натурами, т. е. наиболѣе подобными демону. Разумѣется, для того, чтобы возбудить сочувствіе къ демонскимъ свойствамъ гордости, злобы и упрямства, которымъ, въ ихъ прямомъ видѣ, никакая самая испорченная человѣческая природа не можетъ сочувствовать, для украшенія ихъ берутся свойства вовсе несроднаго, противоположнаго имъ идеальнаго порядка—преимущественно свойства силы, красоты и правды. Но это уже уступка, которую извѣстное міровоззрѣніе допускаетъ въ пользу противоположнаго міровоззрѣнія: ибо оно само, такъ-сказать, невольно сознаетъ, что безъ подобныхъ уступокъ въ строгой по лѣдовательности, оно не можетъ существовать по всей крайней нелѣпости и дикости... Здѣсь, въ этомъ воззрѣніи, даже и въ наиболѣе смягченномъ его видѣ, къ которому, можетъ быть, и несознательно показываютъ какъ будто склонность нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей, проповѣдуется и становится основнымъ закономъ прогресса—господство грубой силы и жестокости. Что взяло верхъ надъ другимъ, то и право, законно, свято и совершенно. Правъ волкъ, задравшій овцу, правъ левъ, растерзавшій волка. Тотъ же законъ прилагается и къ прогрессу человѣческой жизни. Правда, въ наши времена нельзя открыто проповѣдывать насилія и злодѣйства. Теорію насилія стараются прикрасить и подкрѣпить мыслію, заимствуемою совершенно изъ другой теоріи, что въ жизни всегда беретъ перевѣсъ правая сторона надъ неправою, истина надъ ложью, зло надъ добромъ. Но это во-первыхъ, какъ мы уже говорили, не всегда оказывается правдой, а во-вторыхъ это—мысль, не вытекающая прямо изъ разсматриваемой нами системы насилія и взаимно-

истребленія, а заимствуемая ею изъ другаго міровоззрѣнія... Впрочемъ, въ наше время находятся и такіе мыслители, которые чуть не прямо говорятъ, что правъ мошенникъ, пользующійся неосторожностью честнаго человѣка, правъ американскій плантаторъ, угнетающій негра, правы піонеры европейской цивилизаціи, истребляющіе туземныхъ жителей Африки, Америки и Австраліи, правъ былъ бы и какой-нибудь новый Аттила, который бы съумѣлъ, подобно прежнимъ временамъ, поднять дикія орды и задавить европейскую цивилизацію,—и это, по смыслу теоріи, было бы полезно для прогресса и цивилизаціи человѣчества. И напротивъ, по смыслу теоріи, виновата овца, пожираемая волкомъ, виноватъ честный и мирный человѣкъ, поддающійся обману ловкаго мошенника, или насилію грубаго деспота, виноватъ негръ, работающій на жестокаго плантатора, виноваты слабыя племена, истребляемыя сильными. И по справедливости первыя притѣсняются, унижаются и истребляются послѣдними, и человѣчество много пріобрѣтаетъ отъ того, что слабое и незлобивое истребляется, а сильное и жестокое беретъ верхъ въ жизни... Дальше, дальше отъ этой грубой, дикой, звѣрской теоріи непрестанной борьбы, насилія и взаимно-истребленія! Все, что есть лучшаго въ природѣ человѣческой, возстаетъ противъ нея. Это хула, клевета на жизнь, а не объясненіе жизни...

* * *

Есть и другія воззрѣнія на жизнь, не менѣе рѣзкія и мрачныя. «Жизнь сама по себѣ есть зло, несчастіе, страданіе. Жизнь есть вѣчное проклятіе, вѣчная иронія Высшей Судьбы. Жизнь есть пустая и глупая шутка, какъ весьма неумно сказалъ одинъ изъ умныхъ, впрочемъ, извѣстныхъ намъ людей въ минуту душевной невзгоды. Или жизнь—даръ случайный, даръ напрасный—судьбою тайной на казнь обреченъ, сказалъ другой извѣстный намъ умный человѣкъ, когда, по собственному сознанію, у него «сердце было пусто и празденъ умъ». Вотъ воззрѣніе, которое, можетъ быть, никогда не было формулировано

серьезно философски, и не можетъ быть удобнымъ для строгой философской постановки по причинѣ его крайней нелѣпости, но которое, тѣмъ не менѣе, все-таки высказывается нерѣдко людьми, или на самомъ дѣлѣ сильно измученными жизнію, или своимъ безнравственнымъ и противоестественнымъ образомъ жизни испортившими себѣ чувство жизни—въ минуту крайней душевной невзгоды. А еще чаще подобное воззрѣніе высказывается для фразы и щегольства такими людьми, которые только хотятъ казаться многоизвѣдавшими и разочарованными, въ такія минуты, когда у нихъ бываетъ въ высшей степени сердце пусто, празденъ умъ, или желудокъ испорченъ и карманъ пустъ... Можно сказать, что люди, усвояющіе себѣ подобнаго рода воззрѣнія, сами отрицаютъ свое право на жизнь; ибо зачѣмъ же имъ жить, если жизнь для нихъ есть вѣчное зло, вѣчное страданіе безъ всякой надежды лучшаго исхода, и если для нихъ всегда есть возможность избавиться отъ этого зла? Нѣкоторые изъ нихъ, до послѣдней степени извратившіе въ себѣ лучшій даръ природы—чувство жизни, и на самомъ дѣлѣ употребляютъ иногда непринадлежащее имъ право самовольно избавляться отъ жизни. Но большая часть такихъ людей, преимущественно тѣ, которые называютъ жизнь проклятіемъ, зломъ и страданіемъ для красоты рѣчи и изъ желанія озадачить другихъ особенностью своихъ взглядовъ и стремленій, преспокойно ѣдятъ, пьютъ, спятъ, веселятся, и пользуются всѣми благами жизни иногда на счетъ благостоянія другихъ, дѣйствительно утѣсняемыхъ и несчастныхъ людей. Такимъ образомъ они собственною жизнію обличаютъ и опровергаютъ свой взглядъ на жизнь. Фраза, что «жизнь есть пустая и глупая шутка» можетъ имѣть долю справедливости не въ отношеніи вообще къ жизни человѣческой, а въ отношеніи развѣ къ личной жизни подобныхъ отрицателей, которая у нихъ, съ хулою противъ жизни на словахъ и животнымъ пользованіемъ всякими благами жизни на дѣлѣ, выходитъ дѣйствительно похожею на какую-то пустую и глупую шутку... Такъ жизнь сама по себѣ и не искоренимое чувство жизни, общее всѣмъ людямъ, сохраняющееся у чело-

вѣка въ самыя трудныя минуты, не покидающее его до послѣдняго истощенія жизни, служитъ наилучшимъ обличеніемъ и опроверженіемъ того мрачнаго отрицательнаго взгляда, будто вся жизнь есть зло и несчастіе. Несправедливъ и односторонень, какъ мы говорили, тотъ взглядъ на жизнь, что она есть высшій идеалъ и полное счастіе для человѣка. Но все-таки это, по крайней мѣрѣ, доброе слово, выходящее изъ благодушнаго настроенія, изъ свѣтлаго довѣрія, изъ чувства уваженія и благодарности къ жизни, благами которой всѣ мы, въ извѣстной мѣрѣ, пользуемся. Въ мнѣніи, будто вся жизнь есть страданіе и зло—болѣе несправедливости—жесткой, злой, неблагодарной несправедливости. Все-таки въ жизни счастія и добра больше, чѣмъ горя и зла; все-таки счастіе и добро понимаются человѣкомъ какъ норма-идеалъ жизни, а несчастіе и зло какъ уклоненіе отъ этого идеала... Легкомысленно и недостойно человѣка, говорятъ, всю жизнь смѣяться и не задумываться серьезно надъ тѣмъ, что жизнь представляетъ недобраго; но еще болѣе малодушно и недостойно благородной природы человѣческой—всю жизнь плакать, жаловаться, роптать и не чувствовать того, что есть лучшаго въ жизни, и не быть благодарнымъ за тѣ счастливыя мгновенія, которыхъ все-таки жизнь всякому человѣку даетъ больше, чѣмъ несчастныхъ. Наконецъ, имѣетъ ли этотъ мрачный взглядъ на жизнь хоть какой-нибудь серьезный философскій смыслъ, объясняетъ ли онъ сколько-нибудь тайну жизни?... Мало сказать, что жизнь есть страданіе и зло; но откуда же и зачѣмъ это страданіе и зло, если идеалъ жизни есть счастіе и добро? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно представлять себѣ жизнь какою-то злою шуткой (ироніей), или гнѣвнымъ проклятіемъ Высшей Силы? Но за что же, или для чего? Прилично ли представлять себѣ злую иронію, или безпричинный гнѣвъ въ той Высшей Силѣ, отъ которой произошла и зависитъ жизнь, какъ бы кто ни называлъ и ни представлялъ себѣ эту силу? Нѣтъ, это дерзкая и страшная хула и клевета не только на все, что есть лучшаго въ жизни, но и на все, что есть Высшаго и Святаго надъ жизнію. Не приведись ни-

кому дойти до такого состоянія, чтобъ, отъ муки ли душевной или отъ праздности и пустоты умственной, позволить себѣ высказывать такія хульныя и нелѣпыя воззрѣнія на жизнь, или отзывы о жизни!...

* * *

«Можетъ быть, уму человѣческому и не нужно доискиваться смысла жизни; можетъ быть въ ней совсѣмъ нѣтъ никакого смысла. Можетъ быть, вся жизнь есть безсмыслица, не существенность, призракъ, сонъ, полный видѣніями и иллюзіями, то чарующими, то пугающими, но въ которыхъ доискиваться смысла и реальнаго содержанія такъ же трудно, какъ въ грезахъ спящаго или въ бреду умо-изступленнаго. Можетъ быть, и мое собственное существованіе есть мечта, и самое стремленіе къ рѣшенію вопроса о смыслѣ жизни—иллюзія и безсмыслица». Странно съ перваго взгляда такое воззрѣніе, а между тѣмъ оно несомнѣнно существуетъ и неоднократно высказывалось. Оно было послѣдовательно развиваемо въ цѣлыхъ религіозныхъ системахъ нѣкоторыхъ народовъ востока, въ цѣлыхъ научныхъ системахъ наисеріознѣйшихъ философскихъ умовъ. И нѣтъ ни одного факта не только въ жизни человѣческой, но и во всемъ мірѣ дѣйствительномъ, существованіе и смыслъ котораго не были бы подвергаемы сомнѣнію умомъ человѣческимъ. Были люди, весь міръ внѣшній называвшіе призракомъ, произведеніемъ собственнаго человѣческаго *я*. Были люди, подвергавшіе сомнѣнію вопросъ о своемъ собственномъ существованіи. Были люди, говорившіе, что можетъ быть и существуетъ что-нибудь, но что именно и какъ оно существуетъ, никто этого знать не можетъ, а наше такъ называемое познаніе о мірѣ есть призракъ, иллюзія. Можно подумать, что подобныя воззрѣнія высказывались изступленными умами въ сумасшедшихъ домахъ. Нѣтъ, говоримъ, они высказывались наисерьезнѣйшими, наикрѣпчайшими представителями новѣйшей европейской мысли, высказывались не мимоходомъ подъ вліяніемъ дурнаго расположенія духа, или въ

видѣ шутки—игры серьезнаго ума,—нѣтъ, серьезнѣйшимъ образомъ проповѣдывались въ знаменитѣйшихъ европейскихъ университетахъ,—развивались въ обширныхъ и стройныхъ системахъ, производившихъ обаяніе на человѣческую мысль, увлекавшихъ за собою толпы послѣдователей. Это можетъ служить знаменательнымъ свидѣтельствомъ того, до какихъ странностей способенъ доходить умъ человѣческій, когда берется судить о предметахъ, выходящихъ за предѣлы его пониманія... Это можетъ также быть свидѣтельствомъ того, какъ труденъ, какъ тяжелъ для человѣчества этотъ важнѣйшій и существеннѣйшій для него вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Ибо не безъ причины, говоримъ,—не ради шутки, не изъ каприза серьезнѣйшіе мыслители договаривались до такихъ странностей, когда задумывались надъ рѣшеніемъ вопроса жизни. Ихъ доводило до этихъ болѣзненныхъ мыслей крайнее напряженіе ума, сосредоточивавшаго всѣ свои силы, и искусственно отвлекавшагося отъ непосредственнаго чувства жизни при рѣшеніи труднаго вопроса. И ихъ мысли не представлялись имъ болѣзненными, странными, изступленными, напротивъ казались самымъ строгимъ логическимъ выводомъ изъ наблюденія дѣйствительныхъ явленій жизни, самымъ правильнымъ опредѣленіемъ серьезныхъ отношеній человѣка къ жизни. И не только казались, но и на самомъ дѣлѣ онѣ были обоснованы и развиты строго логически. Ибо и на самомъ дѣлѣ умъ человѣческій можетъ доказать, если захочетъ, не только то, что весь міръ внѣшній и наше познаніе о немъ есть мечта или, по крайней мѣрѣ, фактъ недоказанный и неясный, но и то, что наше собственное существованіе и самая мысль наша—иллюзія или фактъ сомнительной достовѣрности. Это также хорошій показатель ненормальнаго состоянія и болѣзненнаго направленія нашего ума, который, какъ мы уже говорили, заподозрить, подвергнуть сомнѣнію и отвергнуть можетъ всякую истину, всякій фактъ мысли и жизни, а вполнѣ строго обосновать и прочно утвердить не можетъ ни одной истины, ни одного факта жизни. Это тотъ умъ, которымъ мы такъ гордимся, на

который такъ надѣемся, который мы привыкли считать верховнымъ судьею и рѣшителемъ всего не только подлежащаго, но и не подлежащаго его разумѣнію, который нерѣдко осмѣливается такъ самоувѣренно возставать противъ того, что выше его, противополагать себя самому уму Божію. Этотъ-то умъ, мы говоримъ, и не въ припадкѣ только случайнаго изступленія, а напротивъ въ самомъ строгомъ логическомъ развитіи своемъ, способенъ доходить до отрицанія своего собственнаго и всякаго другаго существованія... Нужно ли серьезно опровергать это крайнее отрицательное воззрѣніе на жизнь,— нужно ли серьезно доказывать, что жизнь не мечта, не призракъ, не сонъ, а дѣйствительность? Не думаемъ. Сама жизнь и ея непосредственное чувство, ни на одинъ моментъ не покидающее ни одного человѣка,—самое неопровержимое доказательство дѣйствительности жизни. И не можетъ быть ни одного скептика, который бы не поддавался неотразимой силѣ этого доказательства. Сколько бы въ теоріи ни сомнѣвался кто въ дѣйствительности внѣшняго міра или своего собственнаго существованія, или въ достовѣрности своего познанія о мірѣ и самомъ себѣ, на практикѣ всякій скептикъ вѣритъ въ эти первичные—такъ сказать—факты и аксіомы жизни и мысли, и живетъ, сообразуясь съ своей вѣрой,—ѣсть и пьетъ, мыслитъ, желаетъ и дѣйствуетъ, не считая потребностей своей природы за иллюзію, чувствуетъ удовольствіе и неудовольствіе, какъ дѣйствительное, а не призрачное удовольствіе и неудовольствіе, разсчитываетъ и соображаетъ, находя въ самомъ опытѣ основаніе и повѣрку для своихъ соображеній,—приладживается къ обстоятельствамъ жизни, увѣренный въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра и въ достовѣрности своихъ познаній о немъ. Пора бы мысли человѣческой и въ теоріи оставлять такія странныя представленія о жизни, которыя оказываются противорѣчащими самымъ основнымъ фактамъ жизни и сознанія... Жизнь есть несомнѣнная дѣйствительность, а не призракъ, не сонъ, не мечта.

* * *

Такъ, жизнь есть дѣйствительность, и поэтому несомнѣнно долженъ быть и есть въ ней какой-нибудь смыслъ. Но таково ли въ ней положеніе самого человѣка, чтобы ему можно было понять или уловить эту тайну—сокровенный смыслъ жизни. «Жизнь есть громадный, необъятно сложный механическій процессъ, неизвѣстно когда, неизвѣстно какъ, неизвѣстно для чего приведенный въ движеніе, но движущійся непрестанно по однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ и всюду дѣйствующимъ законамъ. Личность человѣка среди безчисленныхъ рядовъ другихъ существъ занимаетъ весьма незначительное мѣсто въ этомъ громадномъ процессѣ,—и она увлечена общимъ движеніемъ, и въ человѣческой жизни непрестанно дѣйствуютъ и обнаруживаются тѣ же самые законы, которымъ подчиняется все существующее. Увлеченный общимъ процессомъ жизни, человѣкъ ничего себѣ и представить не можетъ внѣ этого процесса и законовъ, дѣйствующихъ въ немъ; ибо онъ самъ движется въ этомъ процессѣ и подчиняется его законамъ. Поэтому ему нечего и спрашивать себя о томъ, когда, какъ, для чего и надолго ли приведена въ движеніе эта машина,—вопросы эти неразрѣшимы для него и потому безполезны, у человѣка нѣтъ никакихъ данныхъ для разрѣшенія ихъ.—Начало и конецъ бытія (если только оно имѣетъ начало и конецъ) находятся внѣ его наблюденія и опыта. Человѣкъ познаетъ бытіе только въ его движеніи, среди котораго и самъ находится,—и потому только законы и условія этого движенія доступны его наблюденію и опыту. Сущность вещей (если только въ нихъ есть какая-нибудь внутренняя сущность) недоступна человѣку; бытіе вещей открывается человѣку въ ихъ отношеніяхъ между собою, и потому человѣческому вѣдѣнію доступны только отношенія вещей. Поэтому человѣку нужно однажды навсегда положить себѣ за правило—не тратить попустому времени, оставить неразрѣшимые и потому безполезные вопросы и толки о внутренней сущности вещей—о началѣ и цѣли жизни, и изучать жизнь въ ея дѣйствительномъ проявленіи и движеніи,—изучать законы и условія этого движенія, изучать

взаимныя отношенія вещей. Нужно оставить всякія высшія умствованія и мечтанія, всякую метафизику и философію, и обратить исключительное вниманіе на фактъ, наблюденіе, точное эмпирическое познаніе».

Вотъ еще модное и ходячее между многими мыслителями нашего времени воззрѣніе: мы высказываемъ его своими словами коротко, но кажется вѣрно передаемъ смыслъ его. Наше время въ исторіи развитія человѣческой мысли принадлежитъ именно къ тѣмъ эпохамъ усталости, какъ бы нѣкотораго унынія и упадка философской мысли, когда она, утомившись и ослабѣвши въ безплодномъ напряженіи надъ рѣшеніемъ высшихъ вопросовъ жизни (а напряженіе философской мысли передъ нашею эпохой было весьма сильно, такъ что по временамъ дѣйствительно доходило какъ бы до нѣкотораго омраченія и умоизступленія), бѣжитъ отъ этихъ вопросовъ, старается отдѣлаться отъ нихъ, отвести глаза, забыть, уничтожить ихъ,— возвратиться къ обыденному внѣшнему смыслу жизни, и ограничить кругъ своего вѣдѣнія наблюденіемъ внѣшнихъ явленій жизни. Подобныя попытки самоуничиженія человѣческой мысли бывали и прежде послѣ крайняго напряженія философской мысли, но никогда, какъ мы уже упоминали, не были успѣшны. Человѣчество никогда не можетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ, стереть, уничтожить ихъ, не измѣнивши своей собственной сущности, не отказавшись отъ глубочайшихъ стремленій своей природы. Напрасно говорятъ, что теперь безвозвратно прошло для человѣчества время высшихъ философскихъ умствованій и метафизическихъ вопросовъ. Такъ всегда думала всякая нефилософская эпоха, всякое подобное разсматриваемому нами враждебное философіи направленіе. Давнымъ давно и много разъ объявляемъ былъ конецъ всякимъ высшимъ умствованіямъ и метафизическимъ вопросамъ. Но никогда это не сбывалось на самомъ дѣлѣ. Отвергая въ своихъ заключеніяхъ (по крайней мѣрѣ на словахъ) произволъ мысли, настаивая на томъ, чтобы въ сужденіяхъ человѣческихъ

всегда дѣлалось заключеніе отъ факта къ факту, разсматриваемая система, оставаясь вѣрною своему методу, должна прійти и къ тому заключенію, что если человѣчеству, несмотря на совѣты многихъ мудрецовъ, никогда не удавалось прежде забыть и уничтожить своихъ высшихъ вопросовъ и идеальныхъ стремленій, то это не удастся ему и теперь, и впередъ никогда не удастся. Философія, опирающаяся на фактъ, поставляющая сущность знанія въ изученіи факта, должна признать, что существованіе высшихъ вопросовъ о началѣ, смыслѣ и цѣли жизни и идеальное стремленіе къ разрѣшенію этихъ вопросовъ есть глубочайшій и неотразимый фактъ человѣческой природы и жизни, гораздо болѣе всякихъ другихъ внѣшнихъ фактовъ стоющій вниманія и изученія. Странно, какъ система, питающая и высказывающая такое уваженіе къ фактамъ, пропускаетъ безъ вниманія важнѣйшій фактъ жизни — живую человѣческую душу съ ея глубочайшими стремленіями и требованіями. Стремленія къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ о началѣ, сущности и цѣли бытія и жизни такъ глубоки и неотразимы въ природѣ человѣческой, что отъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ, не могутъ отдѣлаться даже тѣ самые мыслители, которые отрицаютъ всякое значеніе этихъ вопросовъ, всякое стремленіе къ метафизическимъ умствованіямъ. И прежній и нынѣшній матеріализмъ, совершенно отвергающій значеніе всякихъ высшихъ вопросовъ, и не признающій въ жизни никакого внутренняго сокровеннаго, смысла, кромѣ того, который сказывается во внѣшнихъ явленіяхъ,—и нынѣшній такъ называемый позитивизмъ, справедливо признающій эти вопросы недоступными и неразрѣшимыми для человѣка, только выводящій отсюда поспѣшное и неубѣдительное для природы человѣческой заключеніе, что человѣку нужно совсѣмъ оставить эти вопросы,—они все таки сами никакъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы не сказать своего слова по поводу этихъ вопросовъ. При всей ихъ враждѣ ко всякой метафизикѣ, ко всякимъ высшимъ міровоззрѣніямъ и системамъ, у нихъ есть своя метафизика, свои міровоззрѣнія и системы...

Но только какая это грубая метафизика, какія узкія и бѣдныя по содержанію, не стройныя по формѣ и развитію (не говоримъ уже—обидныя для человѣческаго достоинства и опасныя для нравственности) міровоззрѣнія и системы!.. Одно изъ нихъ наиболѣе ходячее мы уже высказали. „Бытіе—сложная машина, жизнь—никогда не останавливающійся механическій процессъ“. Здѣсь рѣшеніе всему. Но мы не можемъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Кто же устроилъ эту машину, или какъ она устроилась? Откуда взялся матеріалъ для устройства, и какимъ образомъ этотъ матеріалъ сложился въ правильныя формы? Какъ пришла машина въ движеніе, и кто предписалъ законы этому движенію? Имѣетъ ли это движеніе правильность и смыслъ, или оно совершенно случайно, безпорядочно и безсмысленно? Къ чему направляется это движеніе, какой будетъ конецъ всему, или это движеніе безъ смысла и направленія, безъ конца и цѣли—случайность, хаосъ, путаница, безсмыслица? Наконецъ, какимъ образомъ въ этомъ бездушномъ механизмѣ является духовность, жизнь, сознаніе, свободное расположеніе и дѣйствіе? Но можетъ быть, все это только такъ кажется? Можетъ быть, и душа есть только механическій снарядъ, и жизнь—случайное соединеніе и разложеніе механическихъ или химическихъ элементовъ? Можетъ быть, и самое сознаніе есть только функція извѣстнымъ образомъ сложившейся матеріальной массы, и наше свободное расположеніе и дѣйствіе—вовсе не свободное расположеніе и дѣйствіе, а необходимый и неизбѣжный результатъ внѣшнихъ давленій и вліяній? Можетъ быть, я только незначащая спица въ большой колесницѣ жизни, вмѣстѣ съ другими колесами необходимо увлекаемая въ извѣстную сторону общимъ движеніемъ колесницы, неспособная ни сойти съ своего мѣста, ни перемѣнить своего движенія, ни дать направленія общему движенію, и мнѣ только кажется (хоть неизвѣстно, почему же кажется), что я живу самостоятельною жизнью, свободно мыслю, движусь, и дѣйствую? Такъ именно или почти такъ и разсуждаютъ послѣдователи извѣстной системы, желая оставаться

вѣрными себѣ. Тяжело, мертво, противно, безсмысленно!.. Жалко видѣть, какъ люди мыслящіе унижаютъ себя ниже безсловесныхъ животныхъ, приравниваютъ себя къ вещамъ бездушнымъ, — люди, желающіе мыслить свободно и благородно проповѣдуютъ систему грубаго безсмыслія и нравственнаго безразличія. Нужно надѣяться, что подобныя увлеченія не могутъ имѣть надолго прочнаго вліянія между людьми. Людямъ слишкомъ дорога своя душа, своя мысль, своя воля, чтобы они стали отказываться отъ души, мысли и воли, и это отреченіе даже возводить въ принципъ жизни. Неотразимое убѣжденіе въ дѣйствительности собственнаго сознанія, хотя и несовершенно изъятаго отъ внѣшнихъ вліяній, въ дѣйствительно самоопредѣляющейся волѣ, хотя и ограниченной внѣшними условіями, человѣкъ носитъ въ себѣ самомъ,—и проявленія и доказательства этого сознанія и этой воли всякій видитъ на каждомъ шагу въ своей жизни. И нѣтъ человѣка, который бы не вѣрилъ въ свою мысль и въ свою волю, и не жилъ всю жизнь этою вѣрой,—нѣтъ такихъ людей, говоримъ мы, не исключая въ своемъ положеніи и самыхъ крайнихъ матеріалистовъ, отвергающихъ всякую духовность и всякую свободу.— Ибо и они на практикѣ въ жизни признаютъ то, что отрицаютъ въ теоріи на словахъ,—ибо и они на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ духовность и жизнь, въ свободную мысль и волю иногда гораздо болѣе, чѣмъ иные послѣдователи противоположныхъ имъ воззрѣній. И нужно быть способнымъ слишкомъ отрываться отъ факта и жизни, чтобы, во имя уваженія къ факту жизни, отрицать самую жизнь, — и нужно пріучиться слишкомъ лукавить умомъ и словомъ, чтобы въ теоріи на словахъ совершенно отрицать то, что всегда исповѣдуется на дѣлѣ въ жизни...

* * *

Но довольно. Вѣрно, въ памятникахъ произведеній человѣческой мысли не найдти намъ удовлетворительнаго отвѣта на нашъ вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Мы разсмотрѣли наи-

болѣе извѣстныя воззрѣнія на жизнь, существовавшія въ родѣ человѣческомъ, развивавшіяся въ замѣчательнѣйшихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ, и подъ тѣми или другими формами, съ тѣми или другими оттѣнками и измѣненіями находящіяся, можно сказать, почти постоянно въ обращеніи между людьми. Какъ всѣ они поверхностны, односторонни, узки, не соотвѣтственны самому простому, непосредственному пониманію жизни! Какъ многія изъ нихъ мрачны, жестки, тяжелы, обидны для человѣческаго достоинства, опасны для человѣческой нравственности! Долго ли еще человѣческая мысль будетъ безплодно напрягаться и мучиться надъ рѣшеніемъ этого вопроса, не имѣя силъ ни оторваться отъ него, ни удовлетворительно разрѣшить его,—долго ли будетъ она, въ своемъ непрестанномъ стремленіи—открыть и сказать новую великую истину, опять и опять возвращаться къ старымъ неправильностямъ и заблужденіямъ?..

А между тѣмъ, людямъ давно открыто одно такое воззрѣніе на жизнь, которое разрѣшаетъ главнѣйшія трудности, устраняетъ существеннѣйшія противорѣчія разсматриваемаго нами вопроса, и уясняетъ его по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно и нужно для нашихъ существенныхъ потребностей. Это воззрѣніе не умомъ человѣческимъ придумано и составлено. Умъ человѣческій, какъ это можно видѣть изъ самостоятельныхъ его опытовъ въ изслѣдованіи тайны жизни,—не можетъ рѣшить этого вопроса. Это естественно уже потому, что умъ человѣческій самъ поставленъ на опредѣленное мѣсто въ кругу бытія, и непрестанно увлекается процессомъ жизни; поэтому онъ не можетъ съ своей точки зрѣнія ничего видѣть внѣ этого процесса,—онъ не можетъ обнять и охватить мыслью неизмѣримой области бытія. Умъ человѣческій не творецъ и не владыка мірозданія,—онъ не былъ свидѣтелемъ устройства міра и не знаетъ, къ чему направлена его жизнь; поэтому, имѣя возможность изучать и познавать міръ въ его существующемъ состояніи и въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, умъ человѣческій не можетъ сказать ничего опре-

дѣленнаго о началѣ, внутренней сущности и конечной цѣли міробытія. Не говоримъ уже о томъ, что умъ человѣческій, какъ это опять видно изъ безпристрастнаго наблюденія надъ его дѣятельностью, находится не совсѣмъ въ нормальномъ и здоровомъ, но въ какомъ-то разбитомъ состояніи, и поэтому не можетъ свѣтло и правильно отражать въ себѣ сущности вещей. То воззрѣніе, о которомъ мы говоримъ, дано человѣку Высшимъ Умомъ — Тѣмъ Умомъ, Который сотворилъ и поддерживаетъ все существующее, и Которому поэтому въ совершенствѣ извѣстны начало, сущность и конечная цѣль всякаго бытія. Мы разумѣемъ то воззрѣніе на жизнь, которое дано человѣку въ Божественномъ откровеніи—христіанское міровоззрѣніе. Что это міровоззрѣніе не умомъ человѣческимъ придумано, а дѣйствительно свыше дано человѣку для озаренія его жизненнаго пути,—это доказывается какъ несравненнымъ внутреннимъ его превосходствомъ предъ всѣми произведеніями ума человѣческаго, безпримѣрнымъ вліяніемъ на жизнь частныхъ людей, народовъ и цѣлаго человѣчества, такъ и самою исторіею его происхожденія, безчисленными знаменіями сверхъестественной Божіей Силы, безчисленными свидѣтельствами величайшихъ, благороднѣйшихъ, нравственнѣйшихъ личностей въ родѣ человѣческомъ, жившихъ и умиравшихъ во имя этого великаго міровоззрѣнія.

Это міровоззрѣніе вамъ давно и должно быть хорошо извѣстно. Это то міровоззрѣніе, которое вѣроятно почти всѣмъ изъ васъ внушали съ ранняго дѣтства добрые матери и отцы, воспитательницы и воспитатели, научая васъ, какъ благоговѣйно слагать персты и произносить первыя священныя слова въ молитвѣ. Это то воззрѣніе, которымъ живутъ кругомъ васъ неисчислимые милліоны людей, и въ которомъ они находятъ свѣтъ, нравственную опору и утѣшеніе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Это то воззрѣніе, которое спасло человѣчество отъ духовнаго мрака и нравственной гибели, и которое поэтому съ такимъ восторгомъ принято было человѣчествомъ, что цѣлыя тысячи благороднѣйшихъ личностей готовы

были идти на смерть для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ заблуждавшимъ міромъ божественную истину этого міровоззрѣнія. Съ большею или меньшею степенью искренности и сознательности вы пріучились относиться съ уваженіемъ къ истинамъ, открывающимся въ немъ, какъ къ высшимъ священнымъ истинамъ. Вы знаете, что эти истины необходимы человѣку для спасенія, для жизни будущей. Но есть, можетъ быть, нѣкоторые между вами, которые слово «спасеніе» понимаютъ въ исключительномъ и неопредѣленномъ смыслѣ, которые думаютъ, что то, что важно и дорого человѣку для жизни будущей, мало имѣетъ отношенія къ настоящей жизни. Можетъ быть, немногіе изъ васъ надлежащимъ образомъ могутъ понимать и цѣнить, какой свѣтъ, какая животворная сила, какая твердая нравственная опора и въ настоящей жизни дается человѣку религіознымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Нужно много жить и умѣть глубоко понимать жизнь, нужно много думать, и думать серьезно и искренно—не ради препровожденія времени или упражненія процесса мысли, а для уясненія себѣ существеннѣйшихъ вопросовъ и задачъ жизни, нужно или самому испытать тѣ тяжкія колебанія, сомнѣнія и мученія, какія приходится испытывать человѣку, силящемуся прояснить для себя тайну жизни, или по крайней мѣрѣ знать и понимать, какъ испытываютъ эти колебанія и мученія другіе люди, — разумѣется не тѣ, которымъ все равно — имѣть такія или другія убѣжденія или никакихъ не имѣть, и не тѣ, которые, по мелкости душевной, разъ привязавшись къ извѣстной, хотя бы и очевидно неправильной и односторонней мысли, съ предубѣжденіемъ отвращаютъ свои глаза отъ всего, что не подходитъ подъ нее, а тѣ, которые искренно и горячо заботятся о томъ, чтобы составить себѣ правильныя убѣжденія; нужно умѣть понимать и цѣнить, какъ важенъ для человѣка этотъ процессъ внутренней жизни, чтобы полнѣе представить себѣ, какое великое благо для насъ—наша святая христіанская Вѣра. Истинно, истинно говорю вамъ, чѣмъ больше живешь, чѣмъ больше всматриваешься въ жизнь, чѣмъ больше испытываешь

въ жизни, чѣмъ серьезнѣе думаешь о жизни, чѣмъ глубже входишь въ самого себя; тѣмъ болѣе научаешься цѣнить и понимать великую истину христіанскаго воззрѣнія на жизнь. Оно просто на видъ, это воззрѣніе,—и просто по своей сущности, т.-е. истина его безъ особенныхъ умствованій дается всякой не ослѣпленной пристрастіями и предразсудками душѣ, и поэтому ее могутъ усвоять себѣ и образованные и необразованные, и сильные и слабые, знатные и не знатные, женщины и дѣти. Оно не ослѣпляетъ нашихъ глазъ блескомъ особенно смѣлой оригинальности и необычайно хитраго построенія—подобно разнымъ философскимъ системамъ, изъ которыхъ иныя какъ будто являлись въ міръ не столько за тѣмъ, чтобы просвѣтить, укрѣпить и утѣшить людей, а скорѣе затѣмъ, чтобы удивить, озадачить и ослѣпить ихъ. Но этой безъискусственной простотѣ и естественности своей, по этой общедоступности и общепримѣнимости, иныхъ умамъ, слишкомъ привыкшимъ къ внѣшнему блеску и хитрости, изъ какого-то умственнаго аристократизма любящимъ думать не такъ, какъ думаютъ другіе люди, по простотѣ и общедоступности своей христіанское міровоззрѣніе кажется не довольно строгимъ, не довольно глубокимъ и высокимъ, не довольно философскимъ. Но нужно внимательно и безпристрастно вникнуть въ глубокое содержаніе истинъ, открывающихся въ этомъ воззрѣніи, въ ихъ поразительную стройность и согласіе между собою, такъ что каждое отдѣльное положеніе находится въ связи со всѣми другими, ими поясняется и подтверждается, и само въ свою очередь служитъ къ проясненію и подтвержденію всего ученія, — въ особенности нужно обратить вниманіе на глубочайшее соотвѣтствіе открывающихся здѣсь истинъ съ потребностями души и дѣйствительными показаніями человѣческой жизни, нужно сравнить эти истины съ тѣми поспѣшными, незрѣлыми, односторонними и крайне отвлеченными отъ жизни отвѣтами на жизненные вопросы, которые даются въ другихъ такъ называемыхъ самостоятельныхъ, собственнымъ умомъ человѣческимъ выработанныхъ воззрѣніяхъ

системахъ, — что бы видѣть, какая по истинѣ высокая, глубокая, свѣтлая и жизненная философія заключается въ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи. Правда, въ немъ есть довольно неяснаго для насъ, въ немъ есть тайны: многое изъ нихъ проясняется человѣку по мѣрѣ прояснения его собственнаго ума и очищенія сердца, но многое навсегда остается тайною. По крайней мѣрѣ, христіанское міровоззрѣніе и не старается обольщать человѣка несбыточною для него надеждою всевѣдѣнія, которая такъ легко переходитъ въ крайнее разочарованіе и скептицизмъ относительно возможности всякаго вѣдѣнія; оно не старается выдавать человѣку непостижимаго за понятное, какъ это дѣлается въ другихъ философскихъ системахъ, и тайну такъ и называетъ тайною. Оно прямо, открыто и совершенно согласно съ сознаніемъ и опытомъ самой души человѣческой указываетъ человѣку, что онъ можетъ узнать и сдѣлать собственнымъ умомъ, и въ чемъ ему необходимо нужно для собственнаго блага довѣриться Высшему, Совершеннѣйшему Уму. И умъ человѣческій, который видитъ много непонятнаго для себя и въ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни, который для себя самаго во многихъ отношеніяхъ есть тайна, можетъ ли требовать того, чтобы для него все было ясно въ самыхъ высшихъ и глубочайшихъ вопросахъ жизни, гдѣ конечное — такъ сказать — соприкасается съ безконечнымъ, и умъ человѣческій входитъ въ общеніе съ умомъ Божественнымъ? Но самая свѣтлость, высота и жизненность тѣхъ истинъ нашей вѣры, которыя имѣютъ непосредственное, ближайшее и понятное намъ самимъ отношеніе къ жизни, и въ то же время ихъ тѣснѣйшая связь съ тѣми высшими истинами, которыхъ непосредственнаго отношенія къ жизни мы не видимъ и не понимаемъ, помимо всякихъ другихъ доказательствъ и свидѣтельствъ — одно это можетъ служить для насъ ручательствомъ свѣтлости, высоты, жизненности и этихъ послѣднихъ сверхъестественныхъ истинъ, и убѣждать насъ въ необходимости и спасительности довѣрія къ нимъ со стороны человѣка. Наконецъ, что еще обращаетъ на себя

особенное вниманіе въ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи (съ его такъ сказать философской стороны, не говоримъ о нравственно-жизненной, съ которою даже и сравниваемы быть не могутъ никакія другія міровоззрѣнія), это необыкновенная всеобъемлемость и такъ сказать безпристрастіе христіанскаго воззрѣнія ко всякимъ другимъ воззрѣніямъ. Христіанское міровоззрѣніе, по сущности своей хотя и не есть произведеніе человѣческаго ума, однако оно не становится въ такое исключительное враждебное отношеніе къ другимъ міровоззрѣніямъ, составленнымъ умомъ человѣческимъ, въ какомъ они находятся между собою. Онъ стоитъ выше всего этого, оно не отрицаетъ и не охуждаетъ безусловно ни одной искренней и честной работы человѣческаго ума; — все истинное, разумное, жизненное, что только есть въ различныхъ философскихъ и даже религіозныхъ системахъ, принимается имъ, и отвергается только крайнее, одностороннее, произвольное, ложное и вредное.

Мы не имѣемъ возможности и надобности излагать и раскрывать здѣсь въ полнотѣ и цѣлости христіанское религіозное ученіе. Припомнимъ кратко только тѣ частныя черты его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ затронутымъ нами выше вопросамъ человѣческой души и жизни, тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ вѣчный предметъ недоразумѣній и противорѣчій во всѣхъ міровоззрѣніяхъ и системахъ, силящихся объяснить тайну жизни безъ пособія Божественнаго откровенія.

* * *

Жизнь человѣческая, по христіанскому міровоззрѣнію, дѣйствительно создана и предназначена для истины, добра и счастія; ибо она есть отраженіе жизни божественной, какъ и самъ человѣкъ есть образъ Божій. Поэтому-то въ человѣкѣ — такое глубокое, неискоренимое стремленіе къ идеаламъ истины, добра и счастія. По этому нѣтъ человѣка, который бы сознательно предпочиталъ истинѣ ложь, добру зло, сча-

стію страданіе. Душа человѣческая сама ясно сказываетъ о своемъ назначеніи. Но между тѣмъ дѣйствительность жизни человѣческой далеко не соотвѣтствуетъ ея идеальнымъ стремленіямъ. Человѣкъ сознательно предпочитаетъ истину, а часто лжетъ, — любитъ добро, а дѣлаетъ зло, — ищетъ мира и счастія, а остается неудовлетворенъ и недоволенъ. Ясный признакъ, — что жизнь человѣческая находится въ ненормальномъ состояніи, уклонилась отъ своего идеала. Каково было первоначальное идеальное состояніе человѣческой жизни, и какъ могло въ ней совершиться уклоненіе отъ ея идеала, этого не можетъ объяснить человѣку никакая философія: ибо умъ человѣческій, знающій жизнь человѣческую только въ ея настоящемъ неидеальномъ состояніи, не можетъ даже и представить себѣ иного идеальнаго состоянія, ни объяснить, какъ могъ совершиться переходъ изъ одного состоянія въ другое. Христіанское міровоззрѣніе отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ догматомъ о паденіи человѣка и первородномъ грѣхѣ— т. е. наслѣдственной нравственной порчѣ человѣческой природы, перешедшей отъ родоначальника человѣчества на всѣхъ его потомковъ. Человѣкъ, какъ образъ Божій, какъ существо стремящееся къ истинѣ, добру и блаженству, до тѣхъ поръ былъ блаженъ и святъ, пока находился въ союзѣ съ своимъ Первообразомъ—Богомъ, Источникомъ истины, добра и блаженства. Человѣкъ нарушилъ свой союзъ съ Богомъ, и исказилъ свою природу и отпалъ отъ истины, добра и блаженства. Какъ совершилось это паденіе,—какъ нравственная порча человѣческой природы отъ родоначальника человѣчества, дѣятельно нарушившаго союзъ съ Богомъ, стала передаваться его потомкамъ,—это въ существѣ своемъ остается для насъ тайною: ибо сколько бы Божественное Откровеніе ни проясняло человѣку эту тайну, самъ умъ человѣческій, какъ мы уже сказали, знающій человѣческую жизнь только въ нынѣшнемъ ея ненормальномъ состояніи, не можетъ даже представить себѣ прежняго нормальнаго состоянія и понять того, какъ могъ совершиться переходъ отъ нормальнаго состоянія къ ненормальному. Но вѣрно то,

что этотъ великій и несчастный нравственный кризисъ произошелъ въ человѣческой природѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самое противорѣчіе, замѣчаемое въ человѣческой жизни, т. е. непрестанное противорѣчіе между истиной и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, красотой и безобразіемъ и т. д. Если бы жизнь человѣческая по самой сущности своей предназначена была только къ тому неидеальному состоянію, въ которомъ теперь находится, то откуда же въ ней это неискоренимое стремленіе къ высшимъ идеаламъ? А если жизнь предназначена къ осуществленію высшихъ идеаловъ истины, добра и счастія, то какъ могли явиться въ ней уклоненія отъ этихъ идеаловъ и прямыя противоположности имъ—ложь, зло, страданіе? Вѣрно то, что Самъ Первообразъ человѣческаго духа, Богъ—Источникъ истины, добра и блаженства—не могъ быть виновникомъ уклоненія человѣка къ лжи, злу и несчастію (ибо мы не иначе можемъ и представлять Его себѣ, какъ совершеннѣйшею Полнотою истины, святости и блаженства, отъ которой никакъ не можетъ произойти ложь, зло и страданіе). Слѣдовательно вина ненормальнаго состоянія человѣческой природы находится въ самомъ человѣкѣ. И это также совершенно согласно съ свидѣтельствомъ собственнаго самосознанія человѣческаго; ибо, какъ ни противны идеальнымъ стремленіямъ души человѣческой ложь и зло, тѣмъ не менѣе человѣкъ, какъ существо самосознающее и самоопредѣляющееся, себя самого, а не другаго кого, признаетъ непосредственнымъ виновникомъ той лжи и того зла, которыми наполнилась его жизнь.

Впрочемъ жизнь человѣческая представляетъ намъ не совершенное отрицаніе своего высшаго идеала, а только уклоненіе отъ него; образъ Божій, по ученію откровенія божественнаго, искаженъ въ природѣ человѣческой, но не совершенно утраченъ ею. Въ человѣкѣ сохранились черты образа Божія, хотя разбитыя, разрозненныя и искаженныя,—сохранилась въ немъ и главнѣйшая черта первобытнаго состоянія—стремленіе къ своему Первообразу, къ совершеннѣйшей истинѣ, добру и блаженству. По этому человѣкъ не удаленъ совершенно отъ источ-

ника свѣта и блаженства въ вѣчную область мрака, лжи, зла и страданія. Онъ оставленъ жить среди міра Божьяго, окруженный со всѣхъ сторонъ знаменіями Божіей мудрости и любви, чрезъ посредство которыхъ онъ можетъ, хотя косвеннымъ и отдаленнымъ путемъ, входить въ нѣкоторое общеніе съ Первоисточникомъ истины, добра и блаженства. Отсюда опять открывается для человѣка возможность нѣкотораго совершенства и счастія даже и въ настоящемъ ненормальномъ состояніи его природы и жизни. Человѣкъ можетъ изучать и познавать въ окружающемъ его мірѣ дѣла мудрости Божіей, наслаждаться дарами Божіей любви, украшать свою жизнь дѣлами правды и добра, и тѣмъ возвышать и усовершать свою природу, и въ своей собственной душѣ созидать себѣ источникъ внутренняго довольства, мира и счастья. Но все-таки человѣкъ, въ разобщеніи съ Первоисточникомъ своего свѣта и блаженства, не можетъ быть вполнѣ доволенъ и блаженъ одними отдаленными отраженіями божественнаго свѣта во внѣшнемъ мірѣ и своей собственной жизни,—тѣмъ болѣе, что эти свѣтлыя отраженія божественной истины, любви, красоты, правды и добра повсюду омрачаются темными тѣнями заблужденія, ненависти, несправедливости, безобразія, порока. Поэтому, чѣмъ болѣе возвышается человѣкъ въ своемъ стремленіи къ высшему идеалу, тѣмъ болѣе открывается передъ нимъ уклоненіе отъ идеала и ненормальность настоящаго состоянія; отсюда неудовлетворимость и недовольство. И напротивъ, если человѣкъ постепенно болѣе и болѣе станетъ заглушать въ себѣ высшія идеальныя стремленія, и искать наслажденій только въ томъ, въ чемъ находятъ ихъ и всѣ животныя,—онъ все-таки не будетъ доволенъ и счастливъ; ибо человѣкъ можетъ быть счастливъ только человѣческимъ счастьемъ; неумолкающій червь самосознанія и нравственнаго долга постоянно будетъ возбуждать его изъ животнаго самозабвенія,—и никакая неестественная мѣра животныхъ наслажденій не наполнитъ его, не имѣющихъ мѣры, желаній. Вотъ жизнь человѣческая! Ее очевидно нельзя назвать сплошнымъ зломъ, ложью, обманомъ, про-

клятіемъ, казнію, страданіемъ, какъ хульно называли ее иногда пессимисты, которымъ по преимуществу приходилось видѣть и испытывать темную ея сторону,—но точно также нельзя назвать жизнь и осуществленіемъ идеаловъ истины, добра и счастья, какъ фальшиво называли въ утѣшеніе себѣ и другимъ иные оптимисты, старавшіеся совсѣмъ не замѣчать темныхъ сторонъ жизни.

Жизнь человѣческая представляется намъ по ученію Откровенія такою, какою она является и предъ непосредственнымъ нашимъ наблюденіемъ,—смѣшеніемъ истины и лжи, добра и зла, радостей и горестей. Отсюда противорѣчіе, борьба и нѣкоторая, такъ сказать, неразумность дѣйствительно становятся весьма существеннымъ и характеристическимъ признакомъ человѣческой жизни въ ея настоящемъ ненормальномъ состояніи. Свѣтлая сторона въ человѣческой жизни, можно сказать, нѣсколько преобладаетъ надъ темною; это можно сказать потому уже, что истина, добро и счастіе представляются душѣ человѣка, какъ норма, какъ идеалъ жизни,—а ложь, зло и страданіе,—какъ явленія ненормальныя, какъ уклоненія отъ идеала. Но все-таки такого состоянія человѣческой жизни очевидно нельзя назвать состояніемъ нормальнымъ. И весьма оскорбляютъ человѣческую природу въ ея лучшихъ чаяніяхъ и стремленіяхъ тѣ мудрецы, которые настоящій порядокъ жизни представляютъ человѣку за норму, за идеалъ, и стараются увѣрить его, что дальше ему нечего желать, нечего искать,—что жизнь всегда будетъ представлять противорѣчія между своими идеалами и дѣйствительнымъ состояніемъ—борьбу между добромъ и зломъ, истиною и ложью,— а откуда и зачѣмъ эта борьба, не объясняютъ. Сама человѣческая душа и жизнь человѣчества протестуютъ противъ этого. Душа человѣческая желаетъ и ищетъ чистаго идеала — чистой истины безъ примѣси заблужденія, совершеннаго добра не парализуемаго зломъ, полнаго счастія не возмущаемаго страданіями. Вся жизнь человѣчества представляетъ непрерывное дружное стремленіе къ этому идеалу. Человѣкъ непрестанно старается объ

умноженіи своихъ познаній, чтобы открыть наконецъ чистую истину и освободиться отъ предразсудковъ, ошибокъ и заблужденій, преобразуетъ и старается улучшить формы и отношенія жизни, чтобы возстановить всюду добро, правду и миръ, и искоренить зло, неправду и вражду, — устрояетъ свой бытъ и старается приводить въ соотвѣтствіе сумму наслажденій жизни съ суммою потребностей природы, — чтобы установить вездѣ довольство и счастіе, невозмущаемое недовольствомъ, жалобами и страданіями. Въ этомъ честномъ стремленіи къ идеалу и состоитъ такъ называемый прогрессъ человѣческой жизни... Иной вопросъ, достигаютъ ли цѣли эти стремленія, можетъ ли прогрессъ человѣческой жизни привести человѣчество къ его идеалу? Какъ мы уже знаемъ, иные мыслители, за неимѣніемъ лучшаго и болѣе вѣрнаго утѣшенія, хотѣли утѣшить человѣка положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, — но отвѣтъ ихъ выходилъ очень натянутъ и фальшивъ. Сама жизнь человѣческая не представляетъ условій къ достиженію идеала, — напротивъ представляетъ постоянно и повсюду примѣры того, что стремленіе къ идеалу остается неудовлетвореннымъ. Милліоны людей, ряды поколѣній и народовъ умираютъ не нашедши своего идеала. Въ общей жизни человѣчества приближеніе къ идеалу не становится замѣтнѣе по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія и развитія этой жизни. Умножаются знанія въ родѣ человѣческомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе раскидывается предъ человѣкомъ горизонтъ неизвѣстнаго,—и полное обладаніе истиной представляется человѣку и въ наши времена въ такой же далекой неизвѣстности, какъ тысячи лѣтъ назадъ. Преобразуются и совершенствуются формы жизни и отношенія между людьми, нравы людей становятся мягче,—но зло, неправда и ненависть между людьми находятъ для себя тысячи новыхъ формъ, и вторгаются во всѣ новыя отношенія жизни. Преобразуется и устрояется внѣшній бытъ человѣка, непрестанно увеличиваются предметы для удовлетворенія человѣческихъ потребностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и самыя потребности, растетъ и недовольство въ родѣ

человѣческомъ... Искренно и серьезно всматриваясь въ себя самого и свою жизнь, человѣкъ долженъ сознать, что ненормальное состояніе его жизни зависитъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ и временныхъ условій, а имѣетъ основаніе во внутренней глубокой порчѣ самой человѣческой природы,—и слѣд. не можетъ исправиться и измѣниться безъ коренного измѣненія самыхъ условій природы и жизни. Природа человѣческая оказывается такъ безсильна къ осуществленію своего идеала, что человѣкъ даже и представить себѣ не можетъ этого идеала; въ настоящемъ своемъ состояніи, какъ мы уже говорили, человѣкъ даже и представить себѣ не можетъ чистаго идеальнаго состоянія—полнаго обладанія истиной, добромъ и блаженствомъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ заблужденія, порока и несчастія. И поэтому-то всѣ утѣшители человѣчества, обѣщающіе ему достиженіе идеала при настоящихъ условіяхъ жизни, обѣщающіе человѣчеству рай на землѣ, обыкновенно или умолкаютъ, когда доходитъ дѣло до описанія этого будущаго идеальнаго состоянія, или говорятъ пустѣйшія фразы, или представляютъ будущее идеальное состояніе человѣчества въ такомъ видѣ, что оно болѣе походитъ на какое-то животное отупѣніе, спячку, застой, смерть, а не на жизнь. Если же человѣкъ даже представить себѣ не можетъ своего идеала,—это, кажется, ясный признакъ того, что человѣкъ и достигнуть его не можетъ при настоящихъ условіяхъ своей природы и жизни,—что въ настоящемъ состояніи человѣческой природы нѣтъ условій къ воспріятію идеала.

Что же, ужели идеальное стремленіе человѣка такъ и останется неудовлетвореннымъ, и весь трудъ и прогрессъ человѣческой жизни будетъ движеніемъ безъ смысла и цѣли?... Нѣтъ, природа человѣческая не допускаетъ этого предположенія; сердце человѣческое не оставляетъ надежды на достиженіе идеала,—только умъ не можетъ сказать человѣку, какъ возможно достигнуть его,—и никакая философія не въ состояніи рѣшить человѣку этого вопроса.

Здѣсь опять божественное откровеніе приходитъ на помощь уму человѣка, и на вопросъ о возвращеніи къ идеалу (т. е. къ первобытному совершенству) отвѣчаетъ ему догматомъ объ искупленіи человѣка. Стремленіе природы человѣческой къ идеальной истинѣ, совершенному добру и счастію—не мечта и не ошибка, какъ убѣждена въ этомъ сама человѣческая природа. Въ этомъ стремленіи ясно сказывается потребность души человѣческой возвратиться къ своему Первообразу—Богу. Но сама по себѣ, при настоящихъ условіяхъ, природа человѣческая не можетъ выйти изъ своего ненормальнаго состоянія, и возвратиться къ первобытному совершенству и блаженству. Здѣсь Самъ Богъ приходитъ на помощь стремленію человѣка къ возсоединенію съ Нимъ. Сама божественная Истина, Само совершеннѣйшее Добро и Блаженство, собезначальное и единосущное Богу Отцу—Слово Божіе пришло съ неба на землю къ удалившемуся отъ свѣта и блаженства человѣку, тѣснѣйшимъ образомъ сроднилось съ нимъ, принявъ на себя человѣческую природу—человѣческую душу и тѣло—со всѣми свойствами человѣческой природы, кромѣ ея нравственной порчи, кромѣ грѣха. Само непричастное нравственной порчѣ человѣчества, вочеловѣчившееся Слово Божіе понесло на Себѣ за человѣчество всѣ послѣдствія нравственной порчи—униженія и страданія и самую позорную, мучительную смерть, какъ послѣднюю кару проклятія Божія за грѣхи человѣчества. Но непричастная грѣху и соединенная съ Божествомъ плоть Богочеловѣка не могла остаться достояніемъ смерти: силою Божества своего, Богочеловѣкъ Искупитель воскресилъ изъ мертвыхъ Свою плоть въ обновленномъ и преображенномъ видѣ нетлѣнія и безсмертія—подобномъ тому, какъ она была прежде до паденія человѣка. Такимъ образомъ положенъ началъ къ возстановленію и преображенію въ нетлѣніе и безсмертіе падшей, растлившейся грѣхомъ, и сдѣлавшейся смертною чрезъ грѣхъ, природы человѣческой. Искупленная и возстановленная въ первобытное совершенство природа человѣческая опять и еще несравненно въ высшей степени сдѣлалась

причастницею совершеннѣйшаго свѣта и блаженства,—въ лицѣ Богочеловѣка вознесена на небо и сѣдитъ одесную Бога Отца. Такимъ образомъ возстановленъ и возвышенъ когда-то нарушенный человѣкомъ тѣснѣйшій и глубочайшій союзъ духа человѣческаго съ Его Первообразомъ, Богомъ—Первоисточникомъ совершеннѣйшей истины, высочайшаго блага и блаженства.

Вотъ великій догматъ искупленія, разрѣшающій человѣку глубочайшую и важнѣйшую тайну его жизни, и открывающій свѣтлый исходъ глубочайшимъ задушевнымъ чаяніямъ и стремленіямъ человѣческой природы! Здѣсь все сверхъестественно и таинственно: — какъ Божество соединилось съ человѣчествомъ, какъ непричастное грѣху могло подвергнуться всей тяжести послѣдствій грѣха, какъ подвергшееся смерти можетъ воскреснуть безсмертнымъ, какъ Божество сошло на землю, какъ человѣчество вознеслось на небо, — этихъ тайнъ никакъ нельзя приблизить къ разумѣнію человѣческому, потому что самый предметъ ихъ, какъ долженъ видѣть самъ человѣкъ, выходитъ за предѣлы того познанія и самаго бытія, въ которомъ вращается умъ человѣческій, — потому что эти вопросы касаются не только сокровеннѣйшихъ тайнъ природы и жизни человѣческой, но и совершенно недоступныхъ никакому ограниченному вѣдѣнію тайнъ природы и жизни Божественной. Да и какъ же мы могли бы желать совершенно понятнаго объясненія тому, что и по свидѣтельству собственнаго сознанія человѣческаго и напряженнѣйшихъ вѣковыхъ опытовъ, предпринимавшихся человѣческимъ умомъ для разъясненія этого вопроса, составляетъ неразрѣшимую тайну? Какъ жизнь человѣческая уклонилась отъ своего назначенія — отъ своего нормальнаго идеальнаго состоянія, и какъ она опять можетъ возвратиться къ своему назначенію — къ своему нормальному идеальному состоянію, — на это, какъ мы уже видѣли, и самый умъ человѣческій искренно и добросовѣстно можетъ отвѣчать не иначе, какъ такимъ образомъ: «что жизнь человѣческая уклонилась отъ своей нормы, это несомнѣнно доказываетъ ея

дѣйствительность;—что она должна возвратиться къ своей нормѣ. этого требуетъ и чаетъ моя природа (отъ требованій и чаяній которой я не могу отказаться);—но первое могло совершиться. и послѣднее можетъ совершиться, только какимъ-либо необычайнымъ для меня, сверхъестественнымъ способомъ, т. е. такимъ, которому подобнаго я не знаю и не могу даже себѣ представить при настоящихъ условіяхъ своей жизни, которыми я связанъ, и внѣ которыхъ ничего не могу знать и представлять себѣ...»

По ученію божественнаго откровенія, само Божество приходитъ на помощь спасенію человѣка изъ его ненормальнаго состоянія: это тайна, это сверхъестественный способъ спасенія, но по крайней мѣрѣ не неестественный, непротивоестественный, т. е. нисколько не противный нашимъ представленіямъ о природѣ Божеской и человѣческой, но совершенно согласный съ понятіемъ о Божественной мудрости и любви, и съ глубочайшими потребностями и стремленіями самой человѣческой природы. А вотъ это было бы по истинѣ неестественно и противоестественно, противно всѣмъ законамъ мысли и жизни, еслибы кто сталъ увѣрять насъ, что ненормальное состояніе человѣческой жизни само собою измѣнится въ нормальное, изъ отрицанія идеала выйдетъ идеалъ, изъ тьмы свѣтъ, изъ зла добро, изъ заблужденій истина, изъ страданій счастье. Нѣтъ,—рай, обѣщаемый человѣку и уготованный для него Богомъ на небѣ, хотя несомнѣнно есть предметъ сердечной вѣры, а не умственной увѣренности, однакожъ и для самаго ума человѣческаго имѣетъ гораздо болѣе условій вѣроятности, нежели рай, обѣщаемый человѣку иными утѣшителями человѣчества на землѣ, и имѣющій будто бы устроиться земными же, человѣческими, а не райскими чьими-либо руками!...

Но и въ божественномъ откровеніи спасеніе обѣщается человѣку Богомъ не безъ участія собственной свободы человѣка. Само Божественное Откровеніе, согласно съ свидѣтельствомъ сознанія человѣческаго, признаетъ свободу человѣка фактомъ до того положительнымъ и непоколебимымъ, что считаетъ ее

такъ сказать неприкосновенною для самой всемогущей воли Божіей. Богъ, однажды даровавъ человѣку свободу, не можетъ опять отнять ее у него. Богъ Самъ не можетъ направить отъ зла къ добру и спасти человѣка противъ его собственной воли. Это совершенно согласно съ убѣжденіемъ самого человѣка. Впрочемъ въ дѣлѣ спасенія со стороны человѣка не требуется какихъ-либо необычайныхъ и непосильныхъ для него подвиговъ; а требуется именно то, чего требуетъ сама человѣческая природа и ея настоящее состояніе, требуется, чтобы человѣкъ глубже вникнулъ въ себя самого и свою жизнь,—глубже сознялъ ея нормальное состояніе, сознялъ съ сокрушеніемъ сердца, какъ того требуетъ самое дѣло, живѣе почувствовалъ стремленіе выйдти изъ этого ненормальнаго состоянія, призналъ недостаточность собственныхъ силъ къ этому выходу, и живѣе поэтому почувствовалъ потребность благодатной божественной помощи ко спасенію. Какъ все это чудно естественно, какъ все это согласно съ потребностями и указаніями самой природы человѣку! Какъ удивительно, что умъ человѣческій измышлялъ человѣку множество самыхъ извилистыхъ и невѣрныхъ путей къ выходу изъ нормальнаго состоянія, и не могъ остановиться на этомъ прямомъ и вѣрнѣйшемъ пути (хотя иногда—такъ сказать—и подходилъ къ нему). Но поэтому-то и говорится, что умъ человѣческій находится, какъ и вся человѣческая природа, въ извращенномъ состояніи. Поэтому-то и называется въ откровеніи божественномъ самое начало спасенія—вѣра—сверхъестественнымъ благодатнымъ Божіимъ даромъ, хотя она въ то же время есть самое естественное проявленіе природы человѣческой. Поэтому-то и называется иго Божіе, т. е. обязанность человѣка заботиться о собственномъ спасеніи—игомъ тяжкимъ (для извращенной природы человѣка) и въ то же время—благимъ и легкимъ, т. е. дѣломъ самымъ сроднымъ человѣческой природѣ.

Чѣмъ болѣе человѣкъ старается жить и живетъ какъ свойственно человѣку, тѣмъ болѣе развита въ немъ потребность и сила самосознанія, тѣмъ глубже онъ вникаетъ въ свою при-

роду и въ свою жизнь, тѣмъ яснѣе сознаетъ ненормальное состояніе свое, тѣмъ живѣе чувствуетъ потребность и стремленіе выйдти изъ ненормальнаго состоянія и недостаточность собственныхъ силъ для этого, тѣмъ живѣе чувствуетъ потребность въ благодатной Божіей помощи ко спасенію, тѣмъ сильнѣе вѣруетъ въ сверхъестественную благодатную помощь, тѣмъ искреннѣе старается слѣдовать указаніямъ вѣры и осуществлять въ своей жизни ея высочайшіе идеалы. Вотъ для человѣка прямой и естественный путь ко спасенію! Не нужно при этомъ забывать, что ни въ одинъ моментъ на этомъ пути не оставляетъ человѣка безъ руководства и пособія благодатная сила Божія; ею начинается, продолжается и оканчивается дѣло спасенія. Чѣмъ болѣе прибѣгаетъ человѣкъ къ помощи Божіей, тѣмъ болѣе помогаетъ ему Богъ, — чѣмъ искреннѣе и крѣпче вѣруетъ въ спасающую силу Божію, тѣмъ яснѣе открываются плоды и свидѣтельство его вѣры въ его собственной жизни. При искреннемъ и твердомъ стремленіи къ спасенію, при пособіи благодатной силы Божіей, человѣку, даже и при настоящихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни, дается въ извѣстной степени чувствовать постепенное освобожденіе отъ этихъ ненормальныхъ условій, и возвращеніе къ первобытному нормальному состоянію. Высокіе подвижники вѣры и благочестія христіанскаго, даже въ настоящей жизни, среди окружающей ихъ тьмы заблужденій и предразсудковъ, страстей и пороковъ, ненависти и неправды, духовнаго безсилія и рабства, страданія и ропота—благодатію Божіею возвышаются до невообразимой для другихъ людей высоты чистаго духовнаго разумѣнія, нравственнаго совершенства, внутренней свободы духа, господства надъ требованіями чувственности и условіями самой внѣшней природы, безмятежнаго внутренняго міра и блаженства, не возмущаемаго тяжкими внѣшними лишеніями и страданіями.

Впрочемъ сама божественная Сила не обѣщаетъ человѣку чуда совершенно противнаго законамъ природы и нравственной жизни,—не обѣщаетъ человѣку идеальнаго состоянія при неидеальныхъ условіяхъ жизни,—не обѣщаетъ рая на землѣ и

полнаго совершенства въ настоящей жизни; ибо нѣтъ здѣсь условій для этого. По ученію христіанскому, какъ бы ни былъ нравственно-высокъ, святъ и совершенъ человѣкъ, пока онъ носитъ плоть, пока онъ живетъ въ настоящей жизни, онъ не можетъ быть совершенно свободенъ отъ условій поврежденной природы,—онъ можетъ и заблуждаться, и падать нравственно, и уступать своей чувственности, и изнемогать подъ тяжестью болѣзней и страданій, и впадать въ малодушіе и ропотъ. Какое вѣрное пониманіе человѣческой природы! Насколько оно выше той безсильно-гордой и малодушно-дерзкой философіи, которая почти безъ усилій и подвига обѣщаетъ человѣку такую степень совершенства, при которой будто даже невозможно дѣлается нравственное паденіе, или которая обѣщаетъ человѣчеству изъ заблужденій создать истину, изъ борьбы страстей нравственное совершенство, на страданіяхъ людей основать счастіе человѣчества, на землѣ устроить небо! Смерть, по ученію откровенія, или вообще измѣненіе человѣческой природы и жизни, есть необходимый и неизбѣжный для человѣческой природы конецъ земнаго существованія, — съ одной стороны естественное слѣдствіе нравственной порчи человѣчества—грѣха, сдѣлавшаго нетлѣнную и безсмертную природу тлѣнною и смертною,—съ другой стороны начало новой жизни при совершенно другихъ условіяхъ, гдѣ опять тлѣнное преобразится въ нетлѣнное и мертвенное въ безсмертіе. Смертію разрѣшаются всѣ противорѣчія жизни, и вся эта борьба между идеаломъ и отрицаніемъ идеала, между истиной и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, любовью и ненавистью, счастіемъ и несчастіемъ. А тамъ начинается на одной сторонѣ жизнь безконечная, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, гдѣ нѣтъ ни заблужденія, ни порока, ни злобы, гдѣ безмятежно царствуютъ чистая истина, добро, правда, любовь, миръ, блаженство,—чего въ настоящемъ состояніи человѣкъ и представить себѣ не можетъ, чего око наше не видѣло, и ухо не слышало, и сердце наше предчувствовать не можетъ... А съ другой стороны—смерть безконечная, гдѣ нѣтъ ни луча свѣ-

та, истины, добра, правды, счастія, гдѣ вѣчный мракъ, закоснѣлая ложь, нераскаянная злоба, безконечное страданіе, неумолкающій ропотъ и хула. Такая или другая участь человѣка въ вѣчной жизни зависитъ отъ его настоящей жизни—отъ того, насколько человѣкъ, находясь въ условіяхъ земной жизни, съумѣетъ, при помощи Божіей, сохранить и развить въ себѣ способность къ воспріятію блаженства—къ наслажденію истиною, добромъ и счастіемъ. Кто что посѣетъ здѣсь, тотъ то и пожнетъ тамъ. Чѣмъ болѣе кто научится вѣровать въ истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, и будетъ любить ихъ въ настоящей жизни, тѣмъ болѣе тотъ будетъ наслаждаться общеніемъ съ ними въ вѣчности. Чѣмъ болѣе у кого заглохнетъ и загрубѣетъ въ душѣ вѣра въ высшій идеалъ и самое чувство истины, добра, правды, мира и любви,—тѣмъ болѣе тотъ будетъ коснѣть и мучиться въ своей лжи, безнравственности, злобѣ и хулѣ въ жизни вѣчной.

* * *

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ и слабою рукою начертанное христіанское воззрѣніе на человѣческую жизнь. Здѣсь разрѣшаются всѣ тѣ важнѣйшіе вопросы человѣческой души, которые сотавляютъ вѣчный предметъ недоразумѣній и противорѣчій для ума человѣческаго. Здѣсь нѣтъ противорѣчія дѣйствительности,—лжи и клеветы на жизнь. Здѣсь нѣтъ ни фальшивой лести предъ жизнію, ни дерзкой хулы на жизнь, какія встрѣчаются въ другихъ системахъ, въ другихъ воззрѣніяхъ. Здѣсь самое вѣрное указаніе прямаго и глубокаго, хотя и не безусловно идеальнаго смысла жизни. Земная жизнь человѣческая, по христіанскому воззрѣнію, есть временное странствованіе души, уклонившейся отъ своего назначенія, и опять ищущей его. Жизнь есть кратковременный путь къ вѣчной цѣли существованія. Жизнь есть приготовленіе къ вѣчности,—жизнь есть школа, въ которой мы, подъ руководствомъ Божественнаго Промысла, научаемся любить истину, добродѣтель,

справедливость, миръ и любовь, чтобъ умѣть наслаждаться ими въ вѣчности. Такъ, или почти такъ, говорили христіанскіе мудрецы, великіе подвижники свѣтлой богопросвѣщенной мысли и высокой благодатной жизни. Усвойте это воззрѣніе умомъ и сердцемъ, сдѣлайте его руководительнымъ началомъ своей жизни,—и вы будете имѣть свѣтъ и опору въ жизни,—и васъ не смутятъ никакія противорѣчія жизни—и вы будете тверды и непоколебимы не только предъ испытаніями и тяжестями жизни, но и предъ самымъ страхомъ смерти.

Смотрите на жизнь, какъ на временное странствованіе, или какъ на школу, въ которой нужно готовиться къ вѣчности. Не полагайте въ ней послѣдней цѣли своего существованія, не ищите здѣсь своего высшаго идеала, не ожидайте полнаго осуществленія своимъ желаніямъ и стремленіямъ,—чтобы, привязавшись къ временному, не забыть о вѣчномъ назначеніи своемъ. Иначе вы и перваго не достигнете, и другое потеряете. Иначе сама жизнь разобьетъ ваши идеалы, отравитъ ваши надежды, и вы потеряете вкусъ и наслажденіе даже въ тѣхъ дарахъ жизни, какіе онъ дастъ вамъ. Но и не относитесь къ жизни съ легкомысленною неблагодарностью или мрачнымъ отрицаніемъ. Не унижайте цѣну жизни. Жизнь — великое сокровище, великій даръ Божій. Она кратковременна, удовольствія ея неполны; но трудомъ ея пріобрѣтается блаженная вѣчность со всѣми высочайшими наслажденіями. Всячески остерегайтесь хулы и ропота на жизнь. Никогда не позволяйте себѣ легкомысленно и дерзко называть ее—ни обманомъ, ни безсмыслицей, ни проклятьемъ или карою. Она бываетъ такою только для тѣхъ, которые сами дѣлаютъ ее для себя обманомъ, безсмыслицей или проклятьемъ и карой. Не требуйте отъ жизни слишкомъ многаго. Иначе то, что она дастъ на вашу долю, будетъ казаться вамъ слишкомъ малымъ. Не ищите здѣсь однихъ радостей, успѣховъ и наслажденій, но умѣйте быть благодарными за всякій даръ жизни, за всякую радость, за всякій успѣхъ свой, за всякій успѣхъ чужой, за всякое добро, сдѣланное вами, за всякое добро, сдѣланное другими. Не уны-

вайте и отъ самыхъ неудачъ, лишеній и испытаній жизни. Умѣющему пользоваться жизнью самыя неудачи и испытанія обращаются во благое. Какъ путникъ во время странствованія, умѣйте мириться со всѣми неудобствами и непріятностями пути, и радуйтесь и будьте благодарны за все пріятное, что встрѣтится вамъ—въ надеждѣ полнаго утѣшенія и успокоенія на постоянномъ пристанищѣ, по окончаніи странствованія.

Старайтесь постоянно имѣть въ виду существенную цѣль и задачу жизни. Старайтесь, при помощи Божіей, развивать и воспитывать въ себѣ тѣ благородныя склонности и стремленія своей природы, которыя обѣщаютъ вамъ блаженство въ будущемъ,—и подавлять и искоренять тѣ дурныя склонности и страсти, которыя могутъ быть источникомъ казни и мученія. Призывая Бога на помощь, учитесь любить истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобъ умѣть наслаждаться ими, когда настанетъ Царство истины, добра, правды, мира и любви. Жизнь вамъ хорошая школа; здѣсь на всякомъ мѣстѣ и во всякое время вы можете найти множество случаевъ и предметовъ къ упражненію въ истинѣ, добродѣтели, справедливости, человѣколюбіи. А пройдетъ жизнь, тамъ уже поздно будетъ учиться. Тамъ уже прійдется или наслаждаться въ общеніи съ Вѣчной истиной, добромъ и любовью, или вѣчно страдать въ удаленіи отъ нихъ, если не воспитаете въ себѣ способности къ общенію съ ними.

Дорожите временемъ, которое вамъ дано для выполненія вашей жизненной задачи. Не тратьте времени праздно, тѣмъ болѣе не тратьте его дурно. Каждый часъ въ жизни дорогъ, минута можетъ имѣть значеніе для вѣчности. Помните, что ни одна минута, праздно или дурно проведенная вами, не возвратится къ вамъ,—ни одна самомалѣйшая доля добра, сдѣланная вами, не пропадетъ даромъ. Долго ли, коротко ли продлится ваша жизнь, старайтесь больше сдѣлать добра. Помните, что вы работаете для себя, и ни одна доля вашего труда не останется безъ награды. Что посѣете, то и пожнете сторицею. Не унывайте, если и не видите желаемаго успѣха въ

добромъ дѣланіи, — не жалуйтесь на несправедливость, если видите, что ваши труды остаются не награжденными, ваши достоинства не оцѣниваются, добрыя стремленія не осуществляются, и даже сдѣланное вами добро какъ будто не приноситъ пользы ни вамъ, ни другимъ. На землѣ не ищите полной справедливости. Но будьте увѣрены въ Вѣчной справедливости, которая всему дастъ соотвѣтствующее возмездіе, у которой ни одинъ трудъ вашъ не останется безъ награды, ни одно доброе дѣло не будетъ безъ пользы.

Не унывайте, если случится и ослабѣть, поколебаться въ жизненномъ подвигѣ, забыться, упасть нравственно. Жизнь скользкій путь, искушеній въ ней много, силы наши слабы. Если случится забыться и упасть, спѣшите опомниться скорѣе, раскаяться, подняться, и при помощи Божіей—опять за трудъ съ большимъ усердіемъ. Но всего болѣе опасайтесь дойти до тупаго равнодушія къ своему жизненному подвигу, къ нравственнымъ успѣхамъ и паденіямъ,—или до отчаянія въ своей способности на доброе и полезное дѣло. Помните, что какъ бы ни случилось человѣку огрубѣть и пасть нравственно, пока онъ живъ, для него есть всегда возможность исправленія и возвращенія на добрый путь—при помощи Божіей.

Въ равной степени опасайтесь и самообольщенія; не надѣйтесь много на свои силы и на свои успѣхи въ нравственной жизни. Самообольщеніе—опаснѣйшій врагъ нравственной жизни; отъ него очень близкій переходъ или къ самодовольству и нравственному отупѣнію или къ разочарованію, унынію и отчаянію. Постоянно старайтесь наблюдать за собою, повѣрять свои силы, свои дѣла, свои внутреннія побужденія и стремленія. Всего же болѣе помните, что человѣкъ самъ по себѣ, съ однимъ своимъ умомъ и съ одними своими силами, не можетъ ни выполнить своей жизненной задачи, ни даже уразумѣть ее. Обращайтесь къ свѣту вѣры, чтобы прояснить для себя смыслъ и задачу жизни; молите Бога о помощи, чтобы Онъ сохранилъ, направилъ и укрѣпилъ васъ на жизненномъ пути.

Съ Богомъ, други, съ Богомъ на жизненный путь! Безъ Бога путь жизни теменъ, жестокъ, скользокъ, пустъ, безмысленъ, безпокоенъ, безотраденъ. Съ Богомъ онъ свѣтелъ, миренъ, твердъ, вѣренъ, — полонъ глубокаго смысла, силы, надежды, отрады.—„Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже пойду“, взываетъ человѣкъ, облегаемый мракомъ жизни.—„Азъ есмь путь, истина и животъ“, говоритъ Господь, принесшій свѣтъ небесный во тьмѣ и сѣни смертной сѣдящимъ.

22-го іюля 1867 года.

VI.

Нравственныя свойства истиннаго образованія.

Вотъ вы окончили курсъ образованія, и вступаете въ жизнь самостоятельную, какъ люди, уже достаточно подготовленные къ общественной дѣятельности. Удовлетворяетесь или не удовлетворяетесь вы своимъ образованіемъ,—это дѣло ваше. У кого есть на то желаніе, силы и средства, тотъ можетъ продолжать образованіе въ другомъ учебномъ заведеніи, подъ руководствомъ другихъ наставниковъ, или — безъ наставниковъ при тѣхъ залогахъ знанія, которые пріобрѣтены въ училищѣ, при помощи книгъ, которыхъ теперь вездѣ много, и практической опытности, которую также вездѣ можно пріобрѣсть,— можете продолжать учиться и работать, сколько угодно. А у кого мало средствъ и охоты къ пріобрѣтенію новыхъ знаній, тѣмъ можно пожелать, чтобы они по крайней мѣрѣ старались не забывать знаній полученныхъ въ школѣ. и, главное, умѣли пользоваться ими, какъ можно лучше въ жизни. Во всякомъ случаѣ завершаемымъ теперь трудомъ школьнаго ученія—трудомъ не очень кратковременнымъ, но и не слишкомъ долговременнымъ, не очень легкимъ, но и не слишкомъ тяжелымъ. вы пріобрѣли себѣ то преимущество. что васъ въ обществѣ будутъ считать и принимать, какъ людей образованныхъ,—преимущество, которымъ не пользуются доселѣ многіе и многіе милліоны людей, изъ которыхъ вѣроятно очень не мало нашлось бы такихъ, которые при тѣхъ средствахъ, какими поль-

зовались вы, учились и выучились бы не хуже васъ. Но всякое *преимущество непремѣнно обязываетъ къ чему нибудь*: это мнѣніе сдѣлалось общепризнаннымъ между образованными людьми. На всѣ высокія жизненныя преимущества—на счастливые природные таланты, на благородное происхожденіе, на знатное положеніе и большое вліяніе въ обществѣ, на богатое матеріальное состояніе — люди серьезные должны смотрѣть не столько со стороны выгодъ и удовольствій, доставляемыхъ этими преимуществами, сколько со стороны нравственныхъ обязанностей, налагаемыхъ ими.

Какія обязанности возлагаетъ на насъ преимущество ума, знанія, образованности? Тѣмъ, которые въ Словѣ Божіемъ имѣютъ обыкновеніе искать разрѣшенія вопросамъ жизни и совѣсти, прекрасный отвѣтъ на заданный вопросъ можно указать въ словахъ апостола Іакова: *кто мудръ и разуменъ между вами, пусть покажетъ это на самомъ дѣлѣ доброю жизнію въ мудрой кротости* (Іакова гл. III, ст. 13). Вотъ отвѣтъ, вполнѣ согласный съ дѣйствительностію дѣла и съ убѣжденіемъ здраваго человѣческаго смысла. У кого умъ развитъ болѣе другихъ, тотъ долженъ показывать свой умъ на дѣлѣ, оправдывать истинную мудрость доброю жизнію. Одни теоретическія знанія, одно умственное образованіе безъ отношенія къ жизни, мало цѣнятся самымъ простымъ, здравымъ человѣческимъ смысломъ. Здравый смыслъ не можетъ объяснить себѣ, какимъ образомъ можно быть умнымъ человѣкомъ и не дѣлать умныхъ дѣлъ, или еще болѣе—дѣлать неумныя дѣла,—какимъ образомъ можно быть человѣкомъ просвѣщеннымъ и въ то же время мелочнымъ, пустымъ, низкимъ, безнравственнымъ, злымъ. Здравый человѣческій смыслъ мало вѣритъ въ истинное достоинство такого ума, такого образованія, которое не приноситъ пользы, не дѣлаетъ людей лучшими, напротивъ, какъ будто иногда дѣлаетъ ихъ еще худшими и приноситъ обществу разстройство и вредъ. Умъ въ человѣкѣ не существуетъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ другихъ жизненныхъ силъ; онъ находится и дѣйствуетъ въ непосредственной органической связи со всѣ-

ми другими силами духовной природы человѣка. Поэтому если у человѣка умъ просвѣщенъ, его свѣтлость должна отражаться на всей жизни. *Свѣтильникъ тѣлу есть око. Если у человѣка око чисто, все тѣло его будетъ свѣтло; если же у него око худо, все тѣло его будетъ темно.* Свѣтильникъ душѣ есть умъ. Если умъ человѣка истинно просвѣщенъ, вся жизнь его должна быть свѣтла. Поэтому сказалъ Спаситель, просвѣщая учениковъ своихъ свѣтомъ Своего ученія: *такъ да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла....*

Вотъ существенная обязанность, лежащая на каждомъ образованномъ человѣкѣ. Если хочете считаться и быть людьми истинно просвѣщенными,—будьте добрыми людьми. Тогда ваше умственное образованіе не будетъ для васъ и для другихъ пустымъ блескомъ, внѣшнею привиллегіею, непроизводительною массою безжизненныхъ свѣдѣній, но будетъ живою и плодотворною силою, разливающею свѣтъ на всю жизнь и приносящею добрые плоды вамъ самимъ и другимъ чрезъ васъ. Тогда, смотря на васъ, никто не прійдетъ къ той странной мысли, къ сожалѣнію однакожъ нерѣдко внушаемой людямъ простымъ, мало-образованнымъ—превратно-образованными людьми, будто образованіе можетъ когда-либо портить людей и приносить вредъ обществу. Напротивъ, всякій, уважая васъ, будетъ относиться съ уваженіемъ и къ тому образованію, которое есть у васъ.

Какими же нравственными качествами можно пріобрѣсти себѣ достоинство человѣка истинно просвѣщеннаго—просвѣщеннаго не въ узкомъ теоретическомъ смыслѣ по уму одному, а въ полномъ и широкомъ жизненномъ смыслѣ?

Апостолъ, показавшій намъ, что истинная мудрость непремѣнно должна имѣть отношеніе къ жизни, указываетъ и самыя качества, какими она въ ней должна проявляться. *Мудрость*, говоритъ онъ, *прежде всего чиста, потомъ мирна, скромна, благопокорлива, исполнена милости и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна.* (Іак. III, ст. 17.) Вникните въ

себя: есть ли въ васъ эти качества,и судите поэтому, можете ли вы назваться людьми истинно просвѣщенными, или нѣтъ?

Мудрость прежде всего чиста.... У человѣка разумнаго—истинно просвѣщеннаго, вся жизнь должна быть чиста и свѣтла. Онъ долженъ всячески стараться очистить, освободить умъ свой отъ темныхъ предразсудковъ и неосмысленныхъ предубѣжденій, сердце отъ нечистыхъ страстей и недостойныхъ влеченій, воображеніе отъ нездоровыхъ и ненравственныхъ представленій, рѣчь отъ пустыхъ и гнилыхъ словъ, жизнь отъ темныхъ и недостойныхъ дѣлъ. Его дѣйствія должны быть чисты какъ по своимъ побужденіямъ и цѣлямъ, такъ и по самымъ способамъ и средствамъ выполненія. Ибо это—ложное и безнравственное ученіе, что человѣкъ долженъ только заботиться о чистотѣ главнѣйшихъ цѣлей своей жизни, а средства для выполненія ихъ можетъ избирать нечистыя и ненравственныя. У человѣка истинно чистаго все должно быть чисто. Во всей его природѣ и жизни, какъ въ чистомъ зеркалѣ, долженъ свѣтло отражаться высшій идеалъ человѣческаго достоинства—образъ Божій.

Мудрость должна быть мирна. Человѣкъ истинно разумный и просвѣщенный долженъ носить глубокій миръ въ своей душѣ и проявлять его во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Ему несвойственно раздражаться самому, ни показывать раздраженія къ другимъ, ибо ему должны быть хорошо извѣстны причины и смыслъ явленій жизни и поступковъ человѣческихъ хорошихъ и худыхъ, и потому ничто не должно особенно поражать его своею неожиданностью и выводить изъ нормальнаго состоянія. Онъ долженъ знать, что раздраженіе всегда бываетъ склонно къ несправедливостямъ и всякому дѣлу разумному скорѣе можетъ повредить, нежели принести пользу. Поэтому у человѣка истинно разумнаго кроткое, спокойное и благодушное состояніе духа должно отражаться во всемъ—въ сужденіяхъ, словахъ и поступкахъ, въ устроеніи его собственной жизни и въ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, въ спокойной и справедливой оцѣнкѣ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ

обстоятельствъ, достоинствъ и недостатковъ человѣческихъ, въ благодарномъ, мирномъ и незаносчивомъ наслажденіи счастіемъ, и въ кроткомъ, покорномъ и независтливомъ перенесеніи нужды и горя. Такой человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ источникъ внутренняго довольства, покоя и счастія, и другимъ съ нимъ и около него бываетъ свѣтло, покойно, хорошо.

Истинная мудрость должна скромна. Самолюбіе, тщеславіе, гордое превозношеніе предъ другими, или грубое пренебреженіе къ другимъ, несвойственны истинно разумному и просвѣщенному человѣку. Ему не зачѣмъ много говорить о своихъ достоинствахъ, когда самыя дѣла могутъ свидѣтельствовать о нихъ лучше словъ; ему нечего выказывать своихъ преимуществъ предъ другими, когда нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ томъ, чтобы другіе могли не признать ихъ. Истинно разумный и просвѣщенный человѣкъ не можетъ не понять, что если у него и есть какія-нибудь достоинства, то они даны ему совсѣмъ не для того, чтобы ими оскорблять и унижать другихъ, а для того конечно, чтобы приносить пользу другимъ, что эти достоинства въ собственномъ смыслѣ не есть его собственная заслуга, а даръ Божій и слѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ поставленъ сравнительно съ другими,—что поэтому изъ своего превосходства предъ другими онъ долженъ дѣлать не предметъ превозношенія, а нравственную обязанность по отношенію къ другимъ. Человѣкъ, превосходящій другихъ своими достоинствами, долженъ по преимуществу и употреблять эти достоинства на служеніе другимъ. *Кто хочетъ быть между вами большимъ или первымъ, пусть будетъ всѣмъ слуга.* Это самое высокое и нравственное достоинство человѣка!

Истинная мудрость должна быть благопокорлива. Условія человѣческой жизни, взаимное благо людей, разумныя цѣли человѣческаго общежитія налагаютъ на каждаго изъ людей извѣстные законы и требованія, поставляютъ каждаго въ извѣстный порядокъ обязательныхъ и зависимыхъ отношеній къ другимъ людямъ. Человѣкъ разумный и просвѣщенный долженъ

понимать смыслъ и цѣль, разумность и пользу этихъ законовъ, требованій и отношеній, и потому не можетъ по убѣжденію и совѣсти не подчиняться имъ. Разумѣется, не всякому отношенію произвольному, хотя бы оно было и противъ совѣсти и убѣжденія, мы должны подчиняться. Слово Божіе требуетъ отъ насъ не просто рабской, безсмысленной покорности, но сознательной и свободной *благопокорливости*. Человѣкъ разумный и просвѣщенный долженъ тщательно соображать значеніе и смыслъ требованій и отношеній, въ которыхъ онъ поставленъ, и умѣть предпочитать низшія высшимъ, частныя общимъ, случайныя необходимымъ, *и всякому воздавать должное—кому урокъ, кому данъ, кому страхъ, кому честь* (Рим. XIII, 7).

Истинная мудрость должна быть исполнена милости и добрыхъ плодовъ. Вотъ высшее свойство и свидѣтельство мудрости! Человѣкъ истинно разумный и просвѣщенный не долженъ довольствоваться только тѣмъ, чтобы благопокорливо подчиняться и слѣдовать предписываемому закономъ, долгомъ, требованіями общежитія. Для того, чтобы подчиняться предписанному, не требуется еще особенной мудрости. У человѣка истинно просвѣщеннаго жизнь должна быть исполнена дѣятельною любовію къ людямъ и добрыми дѣлами. Онъ долженъ искренно любить людей безъ различія происхожденія, званій, состояній и другихъ условій жизни. Относясь съ особенною любовью къ тѣмъ, кого сама природа и жизнь поставили въ особенныя ближайшія отношенія къ нему, онъ не долженъ оставаться безучастнымъ и равнодушнымъ и ко всѣмъ другимъ людямъ, самымъ далекимъ отъ него. Онъ долженъ любить, по завѣщанію Спасителя, даже и людей враждебно относящихся къ нему. Истинная же любовь неразлучна съ довѣріемъ и уваженіемъ къ тѣмъ, кого мы любимъ. Поэтому человѣкъ истинно просвѣщенный долженъ относиться съ глубокимъ довѣріемъ и уваженіемъ къ истиннымъ достоинствамъ человѣческой природы, стараясь обращать вниманіе въ каждомъ человѣкѣ не на то, что въ немъ есть худшаго, а на то, что въ немъ есть лучшаго, свѣтлаго, достойнаго, сочувственнаго. А такъ какъ

въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ истинныхъ достоинствъ, несомнѣнно есть и слабости, недостатки, которыхъ нельзя не замѣчать, то Слово Божіе требуетъ отъ насъ не просто любви, но *милости*, снисхожденія, сострадавія другъ къ другу, такъ какъ всѣ мы нуждаемся во взаимномъ снисхожденіи и милости. Человѣкъ истинно разумный и просвѣщенный, знающій нравственныя слабости своихъ ближнихъ, не станетъ относиться къ нимъ съ высокомѣріемъ строгаго судьи, — ибо никто изъ насъ самъ не чуждъ слабостей, а будетъ жалѣть о нихъ, какъ жалѣетъ любящій другъ и братъ о болѣзняхъ любимаго друга и брата, всей душой желая ему выздоровленія, употребляя всѣ возможныя средства противъ его болѣзни, но не переставая его любить—и слабаго и больнаго. Такая любовь поистинѣ не можетъ оставаться *безъ добрыхъ плодовъ*. Когда мы искренно любимъ другъ друга, наша любовь свидѣтельствуется *не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною*, искреннимъ стремленіемъ помогать ближнимъ, (такъ какъ всѣ мы нуждаемся во взаимной помощи), дѣятельнымъ служеніемъ общему благу. Человѣкъ истинно разумный и просвѣщенный и истинно любящій своихъ ближнихъ, найдетъ средства дѣлать имъ добро, быть полезнымъ, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился, въ какія бы жизненныя условія ни былъ поставленъ. И въ этомъ состоитъ высшій идеалъ человѣческаго общежитія, если бы каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ старался сдѣлать добра другимъ, сколько возможно болѣе—если не самымъ дѣломъ, то добрымъ словомъ, разумнымъ совѣтомъ, теплымъ участіемъ, искреннимъ расположеніемъ, благодушнымъ сердечнымъ обращеніемъ съ другими и т. д. Въ общей суммѣ человѣческаго блага не только ни одно доброе дѣло, но и доброе слово, искреннее, проникнутое любовью движеніе души не пропадаетъ, не остается безъ плода.

Разумное, кроткое, мирное, благодушное, проникнутое любовью и благожеланіемъ отношеніе къ людямъ у человѣка истинно просвѣщеннаго не можетъ колебаться и измѣняться, сообразно съ перемѣною обстоятельствъ и различіемъ людскихъ

положеній. *Истинная мудрость*, заключаетъ апостолъ слово свое, *безпристрастна и нелицемѣрна*. Глубокая твердость, постоянство и искренность въ убѣжденіяхъ и правилахъ жизни должны быть плодомъ и свидѣтельствомъ истиннаго просвѣщенія. Человѣку разумному и просвѣщенному несвойственно въ однихъ случаяхъ говорить правду, въ другихъ неправду, къ однимъ относиться съ любовью и уваженіемъ, къ другимъ съ недоброжелательствомъ и пренебреженіемъ, предъ одними показывать себя скромнымъ, мягкимъ и кроткимъ, предъ другими высокомѣрнымъ, грубымъ и жестокимъ. Онъ ко всѣмъ долженъ относиться ровно и искренно, всякому долженъ быть расположенъ оказывать любовь и добро, со всѣми быть мягкимъ, кроткимъ и обходительнымъ безъ нарушенія справедливости, безъ униженія собственнаго нравственнаго достоинства,—во всѣхъ уважать и цѣнить лучшія стороны ихъ природы, всегда относиться съ радостью и уваженіемъ къ достоинствамъ другихъ, съ кротостью и снисхожденіемъ къ слабостямъ, съ твердостью и прямотою къ злу и неправдѣ.

Вотъ истинный идеалъ человѣческаго достоинства! Вотъ истинныя черты высокой—не теоретической только умственной, но практической, жизненной мудрости! Чистота ума и совѣсти, сердца, воображенія и всей жизни, мирное, кроткое и благодушное настроеніе духа, скромность въ сознаніи своихъ достоинствъ, разумная благопокорливость предъ законными требованіями и отношеніями жизни, истинная любовь и уваженіе, довѣріе и снисхожденіе къ людямъ, готовность всякому сдѣлать доброе дѣло, безпристрастная твердость, постоянство и искренность въ убѣжденіяхъ, правилахъ и поступкахъ жизни! Умѣйте болѣе и болѣе развивать и укрѣплять въ себѣ эти качества, и тогда вы будете имѣть право называться истинно разумными и просвѣщенными людьми, и ваша просвѣщенная жизнь и дѣятельность несомнѣнно принесутъ добрые плоды вамъ самимъ и чрезъ васъ другимъ людямъ.

24-го іюля 1869 года.

VII.

О нашихъ нравственныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ — къ семьѣ, обществу, товарищамъ по школѣ, начальникамъ, сослуживцамъ и подчиненнымъ, — къ своему народу и государству, — къ цѣлому человѣчеству и св. церкви.

Намъ иногда кажется, что многіе изъ людей живутъ исключительно для себя, и заботятся только о себѣ. Въ наши времена такое направленіе жизни признается даже нѣкоторыми за норму и идеалъ, будто бы человѣкъ и долженъ жить исключительно для себя, и эгоизмъ или самолюбіе составляетъ главное основаніе всякихъ человѣческихъ дѣйствій и расположеній, всякой личной и общественной нравственности. Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько такія понятія, взятыя въ ихъ грубомъ и крайнемъ видѣ, противорѣчатъ здравымъ началамъ истинной религіи и доброй нравственности, какъ они разумѣлись лучшею частію человѣчества въ продолженіе многихъ вѣковъ. Но, вникнувши серьезно въ дѣло, нельзя не обратить вниманія на то, въ какой мѣрѣ такія понятія не соотвѣтствуютъ самой человѣческой природѣ. Сама жизнь свидѣтельствуетъ, что человѣческая природа, въ какомъ бы состояніи грубости и нравственнаго упадка она ни находилась, никогда однакожъ не доходитъ до того, чтобы эгоизмъ сталъ въ

ней коренным и исключительным началомъ существованія (если только не разумѣть подъ эгоизмомъ чего-либо совершенно несоотвѣтствующаго обычному пониманію и употребленію этого слова). Истинныхъ, строгихъ, безусловно-послѣдовательныхъ себѣ эгоистовъ, т.-е. людей, всегда живущихъ для однихъ себя и заботящихся только о себѣ, нѣтъ въ человѣческой жизни точно такъ же, какъ нѣтъ и людей совершенно чуждыхъ всякаго эгоизма. Въ жизни мы видимъ, что какъ ни много между людьми самомнѣнія и самолюбія, гордости, зависти и злобы, однакоже каждый человѣкъ значительною частію своего существа живетъ и желаетъ жить не только въ себѣ и для себя, но и въ другихъ и для другихъ. И въ этой жизни для другихъ заключается не только непремѣнный долгъ, но и высшее счастіе, высшее благо для человѣческой природы. Поставьте человѣка въ самыя лучшія матеріальныя условія жизни, окружите его всевозможными средствами для удовлетворенія его личныхъ потребностей и даже прихотей,—но предоставьте ему пользоваться всѣмъ одному, отдѣлите его отъ общенія съ другими людьми,—и онъ будетъ несчастнѣе бѣднѣйшаго бѣдняка, принужденнаго дѣлить добытый тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба съ своею семьею или съ другими близкими людьми. Такъ всякій человѣкъ имѣетъ непреодолимое влеченіе къ общенію съ другими людьми. Законъ любви къ ближнему, въ совершеннѣйшей ясности и высотѣ представляемый намъ въ христіанскомъ ученіи, глубоко заложенъ въ самой человѣческой природѣ. И всякій изъ насъ, какъ ни суха, какъ ни жестка его натура, какъ ни много въ немъ самомнѣнія и самолюбія, непремѣнно имѣетъ у себя болѣе или менѣе тѣсный или широкій кругъ близкихъ по сердцу людей, которыхъ жизнь какъ бы сливается съ его собственной жизнью, которыхъ стремленія и интересы, чувства и расположенія, радости и горести близки ему, какъ свои родныя.

Для васъ, пока вы были въ школѣ, кругъ общихъ привязанностей и отношеній опредѣлялся главнымъ образомъ товарищескою средою. Сошлись вы въ школу изъ разныхъ сто-

ронъ, изъ разныхъ семействъ, совершенно незнакомые другъ съ другомъ, чуждые другъ другу по происхожденію, по семейной обстановкѣ и средствамъ къ жизни, по условіямъ первоначальнаго воспитанія. У каждаго изъ васъ были и остаются свои личныя особенности въ способностяхъ, направленіи, привычкахъ и характерѣ. Но вы прожили нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ въ одинаковой обстановкѣ, при одинаковыхъ условіяхъ воспитанія, многое вмѣстѣ видѣли и слышали, имѣли одинаковыя занятія и развлеченія, имѣли не мало общихъ радостей и огорченій. И эта жизнь вмѣстѣ сблизила васъ, сдѣлала изъ чужихъ родными,—такъ что каждый изъ васъ, не ограничиваясь кругомъ своихъ личныхъ склонностей и желаній, невольно привыкъ входить болѣе или менѣе въ общую жизнь товарищескаго кружка, увлекаться общими стремленіями и интересами. И вліяніе этого товарищескаго кружка на каждомъ изъ васъ болѣе или менѣе должно было отразиться въ самыхъ личныхъ понятіяхъ, наклонностяхъ, привычкахъ, стремленіяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ. Не мало иногда происходитъ вредныхъ послѣдствій отъ вліянія дурнаго товарищескаго кружка. Товарищескій кружокъ иногда является воспитателемъ лѣности, баловства, грубости, упрямства, и разныхъ дурныхъ наклонностей и привычекъ. Вліяніе дурныхъ товарищей развиваетъ на долгіе годы дурныя наклонности и привычки въ самыхъ хорошихъ натурахъ. При всемъ томъ однакожъ нельзя не признать того, какъ много и добраго даетъ каждому изъ насъ товарищескій кружокъ. Нельзя не признать, что въ каждомъ воспитательномъ заведеніи вліяніе товарищескаго кружка представляетъ такую великую нравственную силу, какую едва ли можетъ имѣть непосредственное вліяніе самыхъ учителей и воспитателей, и наукъ, содѣйствующихъ нравственному развитію юношества. Дѣло лицъ, руководящихъ воспитаніемъ, не пренебрегать этою силой, не возбуждать ее противъ себя, и не предоставлять ея развитія вліянію дурныхъ случайностей, но нравственно сблизившись съ нею, умѣть возбудить въ ней лучшія стремленія, дать ей наиболѣе пра-

вильное направленіе... Здѣсь въ товарищескомъ кружкѣ полагается для молодыхъ людей начало образованію характера, пріученію къ общественнымъ интересамъ и обязанностямъ, пріученію къ правильнымъ человѣческимъ отношеніямъ. И большею частію тотъ, кто бываетъ хорошимъ товарищемъ въ школѣ (хорошимъ не въ смыслѣ преимущественнаго участія въ школьныхъ шалостяхъ и продѣлкахъ, но въ смыслѣ добраго, нравственнаго вліянія на товарищей),—тотъ впослѣдствіи выходитъ и хорошимъ членомъ въ семьѣ, хорошимъ гражданиномъ въ обществѣ. Счастливы тѣ, которымъ приходится годы молодости и школьнаго образованія проводить въ хорошемъ товарищескомъ кружкѣ. Товарищеская связь, завязывающаяся между молодыми людьми въ годы школьнаго ученья, не прерывается за порогомъ школы, и добрымъ товарищамъ нелегко бываетъ, расходясь изъ школы по разнымъ путямъ жизни, разрывать ее даже по внѣшности. Это вѣроятно чувствуетъ въ настоящее время большая часть изъ васъ. Навѣрное многимъ изъ васъ нелегко разлучаться, быть можетъ навсегда, съ тѣми, съ кѣмъ пришлось нѣсколько лѣтъ жить и дѣлить вмѣстѣ труды, стремленія и интересы. И навѣрное во многихъ изъ васъ надолго останутся воспоминанія о лучшихъ товарищахъ и лучшихъ временахъ товарищескаго житья, вмѣстѣ съ воспоминаніями о лучшихъ стремленіяхъ молодости, объ общихъ трудахъ и интересахъ, радостяхъ и горестяхъ. И навѣрное тотъ изъ васъ, кому пошлетъ Господь лучшую долю въ жизни, хорошее положеніе въ обществѣ, богатыя матеріальныя средства, не отнесется съ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ къ своему прежнему школьному товарищу, не оставитъ его въ нуждѣ, не откажетъ ему, когда представится случай, въ посильной помощи и услугѣ... Да хранится въ благородныхъ душахъ завѣтъ добраго товарищества на многія лѣта!...

Въ настоящее время двери школы закрываются для васъ, и вашъ товарищескій кружокъ расходится въ разныя стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываются предъ вами съ большею ясностью и обязательностью другія жизненныя связи и отношенія,

еще болѣе важныя и серьезныя, чѣмъ связи и отношенія школьныя. О значеніи этихъ связей и отношеній, по крайней мѣрѣ самыхъ важныхъ между ними, я и хочу сказать вамъ нѣсколько словъ въ своей прощальной бесѣдѣ съ вами.

* * *

Самую первую среду, въ которой зарождаются и развиваются для каждаго изъ насъ первыя человѣческія связи и отношенія, представляетъ каждому родной семейный кругъ. Въ семьѣ мы получаемъ жизнь; въ семьѣ проводимъ первые годы жизни; школа на время разлучаетъ насъ съ семьею, но не прерываетъ нашихъ нравственныхъ связей съ нею, и по выходѣ изъ школы мы вновь возвращаемся въ родной семейный кругъ (насколько у кого онъ сохранился) съ живыми ощущеніями любви и радости. Великое значеніе имѣетъ семья для развитія человѣческой личности, и счастливъ тотъ, кому пришлось родиться и воспитаться въ хорошей семьѣ, Здѣсь впервые слагается физическая и нравственная личность человѣка; здѣсь получаетъ человѣкъ первыя впечатлѣнія бытія; здѣсь онъ научается мыслить, любить, терпѣть, сочувствовать и сострадать другимъ и дѣлить съ другими свои мысли и чувства, понимать святость важнѣйшихъ жизненныхъ отношеній, правъ и обязанностей, узнавать темную и свѣтлую сторону жизни, радость и горе, счастье и нужду. Поэтому-то семья справедливо считается основаніемъ и первымъ питомникомъ человѣческаго общежитія, коренною опорою и охраною нравственныхъ началъ человѣческой жизни; и семейныя отношенія—отношенія отца, матери и дѣтей, брата и сестры представляются высшимъ образцомъ чистоты, нѣжности, горячности, безкорыстія и благородства, какія только возможны въ отношеніяхъ людей между собою. Самъ Господь выражаетъ высшую степень безконечной любви своей къ намъ въ томъ, что называетъ Себя нашимъ Отцомъ, и желаетъ, чтобы мы чувствовали себя предъ Нимъ, и обращались къ Нему, какъ Его дѣти (Іоан. 1. 12.

Матѳ. XI, 9; Галат. 4—7). Самая высочайшая тайна упостасныхъ отношеній Божественной Троицы на доступномъ разумѣнію человѣческому языкѣ выражается въ высокихъ и священныхъ для человѣка наименованіяхъ семейныхъ отношеній, въ наименованіяхъ Отца и Сына. Поэтому святы и дороги должны быть для насъ семейныя отношенія, и всякій изъ насъ со всею искренностію долженъ исполнять свои обязанности по отношенію къ родной семьѣ.

Семейныя отношенія и обязанности предписываются людямъ самою природой, т.-е. представляютъ самимъ Богомъ вложенную въ человѣческую природу естественную потребность и склонность, и потому они пользовались всегда высокимъ уваженіемъ и свято охранялись во всѣ времена, во всѣхъ странахъ и народахъ. Бываетъ иногда, что семейныя отношенія разслабляются въ извѣстномъ обществѣ, и даже отвергаются въ самомъ принципѣ. Такъ въ наше время въ нѣкоторыхъ кругахъ общественныхъ семейныя отношенія представляются значительно расшатанными,—начинаютъ даже распространяться ученія, угрожающія въ конецъ ниспровергнуть семью, какъ остатокъ невѣжественныхъ и рабскихъ отношеній прежняго времени. Но да сохранитъ Господь человѣчество отъ распространенія, и тѣмъ болѣе отъ осуществленія подобныхъ ученій, какъ отъ гибельной заразы. Нигдѣ и никогда разслабленіе и ниспроверженіе семьи не приводило и не могло привести къ доброму. Если семья по справедливости считается основаніемъ человѣческаго общежитія и охраною нравственныхъ началъ въ человѣческой жизни, то ниспроверженіе семьи естественно должно вести къ ниспроверженію самыхъ первыхъ условій общественной жизни, къ ниспроверженію закона, нравственности, и всякаго личнаго и общественнаго спокойствія и благосостоянія. Никакія образцовыя искусственныя формы устройства общественнаго и государственнаго, еслибы онѣ и были возможны безъ естественнаго союза семейнаго, не могутъ замѣнить для человѣчества семьи: потому что никакія искусственныя формы человѣческаго общежитія не могутъ дать намъ отца и

мать, брата и сестру. Ни въ какомъ свободно составляемомъ человѣческомъ союзѣ не можетъ быть такой нѣжности, горячности, чистоты и безкорыстія взаимныхъ отношеній, какъ въ создаваемомъ самою природой семейномъ союзѣ...

Правда, и семейный союзъ, какъ и все хорошее въ жизни человѣка, представляетъ не мало искаженій и злоупотребленій. И здѣсь нерѣдко мы встрѣчаемъ на мѣсто любви и нѣжности грубость, взаимную непріязнь и жестокость, на мѣсто искренности недовѣріе и лицемѣріе, на мѣсто чистоты и безкорыстія отношеній корыстные разсчеты другъ на друга и такъ-называемую эксплоатацію однихъ другими. Все это видѣть здѣсь тѣмъ болѣе грустно и возмутительно, чѣмъ выше и дороже для насъ идея семейнаго союза. Эти-то собственно искаженія и злоупотребленія въ семейномъ союзѣ и подаютъ поводъ инымъ возставать противъ него, порицать и отвергать его въ самомъ принципѣ. Но развѣ же разумно и справедливо изъ за частныхъ злоупотребленій, какъ бы возмутительны они ни были, отвергать самую идею семейнаго союза, идею, вложенную въ насъ природой, освященную вѣковымъ историческимъ опытомъ, подтвержденную ученіемъ здравой философіи и истинной религіи, и въ продолженіе многихъ вѣковъ служившую основаніемъ человѣческаго общежитія, залогомъ всего, что только было лучшаго и благороднѣйшаго во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Но такимъ образомъ все можно порицать и отрицать; ибо изъ всего хорошаго въ жизни человѣка, изъ религіи и нравственности, изъ науки и искусства, изъ разума и слова, изъ хлѣба и воды, воздуха и огня могутъ быть дѣлаемы, и на самомъ дѣлѣ дѣлаются злоупотребленія. И если даже въ такой области человѣческихъ отношеній, какъ семейный союзъ, гдѣ лучшія человѣческія чувства и расположенія другъ къ другу—любовь, нѣжность, искренность, взаимное довѣріе и уваженіе—внушаются и поддерживаются самою природой, основываются на кровномъ родствѣ,—если и здѣсь являются искаженія и злоупотребленія въ человѣческихъ отношеніяхъ—на мѣсто любви и нѣжности непріязнь и жестокость,

на мѣсто искренности и довѣрія ложь и обманъ, на мѣсто чистоты и благородства корыстные замыслы и дѣйствія другъ противъ друга:—то чего же можно ожидать, когда съ ниспроверженіемъ семейнаго союза у лучшихъ человѣческихъ чувствъ и расположеній была бы отнята ихъ естестественная гарантія, съ дурныхъ человѣческихъ инстинктовъ была бы снята узда, налагаемая самою природой, и устроеніе взаимныхъ человѣческихъ отношеній вполнѣ было бы предоставлено личному разсчету и произволу? Нельзя ли тогда было бы опасаться того, что любовь, нѣжность, искренность, взаимное довѣріе и уваженіе, безкорыстіе и благородство еще болѣе ослабѣютъ между людьми, и еще болѣе усилятся грубость, жестокость, взаимное пренебреженіе, вражда, недовѣріе, ложь, обманъ, притѣсненіе, грабительство и т. д?...

Великое нравственно-воспитательное значеніе семейнаго союза у всѣхъ предъ глазами. Какъ ни дурною, грубою и испорченною представляется намъ въ настоящее время, въ иныхъ слуучаяхъ, семья,—но все-таки по общему наблюденію гдѣ лучше воспитывается человѣческая личность, въ семьѣ или внѣ семьи? Какой человѣкъ лучше можетъ научиться любви, искренности, довѣрію, уваженію, снисхожденію—тотъ ли, который воспитывался въ родной семьѣ, съ отцомъ, матерью, братьями и сестрами, или тотъ, который съ дѣтства не зналъ семьи, и никого не называлъ отцомъ, матерью, братомъ, сестрою?..

Пусть же порицаютъ и отвергаютъ семью тѣ, которые не знали родной семьи; они могутъ это дѣлать по невѣдѣнію. Но у кого остались хоть какія-нибудь добрыя впечатлѣнія и вліянія отъ родной семьи, тотъ долженъ считать своимъ священнымъ долгомъ—содѣйствовать сколько возможно съ его стороны развитію, укрѣпленію, очищенію и усовершенствованію семейнаго начала, а не разслабленію и униженію его. Все самое хорошее въ жизни человѣческой можетъ подвергаться порчѣ, искаженію и злоупотребленію, но и самое испорченное при добромъ направленіи человѣческой воли можетъ постепенно исправляться, очищаться и совершенствоваться... Содѣйство-

вать укрѣпленію и очищенію семейнаго союза каждый изъ насъ можетъ по положенію своему прежде всего своимъ крѣпкимъ убѣжденіемъ въ его святости и неприкосновенности, твердымъ словомъ въ его защиту, когда приходится видѣть искаженіе или отверженіе семейныхъ началъ, и особенно своимъ примѣромъ—нравственнымъ исполненіемъ семейныхъ обязанностей, какія кому Богъ пошлетъ въ качествѣ сына, отца, мужа, брата и т. д....

Разнообразны положенія, которыя представитъ каждому изъ васъ семейная жизнь; разнообразны обязанности, которыя каждый долженъ будетъ принять по отношенію къ родной семьѣ. Иной въ семьѣ будетъ видѣть только утѣшеніе, любовь, спокойствіе, довольство; и ему самому нужно только стараться утѣшать семью своими хорошими качествами, добрымъ поведеніемъ, любовью къ семьѣ, честными трудами и успѣхами въ жизни. Другому, можетъ быть, кромѣ того прійдется взять на себя нужду и горе семьи быть опорою для престарѣлаго отца, или бѣдной вдовой матери, или руководителемъ младшаго брата и беззащитной сестры. Несите на себѣ эти обязанности по совѣсти и любви, безъ ропота и отягощенія, на сколько у кого будетъ силъ и возможности. Въ исполненіи этихъ обязанностей заключается не только священный долгъ природы, высокое требованіе христіанскаго закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокая отрада для человѣческаго сердца. Пріятно для насъ быть полезными тѣмъ, кого мы любимъ, съ кѣмъ связаны узами крови...

Всѣмъ же общій священный завѣтъ—старайтесь соблюдать въ семьѣ миръ и любовь, которые служатъ основаніемъ семейнаго счастія. Остерегайтесь болѣе всего быть вольною и невольною причиною разлада въ семьѣ... Въ наше время нерѣдко приходится слышать жалобы на семейный разладъ. Виновниками разлада всего болѣе называютъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, бывъ на долго разлучены съ семьей школою или службою, и потомъ опять возвратившись въ семью съ новыми понятіями, требованіями и привычками, рѣзкимъ заявленіемъ ихъ

нарушаютъ понятія, требованія и привычки старшихъ членовъ семьи. Не беремся судить о томъ, въ какой мѣрѣ справедливы бываютъ эти жалобы, и какую сторону нужно болѣе винить въ томъ или другомъ случаѣ разлада семейнаго. Но не можемъ не замѣтить, что съ какой бы стороны онъ ни начинался, и кто бы ни былъ болѣе виновенъ въ немъ—старшіе или младшіе члены семьи, отцы или дѣти, разладъ этотъ во всякомъ случаѣ есть явленіе ненормальное, тяжелое для той и другой стороны, и весьма неполезное для развитія добраго нравственнаго направленія въ общественной жизни... Поэтому всякій долженъ стараться съ своей стороны предупреждать и устранять всякіе поводы къ семейному разладу. И особенно объ этомъ должны стараться молодые члены семьи, которые полнѣе силами, богаче надеждами, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣе опытомъ, чѣмъ старшіе члены семьи, и болѣе обязаны старшимъ, и которымъ вообще гораздо естественнѣе и полезнѣе относиться съ уваженіемъ и снисхожденіемъ къ другимъ, нежели настойчиво требовать уваженія и снисхожденія отъ другихъ къ себѣ. Мы конечно далеки отъ того, чтобы совѣтовать кому-то ни было пріобрѣтать миръ и согласіе съ своею семьею или другою какою общественною средою отступленіемъ отъ разумныхъ убѣжденій и честныхъ правилъ жизни, безчестными сдѣлками съ ложью, низостью и безнравственностью. Но не нужно быть, особенно молодымъ людямъ, слишкомъ самоувѣренными въ своихъ мнѣніяхъ и слишкомъ настойчивыми въ своихъ требованіяхъ. Нужно твердо помнить, что при всемъ нашемъ глубокомъ убѣжденіи въ своихъ теоретическихъ и нравственныхъ принципахъ (если таковые конечно есть у насъ не напоказъ, а въ правду), мы можемъ содѣйствовать торжеству этихъ принциповъ не столько ихъ рѣзкимъ заявленіемъ и оскорбительнымъ противоположеніемъ принципамъ другихъ, сколько разумнымъ, честнымъ, послѣдовательнымъ и спокойнымъ оправданіемъ ихъ въ своей жизни. И наконецъ нужно помнить, что однимъ изъ первыхъ требованій во взаимныхъ отношеніяхъ людей должна быть взаимная терпимость.

Несходство въ понятіяхъ, разность въ привычкахъ и стремленіяхъ очень естественны между людьми различныхъ возрастовъ, прожившими довольно времени подъ различными вліяніями, при различныхъ условіяхъ жизни. И потому нисколько неудивительно, если между отцами и матерями, прожившими свой вѣкъ въ однихъ условіяхъ жизни, и сыновьями и дочерьми, вступающими въ жизнь при другихъ условіяхъ, оказывается разность въ понятіяхъ и стремленіяхъ, и винить за нее кого бы то ни было было бы несправедливо, и требовать, чтобы одна сторона противъ убѣжденія и совѣсти отказывалась отъ своихъ понятій и стремленій и искусственно приладживалась къ другой — ненравственно и безразсудно. Но если гдѣ должны имѣть мѣсто, при различіи взглядовъ и стремленій, взаимная терпимость и осторожная заботливость—не огорчить, не оскорбить другъ друга, то по преимуществу во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ членовъ семьи. И тамъ, гдѣ между членами семьи есть взаимная любовь и искреннее уваженіе другъ къ другу, эта взаимная терпимость не будетъ неискреннимъ принужденіемъ, тяжелымъ стѣсненіемъ, но чистымъ и свободнымъ выраженіемъ любви со стороны однихъ по отношенію къ другимъ.

* * *

Предѣлами семьи не ограничивается область нравственныхъ отношеній, въ которыхъ должна развиваться человѣческая личность. Семья представляетъ для человѣка только первый питомникъ, въ которомъ воспитываются у него общественныя чувства и склонности для проявленія въ другихъ болѣе широкихъ сферахъ, при болѣе сложныхъ отношеніяхъ. За семьею въ ряду человѣческихъ отношеній ближайшее мѣсто занимаетъ такъ-называемое общество. У каждаго человѣка, кромѣ близкихъ родныхъ, связанныхъ съ нимъ узами крови, есть свое общество, т.-е. кружокъ болѣе или менѣе близкихъ людей, съ которыми приходится имѣть общія занятія, интересы, развлече-

нія, съ которыми образуется привычка чаще видѣться и говорить, къ которымъ складываются въ жизни человѣка своего рода привязанности и обязательныя отношенія. Связи общественныя конечно не представляютъ въ большинствѣ случаевъ такой крѣпости и взаимо-обязательности, какъ связи семейныя. Связи общественныя нерѣдко и завязываются случайно, и прерываются мгновенно, и мѣняются въ продолженіе жизни по нѣскольку разъ, между тѣмъ какъ связи семейныя, создаваемыя для человѣка самою природой, могутъ укрѣпляться, могутъ и ослабѣвать, но по крайней мѣрѣ по существу своему остаются неизмѣнными для человѣка на всю жизнь. Тѣмъ не менѣе и связи общественныя имѣютъ очень важное значеніе въ человѣческой жизни. Безъ общества человѣку одинокому, или слишкомъ заключившемуся въ отношеніяхъ и интересахъ своей семьи, бываетъ весьма трудно прожить, не вдаваясь въ крайнюю односторонность понятій и стремленій, въ мелочность, сухость, въ личный или семейный эгоизмъ. Связью съ обществомъ какъ бы пополняется личное бытіе человѣка, расширяется умственный и нравственный горизонтъ его жизни. Въ обществѣ постоянно совершается обмѣнъ и обобщеніе понятій привычекъ, стремленій, интересовъ и т. д. Каждый человѣкъ здѣсь находится подъ вліяніемъ другихъ людей, и самъ въ свою очередь производитъ вліяніе на другихъ людей.

Посему-то весьма важенъ для человѣка выборъ общества. *Блаженъ человѣкъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ*, говорится въ Священномъ Писаніи (Псал. 1). Выборъ общества въ извѣстной степени опредѣляется для каждаго его жизненнымъ положеніемъ, мѣстомъ пребыванія, родомъ занятій, службы и т. д. Тѣмъ не менѣе однакожъ во всякомъ родѣ занятій, на всякомъ мѣстѣ службы есть люди хорошіе и дурные, здравомыслящіе и легкомысленные, нравственные и ненравственные, порядочные и безпорядочные. При этомъ свобода для выбора близкихъ людей, съ которыми болѣе прійдется сходиться и имѣть дѣло въ жизни, остается довольно большая. И каждый человѣкъ въ разумномъ устроеніи своей жизни дол-

жень полагаться не на то, куда повернутъ его внѣшнія обстоятельства, но самъ долженъ по возможности устроить самыя внѣшнія обстоятельства и отношенія свои такъ, чтобы они имѣли благопріятное нравственное вліяніе на его жизнь. Особенно это нужно имѣть въ виду молодымъ людямъ, только что начинающимъ жить самостоятельно, у которыхъ характеръ еще не сложился, которые людей мало знаютъ, у которыхъ вся жизнь впереди. Имъ нужно твердо помнить, что ихъ собственная жизнь, ихъ характеръ и убѣжденія весьма много будутъ зависѣть отъ того, какимъ обществомъ они себя окружатъ, какихъ друзей изберутъ себѣ. *Съ преподобнымъ преподобенъ будешь, и съ неповиннымъ неповиненъ будешь, и со избраннымъ избранъ будешь и со строптивымъ развратишься*, говорится въ Священномъ Писаніи (Псал. XVII, 26).

Особенно нужно быть осмотрительнымъ при избраніи себѣ ближайшихъ друзей. Дружба великое чувство, источникъ многихъ высокихъ и благородныхъ стремленій и дѣлъ. Но она же можетъ быть источникомъ и многаго дурнаго въ жизни человѣка. Посему-то здѣсь особенное значеніе имѣетъ совѣтъ древняго мудреца: *людей живущихъ въ мирѣ съ тобою пусть будетъ тысяча, а искреннимъ другомъ своимъ избирай одного изъ тысячи* (Сирах. VI, 6). Нужно наблюдать большую осмотрительность при самомъ началѣ нравственныхъ сближеній съ людьми. Не хорошо бываетъ, когда началомъ дружественныхъ и вообще общественныхъ связей служатъ простыя случайности напр. то, что съ иными людьми приходиться встрѣчаться часто или жить по сосѣдству. Человѣкъ разумный долженъ устроять свои отношенія на разумныхъ соображеніяхъ, а не на внѣшнихъ случайностяхъ. Тѣмъ болѣе не хорошо, когда въ основаніе нравственныхъ сближеній съ людьми полагается совмѣстное участіе въ пустыхъ развлеченіяхъ, играхъ, и особенно въ какихъ-либо порочныхъ, ненравственныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ. Иногда человѣкъ, разъ увлекшись дурною связью на этомъ пути, связываетъ ею себя на долгіе годы. Нужно, чтобы нравственное сближеніе съ людьми совершалось

во имя серьезнѣйшихъ и благороднѣйшихъ интересовъ человѣческой природы, и поддерживалось сходствомъ убѣжденій, стремленій и характеровъ. Нужно по возможности совсѣмъ удаляться отъ такихъ общественныхъ кружковъ, въ которыхъ можно пріучаться только къ празднословію, къ бездѣлью, или какимъ-либо безпорядочнымъ и пустымъ занятіямъ и развлеченіямъ, каковы напр. карточная игра, безпорядочныя пирушки и т. под. Такихъ кружковъ у насъ къ сожалѣнію еще не мало и они бываютъ очень опасны для молодыхъ людей самаго серьезнаго настроенія. Ибо хотя пустота и мелочность такихъ кружковъ на первыхъ порахъ и не можетъ не тяготить человѣка съ серьезными стремленіями, но потомъ, за недостаткомъ лучшаго общества и болѣе серьезныхъ интересовъ, мало-по-малу она можетъ такъ втянуть человѣка въ свою колею, что онъ совершенно потеряетъ охоту и способность къ серьезному дѣлу, и всѣ лучшія серьезнѣйшія стремленія его натуры постепенно заглохнутъ. Еще болѣе, конечно, нужно удаляться отъ всякихъ кружковъ безпорядочныхъ, грязныхъ, безнравственныхъ, буйныхъ, а также отъ кружковъ, отличающихся вреднымъ направленіемъ идей, преступною дерзостью замысловъ и тому подобныхъ. И такіе кружки есть въ обществѣ, и связавшись съ какимъ-либо изъ нихъ, молодой, неопытный человѣкъ можетъ иногда въ короткое время испортить и погубить себя или судьбу свою на всю жизнь... Нужно стараться искать себѣ такое общество, въ которомъ бы можно было находить постоянное возбужденіе и поощреніе къ серьезному труду, къ честной жизни, въ которомъ бы у молодаго человѣка понятія могли развиваться, характеръ укрѣпляться, привычки и стремленія облагораживаться.

Съ другой стороны, стараясь заимствовать отъ общества все возможно лучшее, каждый изъ насъ и самъ обязанъ вносить въ общество все, что только есть въ немъ лучшаго, т.-е. являться передъ обществомъ человѣкомъ съ возможно лучшими понятіями, привычками, нравственными свойствами и т. д. Мы совсѣмъ не то конечно разумѣемъ здѣсь, что человѣкъ

долженъ какъ бы лицемѣрить передъ обществомъ, показывать въ себѣ такія нравственныя качества, какихъ въ немъ нѣтъ, и искусственно скрывать такіе недостатки, какіе есть въ немъ. Нѣтъ! Но каждый долженъ на самомъ дѣлѣ стараться такъ всегда держать себя, такъ воспитывать и устроять свою натуру, свой характеръ, свои понятія, вообще всю свою внутреннюю жизнь, какъ бы она въ каждый моментъ находилась въ глазахъ самаго порядочнаго общества. Иначе сказать: нужно, чтобы человѣкъ, обращаясь въ хорошемъ обществѣ, самъ постоянно старался быть хорошимъ человѣкомъ. Отъ лицемѣрія же, отъ маскированія себя небывалыми добродѣтелями, притворною скромностію, ложнымъ благочестіемъ, фальшивымъ героизмомъ, напускною возвышенностью стремленій, небывалою твердостью характера и убѣжденій да сохранитъ васъ Богъ точно такъ же, какъ и отъ противоположныхъ качествъ—отъ грубаго циническаго самохвальства безнравственностью, грубостью, буйствомъ, кощунствомъ, ложью, низостью, жестокостью, безсердечностью и т. д. То и другое—фальшивое лицемѣріе и безстыдное циническое самохвальство—въ равной степени служатъ признакомъ глубокаго извращенія человѣческой природы и по справедливости считаются достойными презрѣнія отъ всѣхъ порядочныхъ людей. Старайтесь не только сами не быть такими, но и удаляться отъ такихъ людей, отъ которыхъ отвращаетъ насъ нравственное чувство...

Далѣе—какъ нужно держать себя въ обществѣ, какъ вести себя по отношенію къ людямъ, съ которыми приходится имѣть связи и столкновенія въ жизни, — объ этомъ, кажется, нѣтъ надобности предлагать подробныхъ наставленій. Много существуетъ на этотъ предметъ правилъ общественнаго приличія и житейскаго благоразумія. Не мало можно найти относительно этого указаній и въ Свящ. Писаніи, особенно въ книгахъ двухъ великихъ мудрецовъ ветхозавѣтнаго міра — царя Соломона и Іисуса сына Сирахова. Многія изреченія, заимствованныя изъ этихъ книгъ, народная мудрость давно обратила въ свое достояніе, и поставила правиломъ практической жизни и взаим-

ныхъ общественныхъ отношеній. Частнѣе же каждому укажетъ образъ отношеній къ обществу его собственное положеніе и благоразуміе. Только бы при этомъ было серьезное вниманіе къ себѣ самому и къ обществу, въ которомъ жить приходится... Самымъ же высшимъ началомъ, изъ котораго должны исходить и на которомъ должны утверждаться всѣ наши отношенія къ людямъ, должно быть высочайшее правило Евангелія: *нужно поступать съ другими и относиться къ нимъ такъ, какъ мы желали бы; чтобы другіе поступали съ нами* (Матѳ. VII, 12). Мы желаемъ конечно, чтобы другіе насъ любили, уважали, искренно относились къ намъ, цѣнили наши достоинства, снисходили къ недостаткамъ нашимъ, заботились о насъ, помогали намъ въ случаѣ нужды. Будемъ же и сами относиться къ другимъ съ любовію, уваженіемъ, искренностію,—будемъ цѣнить достоинства въ другихъ, и снисходить къ ихъ недостаткамъ,—будемъ заботиться о ближнихъ и помогать кому въ чемъ можно. Встрѣчая человѣка нуждающагося, и имѣя средства помочь ему, мы должны поставить себя на его мѣсто, и его на наше, и сдѣлать ему то, что, находясь въ его положеніи, желали бы, чтобы онъ сдѣлалъ намъ. Встрѣчая человѣка, находящагося въ затруднительномъ положеніи, опечаленнаго, больнаго, обиженнаго, мы должны съ такою же готовностью предложить ему возможное утѣшеніе, совѣтъ, помощь, услугу, съ какою сами, находясь въ его положеніи, приняли бы утѣшеніе, помощь и услугу отъ другаго. Вотъ высшая норма человѣческихъ отношеній, вотъ высшій идеалъ, къ которому должны стремиться мы въ продолженіе жизни! Высокъ этотъ идеалъ; никто не можетъ осуществить его вполнѣ. Но каждый долженъ стараться объ осуществленіи его по мѣрѣ силъ и разумѣнія своего, при помощи Божіей. Тогда мы будемъ истинными людьми, истинными христіанами, *истинными дѣтьми Отца Небеснаго. Который солнце свое сіяетъ на злыхъ и добрыхъ, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ*.. (Матѳ. V, 45).

* * *

Уясняя вамъ ваши обязанности по отношенію къ людямъ, съ которыми вы будете встрѣчаться и имѣть дѣло въ кругу общественномъ, я не могу не обратить особеннаго вашего вниманія на обязанности по отношенію къ тѣмъ людямъ, съ которыми вы будете необходимо связаны самымъ служебнымъ положеніемъ нашимъ. Находясь на службѣ, вы необходимо должны будете имѣть извѣстныя отношенія и обязанности къ начальникамъ, товарищамъ и подчиненнымъ по службѣ. Эти отношенія и обязанности съ оффиціальной своей стороны подробно излагаются въ самомъ служебномъ уставѣ. И нравственный христіанскій законъ не только не противорѣчитъ требованіямъ служебнаго устава, но подтверждаетъ и освящаетъ ихъ, заповѣдуя намъ *во имя Божіе воздавать всѣмъ должное—кому урокъ—урокъ, кому дань—дань, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь* (Римл. XIII, 7). Но этого мало. Христіанскій законъ внушаетъ намъ вносить *нравственное начало* въ самыя оффиціальныя отношенія, и исполнять свои служебныя обязанности не по принужденію только и страху отвѣтственности, *но и по совѣсти и любви* (Римл. XIII, 5) и не ради человѣкоугодія, *а изъ повиновенія волѣ Божіей* (Ефес. VI, 6). Плохо бываетъ тамъ, гдѣ лица служащія относятся къ своей службѣ машинально—безъ всякаго нравственнаго участія, и свои взаимныя отношенія ограничиваютъ только оффиціальнымъ исполненіемъ требованій устава, не имѣя другъ съ другомъ внѣ оффиціальныхъ отношеній никакой связи. Тамъ естественно служба должна казаться тяжела и скучна, какъ вынужденный механическій трудъ, какъ непріятное бремя, которое приходится носить по необходимости съ искреннимъ желаніемъ сбросить его при первомъ удобномъ случаѣ. При такомъ отношеніи къ дѣлу и самое исполненіе внѣшнихъ оффиціальныхъ требованій службы едва ли можетъ идти вполнѣ хорошо. Совсѣмъ иное дѣло должно быть тамъ, гдѣ служба представляетъ для лицъ служащихъ живой нравственный интересъ, и каждый изъ служащихъ смотритъ на своихъ сослуживцевъ не какъ на машинальныя орудія для извѣстныхъ оффиціаль-

ныхъ отправленій, но какъ на живыхъ людей, нравственно заинтересованныхъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Тамъ лица служащія, не ограничиваясь сферою оффиціальныхъ отношеній, естественно вступаютъ въ нравственныя связи другъ съ другомъ, и образуютъ одну семью — одинъ родственный кругъ, имѣющій свои общіе интересы, къ которымъ каждый съ своей стороны прилагаетъ живое участіе. Тамъ и служба легка и пріятна, не какъ невольный механическій трудъ, но какъ свободное и имѣющее интересъ дѣло; и исполненіе всѣхъ служебныхъ обязанностей тамъ конечно идетъ лучше, исправнѣе и разумнѣе. Такихъ именно отношеній требуетъ для себя всякій родъ службы, и еслибы таковы были отношенія на всякой службѣ, какъ хорошо шли бы въ обществѣ всѣ служебныя отправленія, какъ правильно развивалась бы жизнь общества!

Ваша военная служба, хотя главнымъ образомъ состоитъ повидимому во внѣшнихъ отправленіяхъ, и во всѣхъ своихъ подробностяхъ строго опредѣлена точными предписаніями служебнаго устава, требуетъ при всемъ томъ можетъ быть болѣе, чѣмъ другая какая-нибудь служба, тѣсныхъ нравственныхъ отношеній между лицами служащими. Я не буду касаться здѣсь ея оффиціальной стороны въ отношеніяхъ высшихъ служебныхъ лицъ между собою, но обращу ваше вниманіе на ея бытовую сторону, особенно въ положеніи низшихъ чиновъ, съ которыми вамъ главнымъ образомъ прійдется имѣть дѣло на первыхъ порахъ вашей службы. Въ военной службѣ низшіе чины особенно нуждаются въ томъ, чтобы ихъ непосредственные начальники, какими будете вы, имѣли къ нимъ не холодное только оффиціальное, но и живое нравственное отношеніе. Во всѣхъ другихъ родахъ службы человѣкъ служащій можетъ еще пожалуй обойтись безъ особенныхъ нравственныхъ отношеній со стороны своихъ сослуживцевъ—начальниковъ и товарищей. Тамъ служба не захватываетъ такъ сказать всей личности человѣка съ ея глубокими нравственными требованіями и стремленіями. Тамъ человѣкъ, ограничиваясь на службѣ одними холодно-оффиціальными отношеніями къ своимъ сослу-

живцамъ, можетъ найти исходъ для своихъ личныхъ нравственныхъ требованій внѣ службы—въ семьѣ, въ обществѣ, въ свободномъ кругу друзей и знакомыхъ. Но у солдата ничего этого нѣтъ; у него вся почти нравственная личность подчинена необходимымъ условіямъ службы. У солдата, пока онъ на службѣ, не можетъ быть ни семьи, ни общества, ни другихъ прочныхъ нравственныхъ связей внѣ службы. Для него не существуетъ и свободы въ выборѣ и перемѣнѣ мѣста и рода службы, и онъ безъ особенныхъ обстоятельствъ не можетъ получить отпускъ или отставку отъ службы ранѣе положеннаго срока. При этомъ пріймите во вниманіе то, что матеріальное положеніе солдата скудно и стѣсненно; труда отъ него требуется много; дисциплинарныя требованія и взысканія въ солдатской службѣ строги болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Все это конечно необходимо требуется извѣстными общественными условіями. Общество искони привыкло смотрѣть на солдата, какъ на необходимую жертву общественныхъ условій, и Церковь христіанская считаетъ воинскую службу однимъ изъ самыхъ высокихъ подвиговъ общественнаго служенія, и возсылаетъ къ Богу особенную молитву за христолюбивыхъ воиновъ. Правительство старается по возможности облегчить тягости солдатскаго быта, и въ послѣднее время мы видимъ въ пользу нижнихъ военныхъ чиновъ цѣлый рядъ благодѣтельныхъ постановленій, изданныхъ отъ правительства, за которыя да воздастъ ему Господь Своею милостію. При всемъ томъ однакожъ нельзя не сознаться, что и доселѣ положеніе солдата представляется еще во многихъ отношеніяхъ тяжелымъ и стѣсненнымъ, и едва ли можно ожидать, чтобы оно въ ближайшемъ времени могло освободиться отъ тягостей и стѣсненій. Между тѣмъ у солдата такая же человѣческая личность, съ такими же нравственными и естественными требованіями, какъ и у всякаго другаго человѣка, и если его личность настолько привязана къ службѣ что онъ не можетъ свободно удовлетворять своимъ нравственнымъ и естественнымъ требованіямъ въ семейномъ и общественномъ кругу, то пусть бы по крайней мѣрѣ самая служба

хотя въ нѣкоторой мѣрѣ замѣняла ему семейный и общественный кругъ, и могла представлять для него живую среду не только для установленныхъ оффиціальныхъ отправленій, но и для живыхъ нравственныхъ связей и отношеній. Солдатъ всегда чувствовалъ особенную нужду въ этомъ, и по условіямъ своего положенія болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, всегда готовъ былъ представлять свою служебную среду не служебною только, но и какъ бы семейною средою, и своего ближайшаго начальника—не начальникомъ только, но и отцемъ, руководителемъ, совѣтникомъ, защитникомъ, попечителемъ, и т. д.

Пусть же тѣ, кому приходится быть ближайшими начальниками солдата, сознаютъ свое высокое нравственное положеніе, и на самомъ дѣлѣ постараются быть для своихъ подчиненныхъ не начальниками только, но поистинѣ отцами, или— для кого можетъ показаться тяжела соединяемая съ такимъ высокимъ именемъ нравственная отвѣтственность — старшими братьями, совѣтниками, руководителями, защитниками, попечителями и т. д. Не довольствуйтесь тѣмъ, чтобы ваши подчиненные оказывали вамъ безпрекословное повиновеніе, но старайтесь внушать имъ любовь и нравственное уваженіе къ себѣ; и сами относитесь къ нимъ съ любовью и уваженіемъ, не нарушая необходимыхъ требованій служебной субординаціи, но по крайней мѣрѣ и не отягчая ихъ для своихъ подчиненныхъ притязаніями личнаго самолюбія и произвола. Вникайте въ положеніе своихъ подчиненныхъ, руководите ихъ своими совѣтами, облегчайте по возможности ихъ нужды, или по крайней мѣрѣ утѣшайте ихъ своимъ участіемъ въ случаѣ невозможности дѣятельно помочь имъ. Старайтесь развивать между ними здравыя человѣческія понятія и правильныя взаимныя отношенія, чувства честности, справедливости, долга, человѣколюбія, и прежде всего сами будьте для нихъ образцемъ здравыхъ понятій, добраго поведенія, усердія къ службѣ, скромности, справедливости, благочестія, человѣколюбія, твердости убѣжденій и характера и т. д. Пусть ваше начальствованіе надъ ними представляется имъ не простою случайностью, но дѣломъ вполнѣ

достойнымъ и заслуженнымъ; т. е.: пусть они представляютъ себѣ, что ихъ начальникъ потому надъ ними начальникомъ, что онъ на самомъ дѣлѣ нравственно достоинъ того, что онъ можетъ быть для нихъ образцемъ знанія дѣла, усердія къ службѣ, честнаго и добраго поведенія. Вообще же—опять напомню вамъ то высокое правило для всѣхъ человѣческихъ отношеній, о которомъ уже упоминалъ недавно: старайтесь относиться къ своимъ подчиненнымъ такъ, какъ вы могли бы пожелать, чтобы къ вамъ относились начальники, еслибы вы были на мѣстѣ ихъ. Представьте себѣ, что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не особенными же какими нравственными дарами природы вы отличаетесь отъ нихъ. Можетъ быть, еслибы вы и они находились совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ общественнаго положенія и получили одинаковое воспитаніе, многіе изъ нихъ находились бы на мѣстѣ васъ, и многіе изъ васъ на мѣстѣ ихъ. Старайтесь же своимъ особеннымъ участіемъ и заботливостью о нихъ оправдать передъ ними тѣ преимущества въ жизни, какими вы пользуетесь, и какихъ они лишены.

* * *

Обозрѣвая среду жизненныхъ связей и отношеній, въ которыхъ развивается нравственная личность человѣка и воспитывается въ немъ чувство общенія съ другими людьми, мы должны были начать съ самой первой и естественной ступени, на которой развиваются самыя близкія, самыя дорогія человѣку связи и отношенія—съ круга семейнаго, и отсюда перейти къ болѣе широкому кругу отношеній общественныхъ и служебныхъ, хотя и не имѣющихъ для человѣка такой естеетвенно-обязательной силы, какъ связи семейныя, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ весьма важное значеніе въ человѣческой жизни. Поднимемся еще выше по лѣстницѣ человѣческихъ отношеній, раздвинемъ свой кругозоръ еще шире, и остановимся на разсмотрѣніи тѣхъ связей въ жизни человѣка, которыя соединяютъ его, какъ отдѣльную личность, съ своимъ народомъ и го-

сударствомъ. Связь человѣческой личности съ своимъ народомъ представляетъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ и естественныхъ явленій въ человѣческой жизни. Происхожденіе отъ одного племени, воспитаніе и жизнь среди одинаковыхъ условій природы и общественной среды, происходящее отсюда сродство понятій и нравственныхъ расположеній, видимымъ образомъ сказывающееся въ единствѣ языка, множество другихъ естественныхъ и нравственныхъ связей—единство вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, единство судебъ исторической жизни, общія историческія радости и несчастія — тѣсно сближаютъ между собою людей одного народа, и образуютъ между ними крѣпкій естественный союзъ, подобный тому, какой представляетъ для человѣка связь семейная. Этотъ союзъ также человѣкъ можетъ въ извѣстной степени ослабить, исказить, забыть, но не можетъ по своему произволу измѣнить или сбросить съ себя, какъ и связь семейную. Связи общественныя и служебныя мы можемъ въ нѣкоторой степени сами устроять себѣ и мѣнять по своему произволу; но связи съ семьей и съ народомъ сознаются для насъ самою природой. И кто не чувствуетъ въ себѣ живой привязанности къ своему народу, того мы можемъ считать такою же аномаліею въ человѣческой природѣ, какъ и того, кто не чувствуетъ въ себѣ привязанности къ родной семьѣ.. Величіе народа, успѣхи его исторической жизни, превосходство и слава его между другими народами могутъ питать и возвышать наше національное чувство, но оно не до такой степени зависитъ отъ этихъ условій, чтобы безъ нихъ совсѣмъ не могло существовать и развиваться. Человѣкъ любитъ свою родину—не только сильную, богатую, славную, побѣдоносную, но и слабую, бѣдную, несчастную, угнетенную,—точно такъ же, какъ въ семьѣ родители любятъ дѣтей и дѣти родителей не только богатыхъ, умныхъ, счастливыхъ, здоровыхъ, но и бѣдныхъ, неразвитыхъ, больныхъ, несчастныхъ. Иногда въ послѣднемъ случаѣ любовь бываетъ даже сильнѣе, хотя выражается съ другимъ характеромъ, нежели въ первомъ.

Въ людяхъ наиболѣе развитыхъ, у которыхъ непосредствен-

ныя влеченія и инстинкты природы возвышаются до разумныхъ стремленій свободной воли, естественная привязанность къ родинѣ превращается въ ту сознательную, основанную на твердомъ убѣжденіи, преданность и любовь къ ней, которая называется патріотизмомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Это чувство составляетъ одно изъ самыхъ высокихъ и благороднѣйшихъ явленій въ человѣческой природѣ. Исторія украшаетъ свои лучшія страницы высокими подвигами патріотизма. Въ самомъ Священномъ Писаніи подвиги патріотизма изображаются рядомъ съ величайшими подвигами вѣры. Величайшіе представители ветхозавѣтнаго міра Моисей, Іисусъ Навинъ, Самуилъ, Давидъ, Илія, Елисей, Исаія, Іеремія, Даніилъ, Ездра, Заровавель, Неемія, братья Маккавеи, великія ветхозавѣтныя жены—Маріамъ, Деввора, Есѳирь, Юдиѳь представляютъ намъ образцы самаго высокаго патріатизма. Въ нѣкоторыхъ изъ святыхъ людей пламенные порывы патріотизма до того возвышались, что они готовы были изъ любви къ своему народу не только пожертвовать всѣми благами временной жизни, но, если бы то было возможно предъ судомъ высочайшаго правосудія Божія, самымъ вѣчнымъ спасеніемъ своимъ, самымъ Божіимъ благоволеніемъ къ нимъ. Св. пророкъ Моисей молилъ Бога лучше изгладить его изъ книги жизни, но не лишать своего благоволенія избранный народъ (Исхода XXXII, 32). Св. апостолъ Павелъ со скорбію говорилъ, что онъ желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа изъ-за любви къ братіи своей роду Израильскому (Рим. IX, 3). Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, явившійся на землѣ какъ истинный Богъ и истинный человѣкъ со всѣми человѣческими свойствами и стремленіями, кромѣ грѣховныхъ, и показавшій намъ въ Своей жизни высокіе образцы послушанія сыновняго (Луки 11, 5 1), любви дружеской (Іоан. XI, 3, 33—36), вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ намъ образецъ и любви къ народу Своему. Онъ хотя посланъ былъ возвѣстить евангеліе царствія Божія всѣмъ людямъ, но прежде всего пришелъ *къ своимъ* (Іоан. I, 11), къ единоплеменникамъ — *къ овцамъ погибшимъ дома Израилева*

(Мато. XV, 24), и имъ первымъ возвѣстилъ тайны царствія Божія, и старался *собрать ихъ около себя, какъ птица собираетъ птенцевъ подъ крылья свои* (Матѳ. XIII, 37—39); когда же они этого *не восхотѣли, не приняли Его, возненавидѣли, захотѣли убить*, Онъ Святѣйшій скорбѣлъ и плакалъ о ихъ ослѣпленіи и предуготовляемой ими для самихъ себя гибели (Лук. XIX, 41—44). Такъ любовь къ своему народу составляетъ въ насъ не только привязанность естественную, но и чувство высоко-нравственное, добродѣтель христіанскую....

Въ чемъ же должно выражаться у насъ это чувство? Оно конечно прежде всего не должно быть искусственно и фальшиво, но должно быть естественно и искренне, и должно выражать себя не одними словами, или какими нибудь безплодными неопредѣленными стремленіями, но самымъ дѣломъ, оно должно проникать всю нашу душу, сказываться во всей нашей жизни. Прежде всего оно должно сказываться въ томъ, что намъ должно быть дорого и близко все имѣющее отношеніе къ духовной жизни и исторической судьбѣ нашего народа. Намъ должны быть дороги честь и благо родной страны, какъ честь и благо родной семьи, или какъ наши собственныя честь и благо, и мы должны быть всегда готовы всячески охранять и защищать честь и благо своего народа, и стараться устранять все то, что могло бы служить къ ихъ нарушенію и ущербу. Намъ должны быть дороги памятники минувшихъ судебъ и славы нашего отечества,—все, въ чемъ выражалось духовная жизнь народа—произведенія его слова, останки древней народной святыни, памятники исторіи народа, и мы должны относиться къ нимъ съ уваженіемъ, оберегать и охранять ихъ отъ всякаго невѣжественнаго и дерзкаго посягательства, какъ стараются охранять въ родномъ домѣ добрые потомки все то, что напоминаетъ имъ о любимыхъ и славныхъ предкахъ. Намъ должны быть близки всѣ общіе интересы и замѣчательнѣйшія судьбы нашего народа; насъ должны радовать его успѣхи умственные, нравственные, политическіе, промышленные и всякіе другіе, и должны глубоко печалить несчастія, неудачи, болѣзни

и страданія народа, зависятъ ли они отъ его собственной вины, или отъ внѣшнихъ случайныхъ причинъ. Намъ должны быть дороги и милы имена замѣчательныхъ дѣятелей, служащихъ украшеніемъ исторіи нашего народа, или содѣйствующихъ его настоящей славѣ— замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ области науки, искусства, политической и общественной жизни; мы должны чтить и любить такихъ людей, желать имъ всякаго поощренія, успѣха и славы, и насколько то кому возможно, содѣйствовать имъ въ этомъ, беречь ихъ при жизни, охранять ихъ память отъ недостойныхъ нареканій по смерти. Наконецъ, какъ мы уже сказали, наша любовь къ своему народу, не ограничиваясь словами и чувствами, должна свидѣтельствоваться самымъ дѣломъ. Мы должны посвящать на служеніе народу свои силы и средства, и не тратить силъ и средствъ безъ пользы, а тѣмъ болѣе во вредъ своему народу. Мы должны по мѣрѣ силъ дѣятельно помогать нуждамъ народнымъ, особенно во времена тяжелыхъ бѣдствій: мы должны въ случаѣ нужды быть готовы жертвовать для блага народа не только своимъ достояніемъ и спокойствіемъ, но и самою жизнію...

Сдѣлаемъ при этомъ еще нѣсколько замѣчаній относительно различныхъ фальшивыхъ направленій, какія можетъ принимать, и дѣйствительно у иныхъ принимаетъ, чувство любви къ народу... Любовь къ народу не должна имѣть характера мертвенно-архивнаго. Плохо любятъ тѣ свой народъ, которые любятъ его только въ прошедшемъ, чувствуютъ восторженное благоговѣніе предъ всякимъ памятникомъ его исторіи и прежней славы, и относятся совершенно равнодушно къ настоящимъ судьбамъ, интересамъ, радостямъ и несчастіямъ народа. Любовь къ народу должна имѣть постоянно живое значеніе, и если мы любимъ народъ въ его прошедшемъ, то тѣмъ болѣе конечно должны любить его въ настоящемъ; если намъ дорога честь прежнихъ дѣятелей нашей исторіи, то тѣмъ болѣе должна быть дорога честь современныхъ дѣятелей народной славы... Точно также наша любовь къ народу не должна имѣть

отвлеченно-фантастическаго характера. Не искренно любятъ свою родину и свой народъ тѣ, у которыхъ представленіе о родинѣ и народѣ расплывается въ неопредѣленномъ пространствѣ, которые говорятъ напр., что любятъ святую Русь, любятъ русскаго человѣка, и между тѣмъ нисколько не показываютъ этой любви въ томъ мѣстѣ, гдѣ имъ приходится жить, и по отношенію къ тѣмъ русскимъ людямъ, съ которыми имъ ближайшимъ образомъ приходится имѣть дѣло. Народъ не есть отвлеченная идея, но живая сила, состоящая изъ живыхъ личностей, и мы должны любить его не въ отвлеченной идеѣ, а въ живыхъ личностяхъ, среди которыхъ мы живемъ, съ которыми имѣемъ дѣло, и преимущественно конечно въ тѣхъ, въ которыхъ живѣе и цѣльѣе сохраняется типъ и духъ народа... Точно также наша любовь къ народу недолжна имѣть того риторически-напыщеннаго характера, по которому инымъ кажется, что они ради народа въ какія нибудь замѣчательныя эпохи его исторіи готовы были бы приносить величайшія жертвы, оказывать героическіе подвиги, и между тѣмъ въ обыкновенное время нимало не заботятся объ интересахъ народа и ничего не дѣлаютъ для него. Героическіе подвиги не часто встрѣчаются въ жизни, и можетъ быть всего менѣе выпадаютъ на долю тѣхъ, которые мечтаютъ о нихъ заранѣе. Но всякій изъ насъ долженъ радѣть и служить своему отечеству въ своемъ мѣстѣ, своимъ дѣломъ, и посильно содѣйствовать ему въ томъ, что ему нужно во всякое обыкновенное время—всего болѣе постояннымъ и честнымъ исполненіемъ своихъ личныхъ и общественныхъ обязанностей.

Наша любовь къ народу должна быть чужда фальшиваго самообольщенія; мы не должны слишкомъ мечтать о своихъ національныхъ достоинствахъ, намѣренно преувеличивать ихъ, украшать свой народъ небывалыми совершенствами, и пристрастно возвеличивать его на счетъ всѣхъ другихъ народовъ. Но тѣмъ болѣе конечно неестественно и недостойно намъ предаваться народному самоуничиженію, отрицать и заподозривать въ своемъ народѣ все лучшее, изыскивать въ немъ всякіе не-

достатки, глумиться надъ нимъ и унижать свой народъ предъ другими народами. Мы должны въ своемъ народѣ, какъ и въ своей личности, серьезно и искренно сознавать и настоящія достоинства и настоящіе недостатки,—достоинства не затѣмъ, чтобы успокоивать и обольщать себя ими, а затѣмъ, чтобы болѣе развивать ихъ въ себѣ,—недостатки не затѣмъ, чтобы легкомысленно глумиться надъ ними, а затѣмъ, чтобы серьезно подумать о нихъ, поболѣть ими, и насколько отъ насъ зависитъ, содѣйствовать ихъ исправленію, прежде всего въ самихъ себѣ, а потомъ насколько возможно и вокругъ себя. Всего же болѣе да сохранитъ насъ Богъ отъ того нравственнаго разобщенія съ своимъ народомъ, по которому иные относятся къ нему совершенно какъ чужіе, судятъ о немъ съ чужаго голоса, съ чужой точки зрѣнія, отзываются о всемъ своемъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, стыдятся своего народа—его исторіи, его вѣрованій, его языка и всѣхъ его нравственныхъ интересовъ, стараются во всемъ подражать другимъ и походить на другихъ, наконецъ даже открыто предпочитаютъ чужіе національные интересы своимъ интересамъ, и желаютъ другимъ народамъ выгодъ и успѣховъ на счетъ своего народа. Такое отношеніе къ своему народу—такое самоотреченіе — есть конечно аномалія, нравственное уродство, достойное глубокаго сожалѣнія. Оно, къ стыду нашему, въ продолженіе нѣкотораго времени довольно было развито въ нѣкоторой части нашего общества. Но теперь, кажется, слава Богу, оно выводится, и становится предметомъ презрѣнія даже въ тѣхъ самыхъ общественныхъ кружкахъ, гдѣ оно имѣло особенную силу.

* * *

Съ понятіемъ народа часто смѣшивается понятіе государства, и съ обязанностями и отношеніями національными обязанности и отношенія государственныя. Ибо часто бываетъ такъ, что извѣстный отдѣльный народъ образуетъ собою и отдѣльное государство. Но иногда бываетъ и не такъ: одинъ и тотъ же на-

родъ распадается на нѣсколько государствъ, или одно и тоже государство обнимаетъ нѣсколько разноплеменныхъ народностей. Такія явленія въ области исторической, хотя можетъ быть представляющіяся и не совсѣмъ нормальными, но тѣмъ не менѣе встрѣчающіяся нерѣдко и вызываемыя извѣстными комбинаціями исторической жизни, необходимо заставляютъ на почвѣ самыхъ фактическихъ отношеній дѣлать различіе между понятіями народа и гоосударства, и отношеніями національными и государственными. Кромѣ того независимо отъ фактическихъ отношеній, эти понятія представляются различными по самому существу своему. Народность представляетъ непосредственную живую силу, составляющую въ извѣстномъ государствѣ самую основу его исторической жизни. Государство представляетъ внѣшнюю форму, въ которой развивается политическая жизнь извѣстнаго народа. Форма эта въ извѣстной степени бываетъ непосредственнымъ выраженіемъ силы и воли народной, но на нее много имѣютъ вліянія и внѣшнія случайныя условія. Народность представляетъ общій неизмѣнный типъ въ жизни извѣстнаго племени; формы государственныя въ различные періоды историческаго развитія могутъ мѣняться у одного и того же народа. Поэтому обязанности и отношенія государственныя мы должны въ строгомъ смыслѣ отличать отъ обязанностей и отношеній національныхъ.

Обязанности и отношенія національныя основываются на непосредственномъ природномъ чувствѣ; мы любимъ свое отечество и свой народъ, потому что принадлежимъ къ нимъ. Обязанности по отношенію къ государству не имѣютъ такого непосредственнаго характера, и въ значительной степени основываются уже на соображеніи тѣхъ цѣлей, выгодъ и отношеній, какія представляетъ намъ государство. Тѣмъ не менѣе и обязанности по отношенію къ государству имѣютъ для насъ весьма важное значеніе. Самъ Царь Небесный, Господь Іисусъ Христосъ, явившись на землѣ—въ средѣ человѣческихъ отношеній, Своимъ божественнымъ словомъ и примѣромъ утвердилъ и освятилъ наши обязанности по отношенію къ государству.

Онъ училъ воздавать *кесарева кесареви*, и Самъ, при появленіи Своемъ на землѣ, вписанъ былъ въ число подданныхъ кесаря, и не стыдился платить дань кесарю за Себя и за учениковъ Своихъ (Матѳ. XXII, 21; Луки II, 1—6; Матѳ. XVII, 25—27). И апостолы Христовы также внушали послѣдователямъ своимъ повиноваться властямъ и законамъ не по страху только, но и по совѣсти (Рим. XIII, 1, 5; Петр. II, 13), несмотря на то, что тогда власти и законы были враждебны послѣдователямъ Христовымъ, и исполненіе требованій государственныхъ нерѣдко могло приходить въ столкновеніе и противорѣчіе съ требованіями религіозными.

Добросовѣстнаго исполненія государственныхъ обязанностей требуетъ отъ насъ простое чувство честности и справедливости. Государство оберегаетъ нашу личность, охраняетъ наши интересы, даетъ намъ средства для развитія нашихъ силъ и устроенія личнаго благосостоянія. Поэтому и мы съ своей стороны обязаны заботиться о цѣлости, крѣпости, развитіи и благосостояніи государства, и по установленнымъ государственнымъ отношеніямъ воздавать всѣмъ должное: *емуже урокъ—урокъ, и емуже дань—дань, и емуже страхъ—страхъ, и емуже честь—честь.*

Добросовѣстное исполненіе государственныхъ обязанностей членами государства находится въ тѣсной связи съ ихъ собственнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ. Апостолъ внушаетъ христіанамъ прежде всего молиться за Царя и за всѣхъ власть имѣющихъ, чтобы намъ можно было подъ кровомъ ихъ *проводить тихое и безмятежное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тимоѳ. II, 1—2). Здѣсь выражается между прочимъ та мысль, что только при твердости государственныхъ отношеній, при общемъ государственномъ спокойствіи, можетъ спокойно и безпрепятственно развиваться и процвѣтать личная нравственная доблесть и чистота. Къ этому апостолъ присовокупляетъ еще особенное высшее побужденіе къ исполненію обязанностей государственныхъ: мы должны повиноваться власти изакону и зъ повиновенія Самому Богу. *Нѣтъ*

власти, которая была бы не отъ Бога; существующія власти отъ Бога установлены (Рим. XIII, 1). Въ этомъ съ естественной исторической точки зрѣнія можно подразумѣвать между прочимъ тотъ смыслъ, что во всякомъ народѣ извѣстная форма государственнаго устройства, законо ательства и управленія не есть явленіе случайное, но находится въ тѣсной связи съ нравственными свойствами и расположеніями самаго народа. Въ Ветхомъ Завѣтѣ—въ исторіи народа еврейскаго, находившагося подъ особеннымъ видимымъ водительствомъ Божіимъ, съ ясностію раскрывается эта глубокая тайна исторической жизни народовъ. Процвѣтаніе народной жизни подъ управленіемъ государей мудрыхъ и добрыхъ, и упадокъ ея при государяхъ нечестивыхъ и безнравственныхъ, независимость народа или порабощеніе его другимъ народомъ, находятся въ тѣсной связи съ нравственнымъ расположеніемъ народа, служатъ справедливымъ возмездіемъ нравственной доблести или нравственной вины его Отсюда открывается новое побужденіе повиноваться властителямъ не только благимъ и кроткимъ, но и строгимъ, — подчиняться законамъ и формамъ правленія не только легкимъ и благопріятнымъ для насъ, но и тяжкимъ и строгимъ,—подчиняться даже властямъ и законамъ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ, когда Господь предаетъ извѣстный нарадъ въ руки ихъ. Ибо Господь посылаетъ народамъ грозныхъ властителей и тяжелое управленіе, —Господь подчиняетъ народы чужомуигу за грѣхи ихъ, или для испыганія ихъ нравственной доблести—до тѣхъ поръ, пока они вразумленные и очищенные не обратятся на правый путь, и не будутъ призваны къ освобожденію и лучшему состоянію (*см. въ особенности книгу Судей*).

Разумѣется, впрочемъ, что повиновеніе властямъ и законамъ тогда только имѣетъ для насъ обязательную силу, когда оно не противорѣчитъ нашей совѣсти, нашимъ высшимъ нравственнымъ и религіознымъ обязанностямъ. Въ противномъ случаѣ мы конечно должны помнить, что *Богу нужно повиноваться болѣе, нежели людямъ* (Дѣян. IV, 19), и быть готовыми пре-

терпѣвать всевозможныя преслѣдованія отъ власти земной, но не измѣнять волѣ Царя Небеснаго. Такъ христіане первыхъ вѣковъ умѣли быть самыми лучшими подданными своихъ государей, самыми исправными исполнителями государственныхъ обязанностей, но умѣли твердо даже до смерти стоять за свои убѣжденія, когда власти и законы римской имперіи требовали отъ нихъ измѣны вѣрѣ. Но тѣмъ большія конечно побужденія повиноваться власти и закону, и быть вѣрными исполнителями государственныхъ обязанностей открываются тамъ, гдѣ исполненіе государственныхъ сбязанностей не можетъ угрожать никакими столкновеніями и противорѣчіями съ обязанностями религіозными и нравственными, гдѣ власти и законы не требуютъ ничего противнаго совѣсти и правдѣ, гдѣ напротивъ власть и законъ представляются первыми представителями и охранителями высшихъ нравственныхъ интересовъ подчиненнаго имъ народа, власть является народу не чужою, не отвнѣ насильственно наложенною, а своею единоплеменною, признанною и излюбленною самимъ народомъ, не грозною, строптивою и тяжелою, но кроткою, мудрою, справедливою, попечительною о благѣ народа...

Вникнемъ теперь подробнѣе, въ чемъ же состоятъ наши государственныя обязанности? Обязанности эти довольно сложны. Кромѣ обязанностей общихъ для всѣхъ членовъ государствъ у каждаго члена есть свои частныя обязанности, опредѣляемыя его общественнымъ положеніемъ, родомъ занятій, способностями и правами, какими онъ пользуется отъ государства. Но, не касаясь этихъ частныхъ обязанностей, мы конечно должны обратить вниманіе на самыя общія, обязательныя для всѣхъ членовъ государства.

Первая изъ этихъ обязанностей состоитъ въ томъ, что всѣ члены извѣстнаго государства должны честно и бдительно охранять цѣлость государства, и въ случаѣ какого-либо враждебнаго посягательства на нее, противодѣйствовать ему всѣми силами, и быть готовыми жертвовать для этого своими личными интересами, средствами и самою жизнью. Преимущественно

эта обязанность лежитъ на воинахъ, служащихъ государству. Имъ ввѣряетъ народъ или управляющая народомъ государственная власть охраненіе цѣлости государства, отъ которой зависитъ благосостояніе каждаго его члена. Отъ нихъ такимъ образомъ зависитъ спокойствіе и благосостояніе каждаго ихъ согражданина и единоплеменника, и они поэтому должны съ особенною внимательностію, ради общаго блага, помнить свое призваніе, и исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности. Поэтому-то если гдѣ—святость долга, вѣрность присягѣ, строжайшее до мельчайшихъ внѣшнихъ подробностей исполненіе служебныхъ требованій и постановленій должны имѣть важное значеніе, то по преимуществу въ военной службѣ. Ибо здѣсь въ особенности могутъ представляться такіе случаи, когда малѣйшее уклоненіе отъ установленныхъ служебныхъ требованій можетъ видимо угрожать большою опасностью для цѣлости государства, и слѣдовательно для благосостоянія всѣхъ его членовъ.

Другую обязанность не менѣе, если еще не болѣе важную для всѣхъ членовъ государства, и въ особенности для тѣхъ, на которыхъ она преимущественно возлагается, составляетъ охраненіе существующаго въ государствѣ внутренняго устройства. Внутреннее устройство въ государствѣ, какъ мы уже сказали, является не случайно, а находится въ связи съ кореннымъ условіями народной исторической жизни. Отъ твердости внутренняго устройства въ государствѣ зависитъ общее благо всѣхъ его членовъ; имъ обезпечивается спокойное и правильное развитіе всякой внутренней дѣятельности въ государствѣ. Поэтому каждый, насколько отъ него зависитъ, долженъ заботиться о твердости внутренняго государственнаго устройства, какъ по долгу совѣсти, такъ и ради своей собственной пользы. Формы государственнаго устройства и управленія, по условіямъ исторической жизни, иногда преобразуются и мѣняются; самъ Промыслъ Божій попускаетъ и благословляетъ быть такимъ измѣненіямъ (1 Царствъ VIII) тамъ, гдѣ они являются дѣломъ необходимости, направляются къ общему благу, и совершаются

съ возможною законностью и справедливостью. Но при всемъ томъ, нельзя не сознаться, что важныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ, даже и тогда, когда онѣ совершаются съ возможною осторожностью и справедливостью, сопровождаются нерѣдко потрясеніями и потерями для многихъ личныхъ интересовъ и для самаго государственнаго организма. Бываетъ иногда и такъ, что иные народные организмы оказываются неспособными къ перенесенію большихъ и частыхъ государственныхъ переворотовъ. Поэтому нужно быть весьма осторожными и сдержанными въ стремленіяхъ къ государственнымъ нововведеніямъ и перемѣнамъ. Такія стремленія особенную имѣютъ силу въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, преимущественно между молодыми образованными людьми. И нельзя не признать за этими стремленіями смысла и законности. Настоящая эпоха въ нашемъ отечествѣ — эпоха преобразованій. Многія важныя государственныя реформы мы уже получили отъ нашего добраго Монарха. Можно надѣяться, что много реформъ предстоитъ еще нашему отечеству впереди. Поэтому не удивительно, если общее вниманіе, особенно въ молодомъ поколѣніи, устремлено къ реформамъ. Но во всемъ нужно знать мѣру. Нужно, чтобы стремленіе къ реформамъ всегда уравновѣшивалось въ обществѣ сознаніемъ необходимости твердаго государственнаго строя. Нужно, чтобы стремленіе къ реформамъ въ обществѣ всегда было сознательно, и направлялось къ опредѣленнымъ несомнѣнно полезнымъ и удободостижимымъ цѣлямъ, а не расточалось въ мечтательныхъ замыслахъ, въ неопредѣленныхъ стремленіяхъ, въ жаждѣ ко всему новому ради одной новости...

Наконецъ, и это самое важное, желая всякихъ улучшеній своему государству въ будущемъ, мы должны умѣть пользоваться правильно удобствами тѣхъ государственныхъ порядковъ, какіе для насъ существуютъ въ настоящемъ, и добросовѣстно исполнять уже установленныя въ государствѣ требованія и законы. Твердость и благосостояніе государства всего болѣе зависятъ отъ правильнаго и честнаго исполненія зако-

новъ. Поэтому долгъ всякаго члена государства соблюдать законы и содѣйствовать распространенію и укрѣпленію въ обществѣ чувства законности. Тогда только въ обществѣ каждый можетъ быть увѣренъ во взаимной справедливости и неприкосновенности своихъ правъ и интересовъ, когда въ немъ будетъ распространено и укрѣплено чувство законности. Укрѣпленіе же чувства законности въ обществѣ зависитъ отъ личнаго уваженія къ закону со стороны каждаго члена общества, и преимущественно со стороны такихъ лицъ, которыя въ этомъ отношеніи могутъ быть примѣромъ и для другихъ, со стороны личностей умныхъ, образованныхъ, вліятельныхъ. Такъ и каждый изъ васъ, какъ мы уже упоминали, долженъ быть образцемъ уваженія къ закону для своихъ подчиненныхъ. На тѣхъ же личностяхъ, которыя имѣютъ вліяніе на самое составленіе законовъ, и которымъ ввѣряется наблюденіе за дѣйствіемъ ихъ, лежитъ конечно обязанность не только самимъ быть первыми исполнителями законовъ, но и заботиться о томъ, чтобы законы были хорошіе, чтобы они направлены были къ возможно лучшему обезпеченію всякаго личнаго и общаго блага, чтобы они удобно могли быть исполняемы, и достигали своей цѣли наилучшимъ образомъ.

Долгъ каждаго члена государства состоитъ также въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать развитію и процвѣтанію своего государства во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ—въ религіозномъ, нравственномъ, умственномъ, промышленномъ, военномъ и т. д. Кто можетъ имѣть какое-либо вліяніе на какую-либо отрасль государственной жизни, тотъ долженъ содѣйствовать этому силою своего вліянія. Кто имѣетъ большія матеріальныя средства, тотъ можетъ матеріальными пожертвованіями содѣйствовать улучшенію какой-либо части въ государственной жизни. Кто не имѣетъ высокаго положенія въ обществѣ и большихъ матеріальныхъ средствъ, тотъ долженъ содѣйствовать общему государственному благу честнымъ трудомъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ частныхъ обязанностей, и разумнымъ сочувствіемъ всякому истин-

ному государственному интересу. Изъ добросовѣстнаго исполненія указанныхъ государственныхъ обязанностей каждымъ членомъ государства и слагается общее государственное благо.

Кромѣ этихъ общихъ обязанностей для всѣхъ членовъ во всякомъ государствѣ,—въ государствахъ монархическихъ, гдѣ высшее представительство государственнаго устройства сосредоточивается въ единоличной власти, открываются еще особенныя обязанности для подданныхъ по отношенію къ личности своего Монарха. Въ христіанскихъ государствахъ личность Монарха, призываемая къ руководительству и управленію цѣлаго народа, получаетъ высшее религіозное освященіе. Въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта царь изображается помазанникомъ и избранникомъ Божіимъ, особа царская называется неприкосновенною, и подданнымъ внушается глубокое уваженіе къ личности царя. И въ Новомъ Завѣтѣ апостолъ завѣщаваетъ христіанамъ прежде всего возсылать *молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за царя* (2 Тимоѳ. 11, 1), несмотря на то, что цари тогда были язычники, враждебно, относившіеся къ христіанамъ, и великіе деспоты притѣснители своего народа. Но особенныя побужденія не только повиноваться власти монаршей и чтить ее, но искренно любить своего царя, открываются тамъ, гдѣ царь является для подданныхъ не только властителемъ, но и поистинѣ отцомъ, любящимъ своихъ подданныхъ, какъ дѣтей, заботящимся о ихъ благѣ, вникающимъ въ ихъ нужды, сочувствующимъ ихъ радостямъ и горестямъ, и умѣющимъ устроять общее народное благо. Такъ, да запечатлѣется въ сердцѣ каждаго сына великой Россіи глубокая и крѣпкая любовь къ Великому и Доброму Государю Александру Николаевичу, освободителю многихъ милліоновъ народа, возстановителю правды и милости на судѣ, ревнителю вѣры, просвѣщенія и добрыхъ нравовъ въ государствѣ, въ продолженіе своего царствованія много уже совершившему важныхъ преобразованій ко благу своего народа, и не престающему давать народу новыя права и льготы. Да воздастъ Ему Господь Своею милостію за любовь къ народу!

Да сохранитъ Его на многія лѣта! Да пошлетъ Ему постоянное утѣшеніе въ любви семейной и любви народной! Да дастъ Ему видѣть благіе плоды мѣръ, предпринимаемыхъ имъ для народнаго возвышенія и счастія! Да дастъ Господь успѣшное и безпрепятственное осуществленіе всѣмъ Его благимъ мѣрамъ! Да пошлетъ Ему добрыхъ совѣтниковъ и помощниковъ, честныхъ и разумныхъ исполнителей Его плановъ! Да укрѣпитъ Его Господь въ Его великомъ царственномъ подвигѣ, и да даруетъ Ему въ грядущія лѣта царствованія мирно и благополучно довершить все, что такъ славно начато и совершено Имъ въ истекшія лѣта!..

* * *

Семьи и общества, народности и государства дѣлятъ родъ человѣческій на безчисленное множество разнообразныхъ группъ. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свой кругъ отношеній и интересовъ, связывающихъ въ одинъ союзъ принадлежащія къ ней личности. Но связями семейными, общественными, національными и государственными еще не ограничивается та необозримо широкая среда отношеній и интересовъ, въ которыхъ предназначается развиваться человѣческой личности. Далѣе интересовъ семьи, общества, національности и государства начинаются для человѣка интересы общечеловѣческіе. Человѣкъ есть членъ великой семьи человѣчества. Человѣкъ есть гражданинъ міра. Эта послѣдняя ступень его земныхъ отношеній выше всѣхъ другихъ преждеуказанныхъ. Дороги для человѣка связи семейныя, общественныя, государственныя, но всего дороже для него самая человѣческая природа. Святы и почтенны для человѣка названія отца, сына, брата, члена извѣстнаго общества, народа и государства; но всего почтеннѣе для него названіе человѣка. Какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ, какое бы знатное имя и достоинство ни носилъ, но достоинство и названіе человѣка для него выше всего. Это достоинство и названіе такъ высоко и почтенно, что Самъ

Сынъ Божій, находясь на землѣ, любилъ по преимуществу называть Себя *сыномъ человѣческимъ*.

Отсюда открывается для насъ новый рядъ обязанностей по отношенію къ собственному нашему человѣческому достоинству, и ко всѣмъ тѣмъ, которые вмѣстѣ съ нами носятъ это достоинство. Человѣкъ долженъ цѣнить и уважать въ себѣ человѣческое достоинство, охранять и развивать его, т.-е. стараться воспитывать въ себѣ такія свойства, которыя наиболѣе могутъ свидѣтельствовать о его человѣческомъ достоинствѣ, т.-е. разумъ, свободу, любовь ко всему возвышенному, доброму и прекрасному, и удаляться отъ всего того, чтобы могло бы унижать его природу до природы животной, т.-е. отъ неразумія, грубости, чувственности, звѣрства и т. п. Человѣкъ долженъ полагать свое высшее назначеніе не въ томъ, чтобы ѣсть, пить, спать, дѣлать, что дѣлаютъ животныя,—но въ томъ по преимуществу, чтобы мыслить, любить, непрестанно совершенствоваться нравственно, что исключительно свойственно человѣческой природѣ. Человѣкъ долженъ опредѣлять свои отношенія къ другимъ людямъ не столько по внѣшнимъ частнымъ условіямъ жизни—по богатству, знатности, высокому или низкому общественному положенію, сколько прежде всего по внутреннему человѣческому достоинству, которое у всѣхъ людей одинаково. Это должно предохранять его съ одной стороны отъ униженія и лести, когда онъ занимаетъ низшее общественное положеніе сравнительно съ другими, а съ другой стороны отъ высокомѣрія и грубости, когда онъ по общественному положенію стоитъ выше другихъ. Точно также и въ другихъ человѣкъ долженъ уважать и цѣнить не столько какія-либо внѣшнія качества, сколько человѣческое достоинство, и отдавать предпочтеніе въ жизни не столько богатству, знатному происхожденію, матеріальной силѣ, сколько нравственнымъ человѣческимъ качествамъ—уму, таланту, нравственной чистотѣ, благородству характера и т. д. Изъ этого не слѣдуетъ конечно, чтобы мы имѣли право относиться небрежно и грубо къ людямъ, пользующимся преимуществами внѣшняго положенія

въ жизни. И внѣшнимъ преимуществамъ мы должны воздавать все требуемое общественными условіями, особенно если внѣшнія преимущества соединяются въ человѣкѣ съ внутреннимъ нравственнымъ достоинствомъ. Но нужно только, чтобы мы не обращали вниманія въ людяхъ на внѣшнія преимущества болѣе, чѣмъ на внутреннія нравственныя достоинства. Наконецъ во всякомъ человѣкѣ, независимо отъ его внѣшняго положенія, независимо даже отъ его нравственныхъ достоинствъ и недостатковъ, мы должны уважать и любить человѣческую природу, человѣческую личность, и во имя человѣческой природы со всѣми людьми должны обращаться съ человѣколюбіемъ, справедливостью и безпристрастіемъ. Даже въ личностяхъ порочныхъ, преступныхъ, падшихъ нравственно, мы не должны забывать братьевъ по происхожденію, не должны относиться къ нимъ съ фарисейскимъ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ, но должны въ каждомъ человѣкѣ уважать, цѣнить, и насколько возможно возбуждать и поддерживать всякую искру человѣческаго достоинства, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не чуждался въ жизни грѣшниковъ, мытарей и блудницъ, но всѣхъ обращалъ на правый путь Своею божественною кротостью и всепрощающею любовію...

Къ людямъ, связаннымъ съ нами узами крови, единствомъ вѣры, связями національными, единствомъ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ, мы конечно прежде всего должны относиться съ своею любовію и попечительностью, но затѣмъ, когда предстоитъ къ тому случай, мы должны быть готовы всякому человѣку оказать помощь и добро, независимо отъ всякихъ разностей общественнаго положенія, образованія, національности и даже религіи, какъ это опять раскрылъ Господь Іисусъ Христосъ въ притчѣ о человѣкѣ, израненномъ разбойниками и взятомъ на попеченіе милосердымъ Самаряниномъ (Луки X, 30—37).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны заботиться, насколько это отъ насъ зависитъ, и о развитіи между другими людьми, особенно между близкими къ намъ, истинно человѣческихъ—разум-

ныхъ и гуманныхъ—понятій, чувствъ и отношеній. Если же мы мало можемъ имѣть вліянія на другихъ людей, по крайней мѣрѣ въ душѣ своей мы всегда можемъ носить сочувствіе ко всѣмъ высшимъ человѣческимъ интересамъ. Всякая побѣда человѣка надъ неразумною природою, всякое высокое созданіе человѣческаго таланта и генія, всякій успѣхъ человѣческаго ума въ области науки, искусства и устроенія общественной жизни, всякое благородное проявленіе человѣческаго характера, всякій высокій нравственный подвигъ человѣческой воли, всякое нравственное исправленіе и возстановленіе человѣческой личности изъ падшаго состоянія въ лучшее нравственное состояніе, всякое распространеніе высокихъ идей и добрыхъ нравовъ въ человѣчествѣ, всякій прогрессъ историческій, всякое улучшеніе общественной жизни въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ—должны радовать насъ, какъ наше собственное благо и счастіе. И напротивъ всякое человѣческое горе и страданіе, всякое замедленіе человѣческаго развитія, всякое противодѣйствіе лучшимъ человѣческимъ идеямъ и стремленіямъ всякое искаженіе и униженіе человѣческой личности, человѣческаго достоинства лучшихъ нравственныхъ человѣческихъ качествъ—должны быть противны и тяжелы для насъ, какъ наше собственное горе, страданіе и униженіе. *Ничто человѣческое не должно быть намъ чуждо*, по изреченію древняго мудреца... Въ этомъ состоитъ высшее развитіе человѣческой личности, высшая цѣль естественнаго человѣческаго назначенія...

Но здѣсь представляется вопросъ, нерѣдко затрудняющій многихъ и имѣющій очень важное значеніе въ человѣческой жизни. Когда человѣческая личность разовьется до самаго широкаго всеобъемлющаго сочувствія къ общимъ человѣческимъ интересамъ, не теряютъ ли тогда для человѣка значенія низшія, болѣе тѣсныя связи и интересы—семейныя, товарищескія, дружескія, національныя и государственныя? Нѣкоторые такъ и понимаютъ идеалъ человѣческихъ отношеній, что для человѣка, достигшаго высшаго человѣческаго развитія, для истин-

наго космополита—теряютъ значеніе и семья, и народъ, и государство. Но такое пониманіе человѣческихъ отношеній совершенно превратно, и такой космополитизмъ представляетъ не нормальное, не идеальное, но весьма дурное, уродливое явленіе въ человѣческой жизни. Нормальныя человѣческія отношенія могутъ развиваться одни при другихъ, одни посредствомъ другихъ, а не одни насчетъ другихъ. Только тотъ истинно можетъ любить человѣчество, кто любитъ свой народъ, и только тотъ можетъ любить народъ, кто любитъ свою семью. Обольщаются или лицемѣрятъ тѣ, которые говорятъ, что они любятъ человѣчество, и не любятъ своего народа,—или любятъ народъ, и не любятъ своей семьи. Правильное развитіе человѣческихъ отношеній совершается, такъ сказать, не отъ окружности къ центру, а отъ центра къ окружности. Нельзя научиться любить, начавъ съ неопредѣленной идеи человѣчества, и затѣмъ мало-по-малу перенося свою любовь на болѣе тѣсныя представленія народа и семьи. Такъ можно научиться любить только свои собственныя представленія и идеи о человѣчествѣ, народѣ или семьѣ, но не живыхъ людей, составляющихъ человѣчество, народъ и семью. Любовь, какъ выражаются философы, есть чувство конкретное. Оно возбуждается въ нормальномъ своемъ отправленіи живыми личностями, а не идеями, хотя можетъ и должно на высшихъ ступеняхъ своего развитія осмысливаться и освѣщаться идеями. Мы прежде всего научаемся любить близкихъ къ намъ людей—отца, мать, братьевъ и сестеръ, товарищей и знакомыхъ, и затѣмъ наше чувство расширяется до болѣе широкихъ сочувствій къ цѣлому народу и къ человѣчеству. Но на этой послѣдней и самой широкой ступени человѣческаго развитія для человѣка не пропадаютъ, не теряютъ своего значенія прежнія болѣе тѣсныя формы и проявленія человѣческихъ отношеній, но сохраняютъ все свое значеніе, и получаютъ болѣе смысла, полноты и силы одна чрезъ другую.

Здѣсь между прочимъ мы можемъ найти ключъ къ разрѣшенію встрѣчающихся въ жизни затрудненій при разъясненіи

вопроса: какъ долженъ поступать разумный и честный человѣкъ при столкновеніи интересовъ и обязанностей семейныхъ съ общественными, и національныхъ съ общечеловѣческими? Собственно говоря — трудно дать по этому вопросу общій опредѣленный на всѣ частные случаи отвѣтъ,—такой отвѣтъ, котораго нельзя было бы истолковать въ превратномъ смыслѣ и которому нельзя было бы дать фальшиваго примѣненія. Можно сказать только одно, что разумный и честный человѣкъ долженъ по возможности заботиться о соблюденіи и примиреніи всѣхъ законныхъ интересовъ семейныхъ и общественныхъ, національныхъ и общечеловѣческихъ. Но когда это оказывается невозможнымъ, когда между общими и частными интересами оказывается противорѣчіе, можно давать въ такомъ или другомъ случаѣ на предложенный вопросъ различные отвѣты, смотря по характеру личности, интересующейся разрѣшеніемъ вопроса, и по характеру самыхъ интересовъ, столкновеніе которыхъ бываетъ поводомъ къ вопросу. Въ иномъ случаѣ нужно сказать, что интересы общіе нужно предпочитать частнымъ т.-е. общечеловѣческіе національнымъ, и національные личнымъ и семейнымъ,—а въ другомъ случаѣ лучше будетъ сказать, что нужно прежде заботиться объ интересахъ ближайшихъ къ намъ, напримѣръ семейныхъ, а потомъ уже о болѣе широкихъ—національныхъ и общечеловѣческихъ. И тотъ и другой отвѣтъ можетъ быть справедливъ въ извѣстномъ случаѣ, и тому и другому можетъ быть дано фальшивое истолкованіе людьми того желающими. Люди, у которыхъ неправильно развиты личныя чувства и отношенія къ другимъ людямъ, могутъ находить поводъ уклоняться отъ своихъ ближайшихъ семейныхъ обязанностей во имя служенія болѣе важнымъ и широкимъ интересамъ національнымъ и общечеловѣческимъ, или напротивъ оправдывать грубое равнодушіе къ интересамъ національнымъ и общечеловѣческимъ исключительнымъ служеніемъ семейнымъ интересамъ. Но люди, у которыхъ правильно развиты личныя чувства и отношенія къ другимъ людямъ, умѣютъ соглашать и соблюдать всѣ

законные интересы — семейные и общественные, національные и общечеловѣческіе, и въ затруднительныхъ случаяхъ находятъ возможность, руководствуясь указаніемъ собственнаго смысла и чувства, вѣрно опредѣлять, когда нужно предпочесть интересы общіе частнымъ, и когда—интересы болѣе тѣсные и близкіе широкимъ и отдаленнымъ. Такими людьми и нужно стараться быть всѣмъ намъ.

* * *

Всѣ разсмотрѣнныя нами доселѣ связи и отношенія человѣка—къ семьѣ и обществу, къ народу и государству, и наконецъ къ цѣлому человѣчеству, представляютъ живую среду для нравственнаго развитія человѣческой личности въ предѣлахъ настоящей земной жизни. Но въ настоящей кратковременной жизни не можетъ быть положенъ предѣлъ существованію и развитію человѣческой личности. Здѣсь нравственное развитіе человѣка только начинается, высшіе нравственные идеалы только мало-по-малу выясняются предъ нимъ и далеко не осуществляются, и всѣ добрыя стремленія его природы находятся въ борьбѣ съ безчисленнымъ множествомъ препятствій. Есть для человѣка другая жизнь, не ограничивающаяся предѣлами нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, но жизнь безконечная, какъ безконечны стремленія человѣческаго духа, жизнь полная блаженства, въ которой должны найдти себѣ осуществленіе всѣ высшіе идеалы, получить удовлетвореніе всѣ благороднѣйшія стремленія человѣческой природы. Въ эту жизнь, которая должна быть завершеніемъ всѣхъ высшихъ стремленій человѣческой личности, не могутъ не вѣровать всѣ искренно жаждущіе и чающіе правды, добра и счастія. И есть для человѣка высшая сфера нравственныхъ связей и отношеній, которая, начинаясь въ предѣлахъ настоящей жизни, уже здѣсь поставляетъ его личность выше земныхъ стремленій и интересовъ, и пріуготовляетъ ее къ безконечному развитію и полнѣйшему удовлетворенію всѣхъ высшихъ стремленій въ

жизни будущей. Эту самую высшую сферу нравственныхъ отношеній представляетъ человѣку *Церковь*.

Основою нравственныхъ отношеній, соединяющихъ человѣка съ Церковію, представляются не естественныя связи плоти и крови, не разсчетъ личныхъ выгодъ и матеріальныхъ интересовъ, но самые высшіе интересы духа—глубочайшія жизненныя убѣжденія, чаянія и стремленія. Кругъ нравственныхъ отношеній, въ которыя вступаетъ человѣкъ, находящійся въ единеніи съ Церковью, не ограничивается болѣе или менѣе тѣсными предѣлами извѣстной семьи, общества, національности и государства, не ограничивается предѣлами цѣлаго человѣчества въ какой-либо опредѣленный періодъ его существованія. Церковь—вѣчное царство Божіе—въ полнотѣ своего существованія стоитъ выше условій пространства и времени, простирается далѣе предѣловъ земной жизни, обнимаетъ въ себѣ безчисленные сонмы личностей, находящихся въ живомъ нравственномъ общеніи, принадлежащихъ всѣмъ вѣкамъ, странамъ и народамъ, —живущихъ на землѣ и оставившихъ земную жизнь—ибо предъ Богомъ всѣ живы (Матѳ. XXII, 32), и живущіе въ этомъ мірѣ и отшедшіе въ другой міръ по благодати Божіей находятся въ въ тѣсномъ нравственномъ единеніи вѣры и молитвы. Здѣсь такимъ образомъ человѣкъ вступаетъ въ живое общеніе съ личностями самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, со всѣми величайшими подвижниками вѣры и правды, когда-либо жившими на землѣ. Здѣсь человѣкъ вступаетъ въ живое общеніе съ міромъ чистыхъ безплотныхъ духовъ—съ міромъ ангеловъ, которымъ Господь по благодати Своей даетъ возможность не только принимать близкое нравственное участіе въ судьбѣ людей, но и дѣятельно помогать людямъ въ достиженіи ихъ высшаго назначенія. (Евр. I, 14). Здѣсь наконецъ человѣкъ вступаетъ въ общеніе съ Высочайшимъ источникомъ всякаго добра, совершенства и блаженства—съ самимъ Богомъ, и въ общеніе такое живое и дѣйствительное, что духъ его становится обителью Божественной Троицы (Іоан. XIV, 23) и человѣкъ пріі-

общается самой пречистой плоти и животворящей крови своего Спасителя Богочеловѣка... (Іоан. VI, XV)...

Возвышеннѣе, святѣе и дороже этихъ связей для человѣка быть ничего не можетъ... Другія естественныя связи даютъ человѣку много сладкаго и дорогаго; семья даетъ ему дорогія наименованія и положенія отца, сына, брата и т. д.,—общество, національность, государство, даютъ ему многозначительныя въ жизни права и званія своего члена; во имя своей человѣческой природы человѣкъ носитъ самое высшее изъ всѣхъ естественныхъ достоинствъ и названій названіе и достоинство человѣка — сына человѣческаго. Но церковь даетъ человѣку еще болѣе высокое достоинство и наименованіе—достоинство и наименованіе *сына Божія*. Ибо Божественная Глава Церкви—Господь Іисусъ Христосъ, благоволившій вступить въ преискреннее общеніе съ людьми, и принять на Себя наименованіе сына человѣческаго, даровалъ всѣмъ своимъ братьямъ по плоти и духу, всѣмъ вѣрующимъ во имя Его, всѣмъ членамъ Его живаго тѣла—Церкви высочайшее право быть и именноваться *чадами Божіими*. (Іоан. I, 13).

Другія естественныя связи и отношенія содѣйствуютъ нравственному развитію человѣческой личности. Въ живой связи съ семьею и обществомъ, съ національностью и государствомъ, и съ важнѣйшими интересами человѣчества, человѣкъ пополняетъ свое личное существованіе, расширяетъ кругъ своихъ интересовъ, развиваетъ и дѣятельно упражняетъ свои лучшія нравственныя стремленія и свойства. Но одними естественными связями безъ высшей, укрѣпляющей и освящающей ихъ, нравственной связи, духовное развитіе человѣка еще не можетъ быть твердо обусловлено. Ибо всѣ естественныя связи, семейныя, общественныя, національныя, и т. д. по тому самому, что это связи естественныя, могутъ достигать высшаго нравственнаго развитія, но могутъ и оставаться на низшихъ ступеняхъ въ непосредственномъ своемъ состояніи, могутъ даже грубѣть болѣе и болѣе, обращаясь въ непосредственныя влеченія животнаго инстинкта, или сосредоточиваясь и развиваясь исключи-

тельно въ сферѣ личныхъ интересовъ и разсчетовъ. Притомъ всякая естественная человѣческая среда опять по тому самому, что она естественная, человѣческая, можетъ представлять благопріятныя и неблагопріятныя условія для нравственнаго развитія человѣческой личности. Ибо во всякой человѣческой средѣ (въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ и т. д.), по самымъ свойствамъ человѣческой природы и жизни, представляется много добра и зла, достоинствъ и недостатковъ, благопріятныхъ и неблагопріятныхъ вліяній, какъ это каждый изъ насъ можетъ знать по личному наблюденію и опыту. Одна Церковь стоитъ въ мірѣ выше всякой скверны и порока (Ефес. V, 27), какъ чистая и святая невѣста Христова, омытая кровью Искупителя, и непрестанно освящаемая благодатію живущаго въ ней Духа Божія. Ибо хотя Церковь составляется на землѣ изъ слабыхъ и несовершенныхъ человѣческихъ личностей, но они находятся здѣсь въ постоянномъ живомъ общеніи съ вседѣйствующею и всеосвящающею благодатію Божіею (Іоан. X, 5), ею какъ бы перерождаются (Іоан. III) для высшей духовной жизни въ таинствѣ крещенія, и постоянно укрѣпляются въ ней вѣрою и молитвою и участіемъ въ другихъ таинствахъ. Поэтому только здѣсь нравственное развитіе человѣка имѣетъ для себя вполнѣ твердые залоги. Здѣсь закрѣпляются и получаютъ высшее нравственное значеніе для человѣка и всѣ его низшія естественныя связи, связи съ семьею, обществомъ, національностью, государствомъ, и завязываются для него новыя высшія связи и отношенія къ міру духовному, связи чуждыя всякаго плотскаго естественнаго характера, всякихъ низшихъ побужденій личной выгоды и земнаго интереса, но имѣющія исключительно высшій нравственный характеръ, и потому всецѣло содѣйствующія высшему нравственному развитію человѣческой личности. Поэтому, если свойственно, вполнѣ законно и необходимо человѣку дорожить всѣми естественными связями и отношеніями семейными, общественными, національными и общечеловѣческими, то еще болѣе должно ему дорожить высшею нравственною связью въ жизни, связью съ Церковью. И мы всѣ, дѣти православной

Церкви, отъ самаго младенчества, родившіяся и воспитавшіяся въ христіанскихъ семействахъ, и имѣющія всѣ условія къ тому, чтобы быть въ жизни добрыми христіанами, должны глубоко благодарить Господа за то, что Онъ далъ намъ въ жизни такія благопріятныя условія для нравственнаго развитія.

Къ сожалѣнію, многіе изъ людей, даже и называющихся членами Церкви, весьма мало сознаютъ значеніе тѣхъ высшихъ нравственныхъ связей, которыя соединяютъ ихъ съ Церковію. Другія низшія связи, естественныя—связи съ семьею, съ обществомъ, съ національностью и государствомъ, болѣе цѣнятся и поддерживаются людьми, можетъ быть, потому именно, что это связи естественныя, обусловливаемыя въ извѣстной степени непосредственными влеченіями инстинкта и соображеніями ближайшихъ личныхъ интересовъ, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ руководится сознаніе большей части людей. Но къ высшимъ нравственнымъ связямъ, соединяющимъ человѣка съ Церковію, многіе изъ людей, даже и считающихся развитыми, нравственными и благонамѣренными, относятся болѣе холодно и равнодушно. И это также, кромѣ разныхъ частныхъ причинъ, всего болѣе зависитъ отъ того, что связи эти сами по себѣ слишкомъ чисты и высоки, совершенно чужды всякаго чувственнаго инстинктивнаго характера и всякихъ побужденій личнаго разсчета и интереса, имѣютъ исключительно нравственный характеръ, и поэтому требуютъ такой высоты нравственнаго развитія, такой чистоты отношеній, до какихъ большая часть людей не оказываются способными (потому что и не стараются о томъ) возвыситься. Потому-то большая часть людей, даже и принадлежащихъ къ Церкви, далеко не получаютъ, какъ мы видимъ, отъ связей съ нею такихъ благотворныхъ плодовъ въ своей нравственной жизни, какихъ нужно бы было ожидать. Въ практической жизни мы видимъ, что иные изъ христіанъ не обращаютъ никакого вниманія на свои отношенія къ Церкви и даже относятся къ нимъ завѣдомо небрежно,—потому не удивительно, и живутъ ни мало не отличаясь отъ язычниковъ. Другіе свои отношенія къ Церкви

ограничиваютъ внѣшнимъ формальнымъ исполненіемъ извѣстныхъ обрядовыхъ требованій, не вникая въ ихъ внутренній нравственный смыслъ; не удивительно, если и эти не получаютъ отъ своихъ связей съ Церковію большихъ плодовъ, ибо нравственное вліяніе Церкви по преимуществу должно сказываться въ духѣ и жизни, и потому не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ воспринимаютъ его безъ духа и жизни—одною внѣшностью и формой. Есть и такіе люди, которые, сознавая великое значеніе религіи и Церкви въ идеѣ, стараются тѣмъ не менѣе въ жизни отдѣлять ея вліянію только такъ-сказать извѣстный и какъ можно меньшій уголокъ, какъ бы всячески опасаясь того, чтобы религія не распространила своего вліянія на жизнь далѣе указанныхъ ей предѣловъ и не стѣснила болѣе, чѣмъ сколько желается, плотскихъ похотей и эгоистическихъ интересовъ. Иные имѣютъ объ отношеніяхъ своихъ религіозныхъ и церковныхъ такое превратное представленіе, что эти отношенія имѣютъ значеніе только для жизни будущей, которая еще неизвѣстно когда настанетъ, но не могутъ имѣть никакого, даже съ нравственной стороны, значенія для жизни земной, настоящей, какъ будто нравственныя стремленія и интересы человѣческой природы въ жизни будущей могутъ быть совсѣмъ иные, чѣмъ въ настоящей, и сама человѣческая личность тогда совершенно измѣнится,—какъ будто настоящая жизнь не служитъ только приготовленіемъ къ будущей, а будущая не будетъ служить завершеніемъ настоящей.

Иные наконецъ до того противополагаютъ нравственныя отношенія и требованія, налагаемыя на человѣка религіею и Церковію, всякимъ естественнымъ нравственнымъ отношеніямъ и требованіямъ, что считаютъ какъ бы совершенно невозможнымъ совмѣстное развитіе однихъ съ другими, и отрицаютъ требованія религіозныя во имя естественныхъ требованій и отношеній, полагая, что когда человѣкъ слишкомъ вдается въ жизни въ связи и отношенія религіозныя, то у него непремѣнно должны слабѣть естественныя связи, и онъ уже не мо-

жетъ быть хорошимъ семьяниномъ и членомъ общества, горячимъ патріотомъ, полезнымъ гражданиномъ въ своемъ государствѣ, человѣкомъ сочувствующимъ всякимъ естественнымъ человѣческимъ интересамъ. Ошибочное представленіе! Гдѣ же какъ не въ религіи и Церкви всѣ естественныя связи и отношенія человѣческой жизни получаютъ себѣ укрѣпленіе, освященіе, и тотъ высшій идеальный характеръ, при которомъ они отрѣшаются отъ своей первоначальной чувственной и инстинктивной грубости, и получаютъ высшее сознательное и нравственное значеніе, вполнѣ соотвѣтствующее нравственному достоинству и назначенію человѣческой природы? Развѣ не подъ вліяніемъ религіи и Церкви въ христіанскомъ мірѣ возвысилась человѣческая личность, очистился и укрѣпился семейный союзъ, государственныя отношенія поставлены на твердыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманныхъ нравственныхъ началахъ, идея національности получила правильное освѣщеніе и примиреніе съ высшею общечеловѣческою идеею? Развѣ когда-либо въ языческомъ мірѣ, внѣ вліянія христіанской религіи и Церкви, бывали и возможны были тѣ возвышенныя нравственныя представленія о человѣческой личности и ея назначеніи, о семьѣ и обществѣ, о національности и государствѣ, какія есть у насъ теперь? Развѣ добрые христіане, люди религіозные—не лицемѣрно и формально, но истинно религіозные—и въ прежнее время не являлись всегда, и въ настоящее время не являются—самыми преданными дѣтьми своего народа и вѣрными и полезными гражданами государства, людьми наилучшимъ образомъ понимающими свое человѣческое назначеніе и всѣ высшіе человѣческіе интересы и обязанности? Такъ въ сферѣ вышихъ религіозныхъ церковныхъ отношеній всѣ другія нормальныя и законныя отношенія и обязанности человѣка—семейныя, общественныя, національныя, государственныя—не ослабляются, не подавляются, но еще болѣе укрѣпляются, возвышаются, очищаются, освящаются, и здѣсь такимъ образомъ находитъ высшую и полнѣйшую среду для своего нравственнаго развитія человѣческая личность...

Итакъ я долженъ заключить свою прощальную бесѣду съ вами и всѣ высказанные вамъ въ ней совѣты, наставленія и благожеланія—послѣднимъ самымъ важнѣйшимъ, и наиболѣе изъ всѣхъ требующимъ вашего вниманія, завѣщаніемъ: «Разумно, честно и добросовѣстно исполняя всѣ свои нравственныя обязанности по отношенію къ семьѣ, обществу, народу, государству и всему человѣчеству, старайтесь прежде всего со всею искренностію исполнять свои религіозныя обязанности, поддерживать живыя отношенія къ Церкви, и въ этомъ находить подкрѣпленіе и освященіе къ честному и разумному исполненію другихъ обязанностей. Не будьте невнимательны къ великому божественному дару, что вы отъ дѣтства призваны быть членами Церкви, и родились и воспитались въ христіанствѣ. Не будьте, именуясь христіанами, язычниками по жизни, не вѣдущими или не брегущими о тѣхъ высокихъ дарахъ Божіей благодати, которые предлагаются христіанамъ въ Церкви. Не ограничивайте своихъ отношеній къ Церкви внѣшнимъ формальнымъ исполненіемъ обрядовыхъ обязанностей, но входите искреннѣйшимъ образомъ, какъ живые члены церковнаго тѣла, во внутреннюю жизнь Церкви, почерпайте въ ней для себя высокіе нравственные идеалы и благодатныя силы къ ихъ осуществленію, поддерживайте постоянное молитвенное общеніе со всѣми членами Церкви земной и небесной, и наипаче съ Божественною Главою ея—Господомъ Іисусомъ Христомъ, входите въ общеніе съ благодатными силами Духа Святаго въ таинствахъ церковныхъ. Получая отъ Церкви всѣ благодатныя силы къ жизни и спасенію, и сами имѣйте о ней искреннее попеченіе, какъ ея родныя любящія дѣти, какъ живые, чувствующіе и сознательные, а не какъ мертвые и безчувственные члены церковнаго организма. Принимайте живое участіе въ судьбѣ—въ интересахъ Церкви, живите общею церковною жизнію, радуйтесь радостями Церкви, соболѣзнуйте скорбямъ ея, ревнуйте о ея славѣ и чистотѣ, старайтесь по силамъ своимъ освобождать ее отъ всего приражающагося къ ней нечистаго и недостойнаго, противодѣй-

ствуйте всякимъ враждебнымъ покушеніямъ противъ нея.“ Въ этомъ заключаются обязанности всякаго истиннаго христіанина по отношенію къ матери своей—Церкви.

* * *

Когда вы честно и свято будете исполнять всѣ свои нравственныя обязанности, и съ чистотою и съ достоинствомъ пройдете жизненный путь въ качествѣ членовъ семьи, общества, народа, государства, человѣчества и Церкви, тогда вы совершите все, что призваны совершить въ этой жизни, и перейдете, когда Господь призоветъ къ тому каждаго изъ васъ, изъ жизни кратковременной настоящей, которая служитъ только въ своемъ родѣ приготовительною школою къ вѣчно блаженному существованію человѣка, въ жизнь будущую, вѣчную, гораздо съ полнѣйшею и совершеннѣйшею радостію, чѣмъ съ какою теперь переходите изъ нашей школы на поприще служебное и въ жизнь общественную.

25 іюля 1870 г.

VIII.

Нравственныя требованія военнаго званія.

Поздравляю васъ со вступленіемъ въ общественную службу, и со всею искренностію, какъ бывшій вашъ наставникъ и отецъ духовный, желаю вамъ вполнѣ достойно, съ пользою и честію для самихъ себя и для общества, выполнить свое общественное призваніе. Въ наше время военная сила получаетъ очень большое значеніе въ общественной и политической жизни—въ судьбахъ цѣлыхъ народовъ. Поэтому служить въ военной службѣ въ настоящее время должно быть особенно лестно и почетно. Но, дабы военная служба по самому существу своему могла имѣть въ обществѣ возможно болѣе значенія, — дабы военная сила на дѣлѣ приносила обществу ту пользу, какой отъ нея ожидать можно, нужно желать, чтобы военная сила была въ обществѣ не только твердою матеріальною, но и твердою нравственною силою. Нужно, чтобы представители военнаго званія, особенно болѣе видные, болѣе образованные, были вмѣстѣ съ тѣмъ представителями лучшихъ нравственныхъ качествъ въ средѣ общественной. Поэтому и вамъ всѣмъ, изъ которыхъ должна составляться лучшая образованнѣйшая часть нашего молодаго русскаго воинства, нужно пожелать—быть не только хорошими воинами, вѣрными и исправными исполнителями обязанностей своего званія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошими гражданами, хорошими людьми, хорошими христіанами.

Быть хорошимъ гражданиномъ—это значитъ, не ограничиваясь исполненіемъ непосредственныхъ обязанностей своего званія, съ разумѣніемъ дѣла и участіемъ относиться и ко всякимъ другимъ интересамъ и нуждамъ своего отечества—своего народа, принимать ихъ близко къ сердцу, какъ свое родное дѣло, и по мѣрѣ силъ дѣятельно помогать и служить имъ, когда и въ чемъ представится случай. Быть хорошимъ человѣкомъ значитъ—искренно и разумно сочувствовать и служить въ своей жизни высшимъ и благороднѣйшимъ человѣческимъ интересамъ, уважать въ себѣ и другихъ истинное человѣческое достоинство, дѣятельно заботиться жизнь свою украшать лучшими человѣческими качествами умственными и нравственными,—и ко всѣмъ другимъ людямъ относиться прежде всего какъ къ людямъ, своимъ братьямъ, помимо ихъ званія и личныхъ качествъ, помимо ихъ отношеній къ нашему личному положенію, съ любовію и уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству. Быть хорошимъ христіаниномъ — это значитъ по преимуществу въ своей жизни слѣдовать и служить началу любви въ высшемъ и полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, ибо существо христіанства есть Любовь. Быть истиннымъ христіаниномъ значитъ имѣть любовь основаніемъ и руководительнымъ началомъ своей жизни, своихъ убѣжденій, расположеній и поступковъ, и проводить это начало искренно и нелицемѣрно при всякомъ жизненномъ положеніи, во всякихъ отношеніяхъ къ людямъ высшимъ и низшимъ, товарищамъ и подчиненнымъ, близкимъ и дальнимъ, друзьямъ и единоплеменникамъ, и самымъ врагамъ и чужеплеменникамъ, когда къ тому представится случай. Вотъ такими людьми и христіанами и нужно желать быть всѣмъ вамъ.

Есть мнѣніе, что хорошему воину довольно ограничиваться только исправнымъ исполненіемъ своихъ непосредственныхъ служебныхъ обязанностей, съ безусловнымъ повиновеніемъ волѣ начальства, и нѣтъ надобности особенно заботиться о развитіи въ себѣ всякихъ другихъ, не относящихся прямо къ дѣлу

службы, гражданскихъ и человѣческихъ доблестей, напр. нѣтъ надобности развивать свое гражданское и человѣческое чувство живымъ участіемъ въ общественныхъ вопросахъ и интересахъ, относиться сознательно къ самымъ служебнымъ своимъ обязанностямъ, — вообще быть мыслящимъ, образованнымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ. Неправильное мнѣніе. Всякому человѣку прежде всего нужно быть хорошимъ человѣкомъ и гражданиномъ, а потомъ уже воиномъ, купцомъ, чиновникомъ, ремесленникомъ и т. д. Иначе личность человѣческая будетъ подавлена, и общество отупѣетъ и погрязнетъ въ мелкихъ эгоистическихъ разсчетахъ, если каждый будетъ знать только дѣла своего званія и личнаго положенія, и относиться ко всему другому съ точки зрѣнія интересовъ своего званія и личнаго положенія. Мысль, образованіе, нравственныя качества, сознательное и самостоятельное отношеніе къ дѣлу необходимы и полезны во всякомъ дѣлѣ,—и въ дѣлѣ военномъ. Наше время можетъ представить нагляднѣйшія доказательства тому, какъ много значатъ въ дѣлѣ военномъ умственныя и нравственныя качества. Величайшія побѣды нашего времени приписываются не столько матеріальному, сколько умственному и нравственному превосходству побѣдителей надъ побѣждаемыми. Притомъ каждому изъ молодыхъ людей, еще полныхъ силами и способныхъ къ развитію, вступающихъ въ военную службу, нужно помнить, что не вѣкъ можетъ быть прійдется ему быть въ военномъ званіи. Нужно особенно въ молодыхъ лѣтахъ образовывать себя такъ, чтобы въ случаѣ надобности умѣть быть годнымъ и готовымъ съ честію и пользою послужить обществу и въ другомъ дѣлѣ и званіи.

Не только умъ, образованіе и нравственныя качества въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ этого слова, но святая любовь къ ближнимъ въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ должна быть, какъ мы сказали, лучшимъ украшеніемъ хорошаго воина. Есть мнѣніе, что характеръ любви, благодушія, мягкосердечія не совсѣмъ идетъ къ воинскому званію,—такъ какъ

это званіе требуетъ въ иныхъ положеніяхъ качествъ и дѣйствій противоположныхъ любви христіанской. Неправильное мнѣніе. Многихъ самыхъ доблестныхъ воиновъ считаетъ вѣра христіанская въ числѣ высокихъ своихъ подвижниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ. Обязанности воинскаго званія не были для нихъ препятствіемъ къ проявленію самой высокой самоотверженной любви христіанской. И если во всякомъ званіи любовь къ ближнимъ служитъ основаніемъ и источникомъ лучшихъ человѣческихъ дѣйствій и расположеній, то воинское званіе можетъ быть преимущественно предъ другими званіями требуетъ въ иныхъ случаяхъ отъ человѣка такихъ дѣйствій и расположеній, какихъ нельзя надлежащимъ образомъ выполнить, не имѣя въ сердцѣ глубокаго источника христіанской любви къ ближнимъ. Что, какъ не любовь христіанская, можетъ всего лучше расположить человѣка къ той самоотверженной готовности нести на себѣ самыя тяжелыя обязанности и въ случаѣ надобности жертвовать даже жизнію для общества, которая должна служить основаніемъ воинской чести и доблести? Что, какъ не любовь христіанская, при строгостяхъ и формальностяхъ военнаго званія, можетъ воспитывать и поддерживать истинно-человѣческія отношенія между служащими въ военной службѣ, развивать въ начальникахъ истинно-отеческія отношенія къ своимъ подчиненнымъ, и въ подчиненныхъ любовь и преданность начальству, что̀ даетъ такую великую нравственную силу военному званію? Что, какъ не любовь христіанская, можетъ всего лучше расположить людей къ взаимной помощи, теплому участію, состраданію, братской услугѣ, которыя болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, являются необходимыми въ военной службѣ? Наконецъ что, какъ не любовь христіанская, можетъ всего лучше воспитать въ воинахъ ту истинную доблесть, по которой они во время самыхъ военныхъ дѣйствій, являясь мужественными защитниками правъ и интересовъ своего отечества, умѣютъ въ то же время соблюдать надлежащее уваженіе къ правамъ и человѣческому достоинству самыхъ враговъ своихъ, — и на полѣ битвы, и

во вражеской побѣжденной странѣ являться не варварами, не звѣрями, а истинными людьми и друзьями человѣчества, — что̀, какъ извѣстно, не препятствуетъ успѣхамъ побѣды, и не роняетъ достоинства побѣдителей, а напротивъ облегчаетъ успѣхъ побѣды и возвышаетъ достоинство побѣдоноснаго воинства въ глазахъ самыхъ враговъ?.. Жестокость, грубость, безчеловѣчіе никогда, въ самыя варварскія времена, не считались высокими и достойными сочувствія и уваженія качествами хорошихъ воиновъ. Сочетаніе мужества и самоотверженной преданности отечеству съ лучшими нравственными качествами человѣка и гражданина—съ добротою, кротостью, человѣколюбіемъ, великодушіемъ къ самымъ врагамъ—представлялось идеаломъ истинно доблестнаго воина и въ такія времена, когда способы веденія войнъ отличались особенною грубостью. Въ наши времена, по прошествіи восемнадцати вѣковъ послѣ того, когда любовь къ ближнимъ возвѣщена и кровію Богочеловѣка запечатлѣна, какъ высшее начало жизни человѣчества, въ средѣ христіанскихъ народовъ не должны бы имѣть и помину такія жестокія безчеловѣчныя отношенія людей другъ къ другу, какія къ сожалѣнію и стыду человѣчества даже и доселѣ проявляются иногда въ войнахъ между самыми цивилизованными и издавна просвѣщенными христіанствомъ народами. Какъ всѣ проявленія и отношенія жизни человѣчества постепенно смягчаются, очищаются и возвышаются подъ вліяніемъ христіанства, такъ и война, хотя и остается еще явленіемъ нерѣдко повторяющимся между христіанскими народами, по крайней мѣрѣ въ характерѣ и способахъ веденія должна подчиняться вліянію новыхъ болѣе гуманныхъ и просвѣщенныхъ христіанскихъ началъ. Эти начала постепенно болѣе и болѣе должны проникать и въ теорію и въ практику военнаго искусства, и соотвѣтственно высотѣ своей образовывать болѣе высокій и гуманный характеръ въ представителяхъ военнаго званія. Въ наши времена въ самой теоріи пора бы перестать опредѣлять характеръ и цѣль войны въ томъ, чтобы *наносить врагу возможно больше вреда*

съ возможно меньшею потерею для себя. Въ просвѣщенномъ христіанскомъ сознаніи, пока война остается еще явленіемъ въ иныхъ случаяхъ неотвратимымъ, цѣль ея должна быть полагаема только въ томъ, чтобы защищать права и интересы своего отечества, и вообще права и интересы человѣчества съ возможно лучшимъ сохраненіемъ силъ своего народа, и вмѣстѣ съ возможно-большею пощадою самыхъ враговъ своихъ!

Вотъ съ какими убѣжденіями и расположеніями человѣкъ, по званію своему и отношеніямъ къ вамъ обязанный быть передъ вами проповѣдникомъ нравственно-христіанскихъ началъ, долженъ пожелать вамъ—начать и продолжать свою службу, осуществляя ихъ въ своей дѣятельности, и по возможности распространяя ихъ вокругъ себя между своими сослуживцами и подчиненными.

Августа 1871 года.

IX.

О значеніи религіи въ человѣческой жизни.

Съ нынѣшняго дня вы оставляете насъ и расходитесь по разнымъ путямъ жизни. Богъ вѣсть, что дастъ каждому изъ насъ жизнь, и что сдѣлаетъ съ каждымъ изъ насъ. Желаемъ вамъ всякаго добра и счастія, всякихъ успѣховъ во внутреннемъ развитіи и во внѣшнемъ положеніи. Но прежде всего и болѣе всего желаемъ вамъ, въ какомъ бы положеніи вы ни находились, куда бы ни бросила васъ и что бы ни сдѣлала съ вами жизнь,—имѣть Бога въ душѣ, имѣть въ св. религіи крѣпчайшую опору для жизни.

Помните и любите Бога. Храните св. религію въ душѣ. Она есть самое дорогое сокровище; она есть крѣпчайшая опора въ жизни. Это иногда недостаточно ясно нами сознается. Пока жизнь мало задаетъ человѣку серьезныхъ задачъ, и мало посылаетъ ему серьезныхъ испытаній,—пока человѣкъ не встрѣчалъ въ жизни ни вопроса, поражающаго неразрѣшимыми противорѣчіями его ограниченный умъ, ни дѣла, превосходящаго его слабыя силы,—пока сердце человѣка находитъ себѣ полное удовлетвореніе во внѣшнихъ привязанностяхъ, скоропреходящихъ увлеченіяхъ, случайныхъ удовольствіяхъ,—пока жизнь течетъ ровнымъ обыкновеннымъ порядкомъ, и человѣкъ вполнѣ довольствуется такою жизнью; пока человѣкъ живетъ, какъ живется, и самъ мало входитъ въ смыслъ своей жизни, т.-е. живетъ внѣшнею, поверхностною, малосознательною жизнью: до тѣхъ поръ значеніе религіи не можетъ представляться ему въ надлежащей ясности и полнотѣ. Ибо религія въ существѣ своемъ не принадлежитъ къ разряду внѣшнихъ поверхностныхъ

явленій въ жизни, а есть глубочайшее основаніе ея... Но бываютъ случаи — болѣе или менѣе у каждаго человѣка, когда обычный ровный порядокъ жизни нарушается, внѣшнія и самыя дорогія привязанности разрываются, привычныя радости и удовольствія утрачиваются или теряютъ цѣну,—когда жизнь посылаетъ человѣку тяжелыя испытанія, или вводитъ его въ такія трудныя столкновенія, представляетъ ему такія сложныя задачи, предъ которыми человѣкъ ясно чувствуетъ недостаточность своего ума и слабость своихъ силъ. Вотъ въ такихъ-то особенно случаяхъ невольно чувствуется необходимость глубже войти въ душу, и поискать въ ней той крѣпкой опоры для мысли и жизни, въ которой доселѣ какъ будто и не представлялось особенной нужды. И счастье человѣку, если онъ найдетъ въ душѣ свѣтъ, опору, руководство въ св. религіи съ ея благодатными откровеніями, съ ея отрадными обѣтованіями, съ ея твердыми нравственными началами. Но горе тому, у кого такой опоры не найдется, у кого окажется въ душѣ пусто, шатко, смутно. Несчастенъ тотъ человѣкъ, у котораго съ колебаніемъ внѣшняго строя жизни, поколеблется и внутреннее основаніе ея, — которому, съ утратою внѣшнихъ привязанностей и утѣхъ, съ разрушеніемъ обыденныхъ, но мало осмысленныхъ понятій и убѣжденій, привычныхъ, но ни на чемъ твердо не обоснованныхъ правилъ жизни, окажется не къ чему прилѣпиться, не на что опереться, не въ чемъ укрѣпить мысль, сердце и волю. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ жизнь теряетъ цѣну, и становится для человѣка страшною загадкою, тяжелымъ бременемъ, невыносимою карою и проклятіемъ судьбы... Невольно приходится упомянуть здѣсь объ одномъ весьма выразительномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма печальномъ явленіи нашего времени. Съ смущеніемъ и скорбію приходится въ наше время болѣе, чѣмъ когда нибудь, читать и слышать о самоубійствахъ, въ особенности между молодыми людьми. Необычно частое повтореніе такого рода явленій показываетъ, что это не простая случайность, а весьма знаменательное и чрезвычайно безотрадное выраженіе характера времени и извѣст-

ныхъ условій общественнаго развитія... Мы не будемъ глубоко вдаваться въ изслѣдованіе причинъ грустнаго явленія, и не позволимъ себѣ клеймить какими-либо нареканіями память несчастныхъ, дѣлающихся жертвою этой своего рода нравственной эпидеміи. Но не можемъ не назвать этого явленія несчастнѣйшимъ и уродливѣйшимъ выраженіемъ нравственно-общественнаго настроенія, и не можемъ не признать въ немъ близкой связи съ слабостью религіозныхъ убѣжденій въ современномъ обществѣ, которая тѣмъ болѣе болѣзненно чувствуется, чѣмъ болѣе при довольно сильномъ и серьезномъ возбужденіи общественнаго сознанія представляется необходимость твердыхъ нравственныхъ началъ и убѣжденій... И странное повидимому дѣло, люди нашего времени считаютъ себя болѣе развитыми по уму и болѣе самостоятельными по характеру, сравнительно съ людьми прежнихъ поколѣній. Откуда же это такое странное извращеніе смысла и чувства жизни, и такое крайнее малодушіе предъ жизненными испытаніями?.. И тѣмъ болѣе странными и жалкими представляются такія явленія, когда мы припоминаемъ, какіе мелочные случаи служатъ иногда (по описаніямъ) внѣшнимъ поводомъ для нихъ. Человѣку пришлось не совсѣмъ удачно сдать экзаменъ, человѣку не удалось что-либо по службѣ, не удалось отплатить кому-либо за какую-либо вздорную обиду... Боже мой, какое болѣзненное состояніе мысли и какое малодушіе нужно, чтобы изъ-за такихъ случаевъ ставить для себя вопросъ о жизни и смерти!.. А то иногда и такъ объясняютъ несчастные причину своего послѣдняго рѣшенія: „жить надоѣло, ничто не привязываетъ къ жизни, ни въ чемъ не видится цѣли и смысла жизни“... Какое затемненіе сознанія, какая страшная пустота въ душѣ, какое крайнее извращеніе всѣхъ здоровыхъ жизненныхъ инстинктовъ нужно, чтобы дойти до такого положенія!.. И при какихъ бы тяжелыхъ жизненныхъ испытаніяхъ ни слагались, отъ какихъ бы болѣзненныхъ органическихъ особенностей ни происходили такія мрачныя настроенія духа, нужно думать, они все-таки не могли бы привести человѣка къ несчастному

рѣшенію, еслибы въ немъ была вѣра и надежда,—еслибы въ немъ были хоть сколько нибудь твердыя и ясныя религіозныя убѣжденія о томъ, что жизнь не игрушка, которою всякій распоряжаться воленъ, какъ хочетъ, которую человѣкъ и разбить можетъ, когда она перестаетъ его тѣшить и надоѣдаетъ ему, а высочайшій даръ Божій, дарованный для высшихъ цѣлей, котораго кромѣ Верховнаго Жизнодавца никто назадъ взять не въ правѣ; что въ земной жизни человѣкъ не можетъ ожидать себѣ однихъ радостей и успѣховъ, равно какъ и никакое горе жизни не можетъ само по себѣ пересилить его безсмертнаго духа; что наконецъ человѣку, еслибы и вздумалось, никуда отъ жизни убѣжать нельзя,—такъ какъ за кратковременною земною жизнію настанетъ загробная, вѣчная жизнь,—жизнь торжества и блаженства для тѣхъ, которые при помощи Божіей выходятъ побѣдителями изъ земной борьбы, и жизнь нескончаемой муки для тѣхъ, которые, отринувъ благодать Божію, позорно падаютъ въ жизненной борьбѣ или малодушно думаютъ убѣжать отъ ней...

Но не при однихъ случаяхъ душевной туги и тяжелыхъ искушеній открывается значеніе религіи въ жизни человѣка. Отъ такихъ случаевъ да сохранитъ Господь всѣхъ не крѣпкихъ духомъ, хотя, нужно сказать, каждому нужно быть готовымъ и къ такимъ случаямъ, чтобы не быть внезапно застигнутымъ и пораженнымъ; потому что никому не извѣстно, что съ нимъ случится въ жизни, и заблаговременно не приготовивши себѣ крѣпкой опоры на день искушенія, трудно созидать себѣ такую опору во время самаго искушенія... Но не для такихъ только случаевъ нужна человѣку религія. Ею просвѣтляется и устрояется вся жизнь человѣка, возвышаясь на степень жизни существа разумнаго, богоподобнаго, созданнаго для высшихъ вѣчныхъ цѣлей и находящагося подъ непрестаннымъ попеченіемъ Божіей любви и мудрости. И всякое дѣло человѣка получаетъ больше значенія, когда оно дѣлается не изъ-за личныхъ только побужденій и временныхъ цѣлей, а ради Бога и вѣчности. И всякая радость жизни чувствует-

ся живѣе, когда человѣкъ принимаетъ ее не какъ случайную ласку слѣпой судьбы, а какъ знакъ милости Отца небеснаго, отъ Котораго исходитъ всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный. И всякое горе жизни легче переносится, когда человѣку есть къ кому прибѣгнуть, есть у кого поискать себѣ утѣшенія, укрѣпленія и помощи. И всякое испытаніе жизни не только успѣшнѣе преодолѣвается, но и оставляетъ по себѣ добрые слѣды во внутреннемъ мірѣ человѣка, когда человѣкъ принимаетъ его не какъ непредвидѣнный ударъ злой судьбы, а именно какъ испытаніе, посылаемое отъ Мудраго и Всеблагаго Отца для высшихъ цѣлей, для блага самаго человѣка. И всякое недоумѣніе, сомнѣніе, колебаніе легче разрѣшается, когда человѣкъ въ законѣ Божіемъ имѣетъ для себя свѣтлое и твердое руководство въ жизни... Религіею освящаются и разрѣшаются всѣ глубочайшіе вопросы, всѣ важнѣйшія задачи, всѣ труднѣйшія противорѣчія жизни. Въ ней для человѣка неисчерпаемый источникъ самыхъ лучшихъ помысловъ, самыхъ высокихъ стремленій, самыхъ отрадныхъ надеждъ, чистыхъ восторговъ, сладкихъ утѣшеній. Въ ней для человѣка не только свѣтъ, освѣщающій темные пути жизни, но и живая, крѣпкая сила для дѣланія добра, для борьбы со зломъ, для перенесенія горестей, для преодолѣнія искушеній, для правильнаго выполненія жизненныхъ задачъ, для достиженія высшихъ цѣлей жизни. Потому-то съ нею не только сильныя духомъ, великія умомъ, особенныя, избранныя личности, но и слабые, непросвѣщенные, самые простые и обыкновенные люди становятся способными къ самымъ высокимъ подвигамъ мужества, терпѣнія, воздержанія, самообладанія, любви, самоотверженія... И нѣтъ такой стороны въ жизни, въ которой бы не сказывалось вліяніе религіи, нѣтъ такого уголка, который бы не былъ освѣщаемъ и оживотворяемъ свѣтомъ ея. Ею освящаются и устрояются всѣ высшія обязанности, всѣ важнѣйшія отношенія жизни — личныя, семейныя, общественныя и всякія другія. Религія — истинная и живая религія, въ которой съ разумнымъ пониманіемъ жизненныхъ обязанностей соединяется живое и искрен-

нее выполненіе ихъ, даетъ человѣчеству лучшихъ отцевъ, матерей, дѣтей, братьевъ, гражданъ, правителей, подданныхъ, начинателей и совершителей всякаго дѣла... Говоримъ не пустыя слова, не выдуманныя фразы, а стараемся только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ высказать то, что ежедневно повторяется и подтверждается въ опытахъ тысячъ людей,—приводимъ вамъ на память то, что въ большей или меньшей степени въ разныя времена было испытываемо и вами самими, при всемъ еще сравнительно маломъ жизненномъ опытѣ вашемъ.

Итакъ еще разъ повторяемъ вамъ послѣдній благожелательный совѣтъ и завѣтъ: «помните и любите Бога; храните святую религію въ душѣ.» Въ комъ отъ первыхъ лѣтъ жизни въ доброй семьѣ заложены святыя сѣмена вѣры, и потомъ правильнымъ воспитаніемъ развиты до яснаго разумѣнія началъ и обязанностей христіанскихъ,—тѣ пусть благодарятъ Бога за неоцѣненный даръ Отчей любви. Они имѣютъ въ жизни крѣпкую опору, которой не пошатнутъ никакіе удары судьбы, и съ которою безопасно можно пройти посреди самыхъ темныхъ путей жизни. А въ комъ сѣмя вѣры, посѣянное въ дѣтствѣ, не получило правильнаго развитія или было подавлено и заглушено вслѣдствіе собственной безпечности или чужихъ непріязненныхъ вліяній, тѣ пусть стараются вновь оживить и возрастить это святое сѣмя—молитвою, ближайшимъ общеніемъ съ Церковію, чтеніемъ Священнаго Писанія, благоговѣйнымъ размышленіемъ о предметахъ вѣры и по возможности серьезнымъ научнымъ изученіемъ ихъ, сближеніемъ съ людьми истинно и разумно религіозными, производящими доброе религіозное вліяніе на окружающихъ... Изъ васъ многіе, при раскрытіи внутреннихъ состояній души своей предо мною, какъ предъ отцомъ духовнымъ, высказывали мнѣ, что они сами жалѣютъ объ упадкѣ религіознаго чувства, и желали бы оживить и развить его въ себѣ, но только не находятъ для этого благопріятныхъ условій, пока живутъ въ заведеніи, что они здѣсь не имѣютъ удобствъ—ни заняться какимъ нибудь религіознымъ чтеніемъ и размышленіемъ при множествѣ другихъ обязатель-

ныхъ занятій,—ни помолиться, какъ слѣдуетъ, будучи окружены множествомъ товарищей, изъ которыхъ иные способны и не совсѣмъ уважительно отнестись къ проявленіямъ религіознаго чувства, — что самое посѣщеніе храма Божія, какъ бы по оффиціальному приказу и наряду, и присутствованіе при богослуженіи въ строю—вмѣстѣ съ товарищами, не даетъ возможности надлежащимъ образомъ выразиться религіозному чувству. Я не буду входить въ разсужденіе о томъ, насколько основательны подобныя отговорки и самооправданія въ недостаточномъ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Но напомню всѣмъ тѣмъ, которые доселѣ въ окружающихъ условіяхъ жизни находили неудобства и стѣсненія къ свободному развитію религіознаго чувства, — что вотъ теперь эти окружающія внѣшнія условія измѣняются. Пусть же каждый теперь воспользуется новыми условіями для того, чтобы обновить въ себѣ ослабѣвшее или не довольно развитое религіозное чувство, и на будущее время возможно правильнѣе установить свои религіозныя обязанности. Настоящій шагъ для васъ весьма важенъ: какъ станете вы на новый путь жизни, какъ установите при новыхъ условіяхъ свои религіозныя и всякія другія отношенія, такъ и станутъ они на долгое время, и снова измѣнять ихъ послѣ весьма трудно будетъ. Поэтому нужно стараться съ самаго начала установить ихъ, какъ можно, правильнѣе и серьезнѣе. Что касается до внѣшнихъ условій къ свободному выраженію религіознаго чувства и исполненію религіозныхъ обязанностей,—въ нихъ несомнѣнно вы будете имѣть теперь менѣе стѣсненій, менѣе оффиціальнаго контроля, будете болѣе свободны и самостоятельны. Покажите же, что вы дѣйствительно созрѣли для такой самостоятельности, и правильно можете пользоваться ею. Въ церковь васъ теперь рѣдко будутъ водить по наряду. Покажите, что вы и не нуждаетесь теперь въ этомъ внѣшнемъ руководствѣ,—что вы по собственному усердію будете исполнять свои обязанности по отношенію къ церкви гораздо лучше, чѣмъ доселѣ этого отъ васъ требовали. Въ домашней молитвѣ васъ менѣе будетъ смущать

теперь множество окружающихъ чужихъ глазъ; не забывайте исполнять обязанности домашней молитвы. Хотя краткою молитвою непремѣнно освящайте начало и конецъ всякаго дня—не машинально, не внѣшнимъ только образомъ, но сознательно, искренно и благоговѣйно совершая это святое дѣло. Наконецъ, у васъ менѣе теперь будетъ обязательныхъ срочныхъ занятій, болѣе свободнаго времени. Поэтому болѣе теперь у васъ можетъ быть досуга для религіозныхъ чтеній, размышленій, собесѣдованій и т. д. И прежде всего хорошо было бы, еслибы каждый изъ первыхъ денегъ получаемыхъ на обзаведеніе по службѣ, или изъ перваго жалованья пріобрѣлъ себѣ, какъ благословеніе на путь жизни, какъ спасительный залогъ всегдашняго памятованія о Богѣ—великую книгу жизни, слово благовѣствованія о спасеніи—Святое Евангеліе. Вамъ могло бы заведеніе дать эту книгу на память при выпускѣ. Но лучше будетъ, если каждый самъ купитъ ее себѣ, освятивъ первое употребленіе полученныхъ на службѣ матеріальныхъ средствъ пріобрѣтеніемъ того, что всего нужнѣе для жизни.

Наша рѣчь, какъ послѣдняя прощальная бесѣда духовнаго отца съ бывшими духовными дѣтьми, относится къ тѣмъ, которыхъ въ такой или другой степени связываетъ съ нами общее религіозное чувство, которымъ понятно и доступно слово христіанскаго убѣжденія. Но, можетъ быть, между вами есть и такіе, которые не признаютъ въ себѣ связей съ христіанскимъ убѣжденіемъ, у которыхъ совсѣмъ заглохло или и никогда не пробуждалось, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, живое религіозное чувство. Для такихъ наше слово, можетъ быть, останется пустою непонятною фразою. И такимъ послѣ всего того, что они слышали о религіи въ продолженіе всего своего воспитанія, мы не можемъ въ настоящее время ничего сказать. О такихъ мы можемъ только молиться, чтобы и ихъ Господь такъ или иначе—раньше или позже—Самъ призвалъ къ Себѣ, имиже вѣсть путями...

1юля 1872 года.

X.

На что особенно нужно обращать вниманіе выходящимъ въ жизнь воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ изученія различныхъ наукъ, составлявшихъ курсъ вашего школьнаго образованія, вамъ предстоитъ теперь главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на важнѣйшую въ жизни науку—на науку жить съ людьми. Объ этомъ предметѣ я и хочу сказать нѣсколько словъ въ прощальной бесѣдѣ къ вамъ.

Я не буду, конечно, разсматривать этотъ предметъ съ его внѣшней — общественной и служебной стороны. Я не стану поучать васъ о томъ, какъ вы должны вести себя, чтобы пріобрѣсти расположеніе начальства, имѣть вліяніе на подчиненныхъ, закрѣпить за собою хорошую репутацію въ обществѣ и т. д. Мой долгъ обратить ваше вниманіе, независимо отъ служебнаго вашего положенія, на отношенія къ людямъ вообще, и коснуться этихъ отношеній преимущественно съ нравственной ихъ стороны.

Вамъ извѣстенъ, конечно, высшій идеалъ человѣческой жизни и нравственности,—вы знаете коренныя начала, на которыхъ, по ученію христіанскому, должны утверждаться наши отношенія къ людямъ. «Любите ближнихъ, какъ самихъ себя. Поступайте съ другими такъ, какъ желали бы вы, чтобы другіе поступали съ вами. Не дѣлайте другимъ того, чего себѣ

не желаете. Любите самыхъ враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, молитесь за обижающихъ и преслѣдующихъ васъ». Кромѣ этихъ наставленій, относящихся ко всѣмъ людямъ, могу припомнить вамъ еще особенное наставленіе, сказанное прямо людямъ военнаго званія: «Никого ничѣмъ не обижайте, не оговаривайте, будьте довольны вашимъ положеніемъ». Всѣ эти наставленія такъ высоки, такъ нравственно-чисты, такъ несомнѣнно истины, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просты и общепонятны, что нѣтъ надобности разъяснять ихъ много словами. Еслибы только далъ вамъ Богъ исполнять ихъ возможно лучше дѣломъ!...

Но мнѣ представляется не безполезнымъ высказать вамъ въ нынѣшній разъ нѣсколько болѣе частныхъ замѣчаній о нравственныхъ отношеніяхъ къ людямъ примѣнительно собственно къ вашему положенію, къ условіямъ вашей прошлой школьной и начинающейся общественной жизни, къ извѣстному мнѣ строю вашихъ нравственныхъ понятій и расположеній.

Прежде всего кому нибудь не можетъ ли показаться страннымъ, почему я говорю вамъ объ умѣньи жить съ людьми, какъ о чемъ-то въ нѣкоторомъ смыслѣ для васъ новомъ, чему вамъ предстоитъ учиться преимущественно съ настоящаго времени? Вы съ дѣтства жили между людьми, и во все время воспитанія постоянно имѣли вокругъ себя много людей—начальниковъ, воспитателей, учителей, товарищей, прислужниковъ, не говоря о родственникахъ, съ которыми вамъ все-таки приходилось отъ времени до времени видѣться, когда вы жили и въ закрытомъ воспитательномъ заведеніи. Вы постоянно имѣли извѣстныя отношенія къ окружающимъ васъ людямъ, у каждаго изъ васъ сбразовался извѣстный навыкъ такъ или иначе обращаться съ ними. Какъ же сказать послѣ этого, что вамъ еще недостаетъ многаго въ умѣньи жить съ людьми, и многому нужно учиться въ этомъ отношеніи?

Но въ жизни всякій отдѣльный кругъ, развивающійся въ опредѣленныхъ условіяхъ, имѣетъ свои особенности и пожалуй односторонности, т. е. ни одинъ не можетъ совмѣстить

въ себѣ и осуществить всѣхъ сторонъ и требованій жизненныхъ. Въ особенности между школьною и общественною жизнію представляется въ этомъ отношеніи много несходнаго: въ школѣ держится много такого, что не можетъ быть прямо примѣнимо въ жизни, а въ жизни должно встрѣтиться еще болѣе такого, чего нельзя узнать въ школѣ. Въ закрытомъ воспитательномъ заведеніи по преимуществу воспитанникамъ не приходится близко знакомиться со многими сторонами жизни. И этого нельзя ставить въ упрекъ школѣ. Благо самихъ воспитанниковъ требуетъ часто—держать ихъ до извѣстнаго времени возможно дальше отъ иныхъ сторонъ жизни. Но поэтому-то, по крайней мѣрѣ при переходѣ оканчивающихъ свое воспитаніе молодыхъ людей въ жизнь общественную, не безполезно обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя стороны и требованія жизни, доселѣ остававшіяся мало вѣдомыми имъ.

Что прежде всего представляло существенную особенность въ вашихъ отношеніяхъ къ людямъ, пока вы находились въ учебно-воспитательномъ заведеніи,—такъ это, мнѣ кажется, то, что здѣсь вы постоянно были окружены людьми, имѣющими и исполняющими опредѣленныя обязанности по отношенію къ вамъ, сами же свободны были отъ всякихъ прямыхъ внѣшнихъ обязанностей по отношенію къ другимъ. Вы видѣли предъ собою учителей, обязанныхъ учить васъ въ классахъ,—воспитателей, обязанныхъ наблюдать за вами и руководить вашими занятіями внѣ классовъ,—прислужниковъ, обязанныхъ исполнять для васъ различныя услуги и т. д. Сами же вы были ли чѣмъ нибудь обязываемы по отношенію къ другимъ? Вы должны были учиться, вы должны были вести себя хорошо, вы должны были подчиняться дисциплинѣ заведенія. Но все это вы должны были дѣлать для самихъ себя, а не для другихъ. По отношенію къ другимъ — собственно говоря — вы доселѣ не имѣли никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, кромѣ внутренней нравственной обязанности употреблять съ пользою и цѣнить то, что дѣлалось для васъ другими. И никто, конечно, серьезно думать не могъ, пока не

пришло время, пока не окончена была ваша подготовка къ жизни общественной, налагать на васъ какія либо обязанности по отношенію къ другимъ... Но не могло ли это расположить васъ къ нѣкоторой односторонности, не могло ли это дать вамъ навыка смотрѣть на людей только со стороны ихъ обязанностей по отношенію къ вамъ, а на свои обязанности по отношенію къ другимъ людямъ мало обращать вниманія? Безъ сомнѣнія, лучшіе и разумнѣйшіе между вами свободны отъ такихъ односторонностей. Надо ожидать, что большая часть изъ васъ теперь же выходитъ изъ школы въ жизнь съ серьезнымъ сознаніемъ того, что жизнь общественная можетъ держаться только круговою порукою—взаимнымъ исполненіемъ одолженій и обязанностей, и что всякій человѣкъ, пользуясь извѣстными одолженіями и услугами отъ другихъ, чрезъ то самое непремѣнно обязуется съ своей стороны оказывать одолженія и услуги другимъ. Но сколько есть такихъ людей, которые, не выработавъ себѣ объ этомъ надлежащаго понятія во время воспитанія, остаются и въ жизни съ превратною привычкою только отъ другихъ требовать исполненія ихъ обязанностей по отношенію къ себѣ, а на свои обязанности по отношенію къ другимъ не обращать вниманія. И сколько отсюда происходитъ неправильнаго, дурнаго въ жизни—во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Отсюда—жесткій эгоизмъ, всего ищущій и требующій только для себя, и не обращающій вниманія на права и потребности другихъ. Отсюда—черствая неблагодарность, равнодушно или даже небрежно принимающая одолженія и услуги другихъ, какъ нѣчто должное себѣ, и ничѣмъ, ни даже движеніемъ добраго воспоминанія и чувства не считающая себя обязанною платить за нихъ съ своей стороны. Отсюда и излишняя требовательность по отношенію къ другимъ, судящая другихъ за всякое малое, за всякое даже только кажущееся нарушеніе долга, и слишкомъ малая требовательность по отношенію къ себѣ, легко извиняющая себѣ цѣлый рядъ болѣе важныхъ нарушеній. Я не могу, конечно, предполагать въ васъ значительнаго развитія такихъ дурныхъ

свойствъ; но не могу не сказать, что нѣкоторыя расположенія къ такого рода свойствамъ бывали замѣчаемы и мною и другими въ нѣкоторыхъ изъ васъ. Между личностями нравственно-развитыми, правильно понимающими и выражающими свои отношенія къ другимъ, бывали между вами и такіе, кокоторые на окружающихъ какъ будто склонны были смотрѣть, какъ на какихъ нибудь слугъ или наемниковъ, обязанныхъ самымъ тщательнымъ образомъ исполнять извѣстныя услуги по отношенію къ нимъ, а себя самихъ считать какими-то господами, особенными любимцами судьбы, имѣющими полное право только пользоваться тѣмъ, что дѣлается для нихъ другими. Съ этой точки зрѣнія они естественно во всемъ, что дѣлалось другими не только для ихъ внѣшняго обезпеченія и удобства, но и для ихъ умственнаго и нравственнаго развитія могли видѣть только наемническое исполненіе оффиціальнаго долга, ни мало не обращая вниманія на то, сколько кѣмъ вносится въ это оффиціальное исполненіе долга живой души, искренняго участія къ нимъ. Излишняя требовательность по отношенію къ другимъ простиралась у нѣкоторыхъ до того, что они позволяли себѣ осуждать и укорять такія свойства и дѣйствія другихъ, которыя даже мало понимали. А слишкомъ легкое сознаніе своихъ собственныхъ обязанностей высказывалось у иныхъ съ такою наивностью, что они свои собственныя дѣла въ заведеніи, которыя имъ нужно было исполнять для самихъ себя, какъ напр. исправное приготовленіе уроковъ, сдачу экзаменовъ и т. п., дѣлали какъ бы изъ милости, одолжая другихъ. Объ исполненіи такого рода дѣлъ иногда приходилось воспитателямъ упрашивать, уговаривать своихъ воспитанниковъ, какъ о милости, какъ о личномъ для себя одолженіи. Да и эти упрашиванія и уговариванія представлялись еще инымъ излишнею требовательностью, досадною навязчивостью, стѣснительнымъ посягательствомъ на ихъ свободу и т. д... Пока вы находились въ школѣ, пока васъ нельзя было считать людьми вполнѣ созрѣвшими въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, васъ и не судили слишкомъ строго за такія непра-

вильныя понятія. Но жалко было бы, еслибы кто-ни будь изъ васъ съ такими понятіями перешелъ изъ школы въ жизнь общественную. Какіе жесткіе уроки, какія тяжелыя вразумленія пришлось бы ему получить за нихъ отъ самой жизни! Жизнь постоянно будетъ напоминать каждому, что ему главнымъ образомъ нужно обращать вниманіе на свои собственныя обязанности по отношенію къ другимъ, а не на обязанности другихъ по отношенію къ нему. Въ жизни васъ не станутъ объ исполненіи вашихъ обязанностей ни упрашивать, ни уговаривать, ни даже понуждать къ нимъ, а просто за вашу неисправность въ исполненіи обязанностей будутъ взыскивать, и иногда по роду вашей службы взыскивать очень строго, совсѣмъ не такъ, какъ взыскивали съ васъ за проступки и нарушенія обязанностей—въ заведеніи. А въ слишкомъ свободныхъ сужденіяхъ о другихъ, хотя бы они и бывали въ иномъ случаѣ справедливы, васъ также будутъ сдерживать подъ опасеніемъ нажить себѣ большія непріятности. Такъ въ жизни вамъ непремѣнно придется болѣе и болѣе проникаться тѣмъ убѣжденіемъ, что каждому нужно быть какъ можно болѣе исполнительнымъ въ своихъ обязанностяхъ, и какъ можно менѣе требовательнымъ относительно другихъ.

Далѣе, одною изъ особенностей воспитательнаго заведенія, въ которомъ вы воспитывались, была та, что здѣсь ваши отношенія къ большей части лицъ, окружающихъ васъ, были довольно точно опредѣлены принятою въ заведеніи дисциплиною. Школьная дисциплина, военная дисциплина —вещь очень хорошая и полезная. Она много помогаетъ намъ пріучаться правильно держать себя и обращаться прежде всего съ такими лицами, съ которыми приходится имѣть извѣстныя оффиціальныя служебныя отношенія. Но дисциплина тогда только надлежащимъ образомъ достигаетъ своей цѣли, когда она не наружно только, а такъ сказать внутренно дисциплинируетъ человѣка, когда она пріучаетъ его правильно держаться не въ сферѣ оффиціальныхъ только отношеній, но и внѣ этой сферы. Нѣтъ въ мірѣ ни одного такого дисциплинарнаго устава, въ которомъ

бы вполнѣ точно и съ мельчайшими подробностями опредѣлялись и разъяснялись всѣ наши отношенія къ людямъ, съ какими придется встрѣтиться въ жизни. А нужно, конечно, чтобы мы и во всѣхъ случаяхъ, не опредѣленныхъ дисциплинарными уставами, умѣли держать себя такъ же прилично и правильно, какъ и въ тѣхъ, которые ясно опредѣляются внѣшними предписаніями. Это, конечно, такое общее и простое житейское правило, что о немъ—собственно говоря—не было бы надобности и напоминать; но къ сожалѣнію въ жизни встрѣчаются нарушенія и такого простаго и элементарнаго правила, и встрѣчаются иногда между людьми, считающимися въ обществѣ очень порядочными, и если не по преимуществу, то по крайней мѣрѣ очень нерѣдко встрѣчаются такіе случаи между людьми того званія, которое по внѣшности является наиболѣе дисциплинированнымъ, между людьми военнаго званія. Есть не мало такихъ личностей, которыя въ предѣлахъ дисциплинарнаго устава умѣютъ держать себя превосходно, а внѣ этихъ предѣловъ не знаютъ самыхъ простыхъ требованій разумнаго и приличнаго обращенія съ другими,—которыя до тонкости понимаютъ все разнообразіе оффиціальныхъ оттѣнковъ обращенія съ лицами, стоящими на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, знаютъ, какъ нужно отнестись въ извѣстномъ случаѣ къ простому офицеру, ротному командиру, полковнику, генералу и т. д., и между тѣмъ плохо разумѣютъ, какъ нужно относиться вообще къ людямъ. Есть и такія личности, которыя всю эту необходимую въ служебной дисциплинѣ разницу оффиціальныхъ отношеній слишкомъ уже много и совершенно не къ дѣлу примѣняютъ къ отношеніямъ не оффиціальнымъ, стоящимъ внѣ служебнаго круга, къ отношеніямъ частнаго и даже чисто-нравственнаго свойства,—которыя т. е. не на службѣ только, а и въ частной жизни, въ частныхъ отношеніяхъ наблюдаютъ слишкомъ большую разницу въ обращеніи съ людьми различныхъ ранговъ, сословій, положеній общественныхъ и состояній, — и насколько къ однимъ относятся льстиво, раболѣпно, униженно, настолько

же съ другими позволяютъ себѣ обращаться гордо, высокомѣрно, небрежно и грубо. Бываютъ и такія личности, которыя, привыкши склоняться преимущественно передъ внѣшнею силой, умѣютъ правильно и прилично вести себя только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это прямо требуется предписаніемъ—приказомъ, гдѣ за неисполненіе этого можетъ угрожать какая-либо непріятность, отвѣтственность, наказаніе, и которымъ ничего не стоитъ отнестись небрежно и неприлично къ такому человѣку, который хотя по внутреннимъ своимъ достоинствамъ заслуживаетъ полнаго уваженія, но отъ котораго по внѣшнему положенію они не зависятъ, и который за неприличное отношеніе къ себѣ не станетъ дѣлать имъ никакихъ непріятностей, хотя бы и потому только, что онъ не имѣетъ привычки и расположенія изъ-за мелочей внѣшняго обращенія подвергать другихъ отвѣтственности... Нельзя сказать, чтобы подобные нравы были вполнѣ чужды нашему, далеко еще недостаточно въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ развившемуся обществу. Примѣры окружающей среды заразительны, и особенно для тѣхъ, которые сами имѣютъ нѣкоторое расположеніе слѣдовать нехорошимъ примѣрамъ. Я не могу, конечно, предположить ни въ комъ изъ васъ значительно развившихся худыхъ расположеній такого рода. Но не могу не сказать, что въ нѣкоторыхъ изъ васъ иногда представлялась на видъ эта разница въ обращеніи, въ соблюденіи общепринятыхъ правилъ вѣжливости, приличія, уваженія съ тѣми, отношенія къ которымъ ясно опредѣлены дисциплинарными правилами и не могутъ быть нарушены безотвѣтственно и безнаказанно, и съ тѣми, о которыхъ дисциплинарный уставъ прямо не упоминаетъ, и которые за всякій случай хотя бы и не совсѣмъ уважительнаго отношенія къ себѣ не станутъ доводить другаго до отвѣтственности, потому что не у всякаго же есть и охота держать другихъ въ границахъ надлежащихъ отношеній къ себѣ только мѣрами принужденія и страхомъ отвѣтственности. Конечно, то, противъ чего я говорю, бывало по временамъ замѣчаемо въ нѣкоторыхъ только въ малыхъ проявленіяхъ, такъ-сказать въ

зародышѣ. Но дѣло не въ степени только проявленій, не въ размѣрахъ только извѣстныхъ свойствъ и расположеній, а въ нравственномъ характерѣ—въ самой возможности ихъ. Жалко было бы, еслибы кто нибудь изъ васъ оставлялъ это въ небрежности, и давалъ свободно развиваться въ себѣ и самымъ малымъ зачаткамъ такихъ свойствъ и расположеній, о которыхъ я говорю. Изъ нихъ можетъ образоваться въ жизни такой характеръ, такой навыкъ извѣстнымъ образомъ относиться къ людямъ, который по справедливости можетъ внушать окружающимъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о себѣ...

Прошу васъ не оскорбляться моими замѣчаніями, но принять ихъ, какъ вызванное сознаніемъ долга и искреннимъ участіемъ къ вамъ слово вашего бывшаго духовнаго отца и наставника. Я сказалъ уже, что мои замѣчанія — въ той ихъ части, въ которой можно находить нѣчто укорительное, относятся не ко всѣмъ вамъ, а только къ нѣкоторымъ, и то конечно въ извѣстной только степени. Не могу еще умолчать и о томъ, что по моимъ наблюденіямъ, — наблюденіямъ нѣсколькихъ лѣтъ,—указанные мною недостатки по преимуществу замѣчаются въ тѣхъ изъ васъ, которые въ военно-учебныхъ заведеніяхъ не завершаютъ только курсъ своего образованія, а воспитываются съ самаго дѣтства, которые такимъ образомъ съ малыхъ лѣтъ воспитываются подъ руководствомъ принятой въ этихъ заведеніяхъ дисциплины. Поэтому опять скажу: дисциплина вещь хорошая и полезная, но нужно усвоить себѣ не одну ея внѣшнюю сторону, а то, что есть лучшаго въ ея духѣ, нужно быть дисциплинированнымъ не наружно только, но нравственно дисциплинированнымъ. Съ этой стороны выходящіе на службу и въ жизнь воспитанники военно-учебныхъ заведеній всегда раздѣлялись, по моимъ наблюденіямъ, на два разряда; насколько пріятное впечатлѣніе производятъ одни изъ нихъ, которые выходятъ изъ школы въ жизнь съ стройнымъ сочетаніемъ наружной и внутренней дисциплинированности,— настолько же сожалѣнія возбуждаютъ о себѣ тѣ, у которыхъ внѣшнему усвоенію формъ дисциплины не соотвѣтствуетъ

внутреннее развитіе нравственныхъ понятій и свойствъ. Это различіе между бывшими воспитанниками военно-учебныхъ заведеній, насколько мнѣ извѣстно, остается и въ службѣ, и въ жизни. Только тамъ оно постепенно становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Общія внѣшнія черты характера, болѣе или менѣе налагаемыя на всѣхъ одинаковыми условіями воспитанія, въ жизни мало-по-малу сглаживаются, и все яснѣе и рѣзче выступаютъ у каждаго тѣ черты, которыя составляютъ собственно нравственную основу его характера. Отсюда объясняется и то различіе, почему мы, встрѣчая воспитанниковъ одного и того же заведенія черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы, въ однихъ видимъ людей въ лучшемъ смыслѣ этого слова—прекрасныхъ, развитыхъ, нравственныхъ личностей, а о другихъ самое лучшее, что можемъ сказать, такъ развѣ то, что они являются довольно исправными и исполнительными служаками. Какъ желательно было бы, чтобы о каждомъ изъ васъ лѣтъ черезъ десять-пятнадцать можно было сказать не только послѣднее, но и первое!

То, о чемъ я далѣе намѣренъ говорить, также въ извѣстной степени будетъ говориться для всѣхъ, но главнымъ образомъ будетъ относиться къ тѣмъ изъ васъ, которые въ закрытомъ учебно-воспитательномъ заведеніи не завершили только курсъ своего образованія, но воспитывались съ раннихъ лѣтъ—съ низшихъ классовъ.

Между особенностями закрытыхъ воспитательныхъ заведеній, и притомъ не худшихъ, а пожалуй и самыхъ лучшихъ, наиболѣе тщательно устроенныхъ и щедро обезпеченныхъ, есть и та особенность, что они воспитываютъ своихъ питомцевъ въ совершенномъ почти невѣдѣніи печальныхъ сторонъ жизни—нужды и горя. О воспитанникахъ военно-учебныхъ заведеній, получающихъ образованіе въ нихъ отъ низшихъ классовъ и до высшихъ, это можно сказать по преимуществу. Удаленные съ дѣтскихъ лѣтъ отъ семейной жизни, гдѣ въ большей или меньшей степени все-таки всякому приходится видѣть лишеніе и горе, обезпеченные постоянно во всѣхъ необходимыхъ по-

требностяхъ жизни, окруженные полнымъ довольствомъ и тщательнымъ уходомъ, многіе изъ васъ по истинѣ доселѣ могли знать нужду и горе развѣ только по наслышкѣ. Безъ большаго преувеличенія можно сказать, что для нѣкоторыхъ изъ васъ перемѣна одного вкуснаго кушанья за обѣдомъ на менѣе вкусное могла представляться доселѣ едва ли не очень серьезнымъ лишеніемъ, мягкое замѣчаніе воспитателя или начальника — едва ли не самою тяжкою обидою, полученіе неудовлетворительной отмѣтки на экзаменѣ—едва ли не самою горькою неудачею въ жизни. Случались конечно у иныхъ во время пребыванія въ заведеніи и болѣе серьезныя несчастія. Случалось слышать иногда о какихъ нибудь горестяхъ и лишеніяхъ въ родной семьѣ, о болѣзни и несчастьи кого нибудь изъ близкихъ родныхъ, о смерти близкаго человѣка; но далеко не одно и то же, если все это приходится только слышать, а не видѣть лицомъ къ лицу. Случалось можетъ быть инымъ во время краткаго пребыванія въ семьѣ и видѣть какое нибудь большое горе,—видѣть близкаго человѣка на одрѣ болѣзни, даже въ гробѣ; но и это далеко не то, что жить почти постоянно среди заботъ, скорбей и лишеній, присутствовать въ продолженіе многихъ дней и недѣль при страданіяхъ близкаго намъ человѣка, при постепенномъ угасаніи дорогой для насъ жизни. Бывали конечно и близко къ вамъ, между живущими въ томъ самомъ заведеніи, гдѣ вы воспитывались, несчастные случаи, потери и болѣзни въ семьяхъ вашихъ воспитателей и учителей, болѣзни и смерти въ товарищескомъ кругу; но всѣ эти несчастные случаи, если и не совсѣмъ были скрываемы отъ васъ, то представлялись вамъ очень на короткое время, и далеко не въ самыхъ тяжелыхъ и подавляющихъ своихъ моментахъ. Однимъ словомъ — отъ васъ доселѣ тщательно удаляемы были наиболѣе тяжелыя и мрачныя стороны жизни, и многіе изъ васъ, достигнувъ зрѣлаго теоретическаго развитія, остаются доселѣ почти совершенно безъ всякаго практическаго пониманія этихъ сторонъ жизни. Многимъ конечно ваше положеніе, въ этомъ отношеніи, можетъ представляться завиднымъ; —

и вы не можете конечно упрекать заведеніе, васъ воспитавшее, въ томъ, что оно недостаточно познакомило васъ съ горемъ и нуждою. Не должно же оно было, чтобы пріучить васъ къ пониманію горя и нужды, намѣренно подвергать васъ горю и нуждѣ!... Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя опять не сказать, что этотъ недостатокъ близкаго знакомства съ горемъ и нуждою представляетъ весьма существенную односторонность въ вашемъ развитіи—въ вашемъ пониманіи жизни; ибо, несомнѣнно, невѣдѣніе нужды и горя есть невѣдѣніе одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни, и такой притомъ, которая имѣетъ великое вліяніе на нравственное ризвитіе, на образованіе характера у человѣка. Кто не знаетъ горя и нужды, тотъ не можетъ вполнѣ серьезно судить о жизни; его сужденія, при самомъ лучшемъ теоретическомъ развитіи, часто будутъ отзываться верхоглядствомъ и легкомысліемъ. Кто не знаетъ горя и нужды, тотъ не можетъ вполнѣ ясно понимать всю глубину общественныхъ связей и отношеній; ибо ничто такъ не связываетъ людей круговою порукою взаимнаго пониманія и сочувствія, какъ горе и нужда. Кто не испыталъ самъ горя и нужды, у того часто, и при врожденной добротѣ сердца и благородномъ характерѣ, недостаетъ надлежащаго вниманія, уваженія и сочувствія, ни даже осторожнаго, деликатнаго отношенія къ горю и нуждѣ другихъ. Человѣкъ, незнакомый съ горемъ и нуждою по собственному опыту, не можетъ иногда и представить себѣ, какъ жестоко и преступно бываетъ оскорбить человѣка, находящагося въ горѣ, или отнестись небрежно къ человѣку, находящемуся въ нуждѣ. Наконецъ, кто не ознакомился съ горемъ и нуждою постепенно съ раннихъ лѣтъ жизни, тому тяжело бываетъ встрѣчаться съ ними послѣ. А совершенно избѣжать горя и нужды въ жизни нельзя; нельзя ожидать, чтобы въ жизни встрѣчались однѣ розы; непремѣнно у всякаго будутъ и своего рода тернія... Чтобы не быть врасплохъ застигнутыми непредвидѣннымъ теченіемъ жизни, чтобы не показать легкомыслія и слабости характера при первыхъ толчкахъ судьбы (что къ сожалѣнію такъ нерѣдко случается съ

молодыми людьми въ послѣднее время) нужно напередъ, при самомъ вступленіи въ жизнь, хоть сколько нибудь приготовиться къ этому. Приготовиться же къ этому можно серьезнымъ размышленіемъ о смыслѣ и высшихъ цѣляхъ жизни, объ очистительной и воспитательной силѣ горя и нужды,—еще болѣе живымъ вниманіемъ и участіемъ къ горю и нуждѣ другихъ людей, особенно тѣхъ, которые по общественному своему положенію поставлены ниже насъ, и всякихъ скорбей и лишеній терпятъ больше насъ,—и наконецъ всего болѣе — религіозными средствами—укрѣпленіемъ въ себѣ живой вѣры въ Того, Кто Самъ, будучи Всемощнымъ и Святѣйшимъ, добровольно изъ любви къ людямъ понесъ всѣ страданія и скорби людей, и Который, *Самъ искушенъ бывъ по всячески, можетъ и искушаемымъ помощи.*

Напоминаніемъ о Немъ да будетъ заключено мое послѣднее къ вамъ слово, а у васъ мыслію о Немъ да будутъ начаты первые ваши шаги на поприщѣ самостоятельной жизни и общественнаго служенія.

19-го августа 1873 года.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
5	13 снизу	отечеству.	отечеству,
14	9 снизу	За недестаткомъ	За недостаткомъ
15	11 сверху	естественной,	естественной
40	3 снизу	начить	начать
46	12 снизу	а тамъ	и тамъ
49	11 сверху	глупымъ	грубымъ
57	6 сверху	жизни	жизни,
64	7 снизу	Истина	Истина—
69	3 сверху	пользуются уваженіемъ	пользуются въ обществѣ уваженіемъ
77	15 снизу	опытѣ	самый
86	17 снизу	по всей	по своей
95	11 снизу	сокровеннаго,	сокровеннаго
102	1 сверху	системахъ	и системахъ
113	11 сверху	нормальное	не нормальное
113	16 снизу	нормальнаго	не нормальнаго
115	12 снизу	нетлѣнное	нетлѣніе
125	8 снизу	и нравственное	нравственное
147	4 снизу	къ службѣ	къ службѣ,
150	17 снизу	сознаются	создаются
154	13 сверху	цѣльѣе	цѣльнѣе
154	16 сверху	нвода	народа
157	1 снизу	и зъ	изъ
176	7 снизу	вышихъ	высшихъ
181	5 сверху	мыслящмиъ	мыслящимъ.

JAN -0 1943

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

I. Рѣчь первому Выпуску воспитанниковъ: **о нравственномъ воспитаніи въ школѣ и въ жизни**.... 5

II. Второму Выпуску: **жизненныя опасности и задачи для молодыхъ поколѣній настоящаго времени** 12

III. Третьему Выпуску: **плоды ученія въ жизни—примѣнительно къ евангельской притчѣ о сѣятелѣ и сѣмени**..... 42

IV. Четвертому Выпуску: **что такое жизнь?**..... 53

VI. Шестому Выпуску: **нравственныя свойства истиннаго образованія**..... 121

VII. Седьмому Выпуску: **о нашихъ обязанностяхъ и нравственныхъ отношеніяхъ къ семьѣ, обществу, товарищамъ по школѣ, сослуживцамъ и подчиненнымъ, къ своему народу и государству, цѣлому человѣчеству и св. Церкви** 129

VIII. Восьмому Выпуску: **нравственныя требованія военнаго званія**..... 179

IX. Девятому Выпуску: **о значеніи религіи въ человѣческой жизни**..... 185

X. Десятому Выпуску: **на что особенно нужно обращать вниманіе выходящимъ въ жизнь воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній?** 193

Цѣна одинъ рубль;

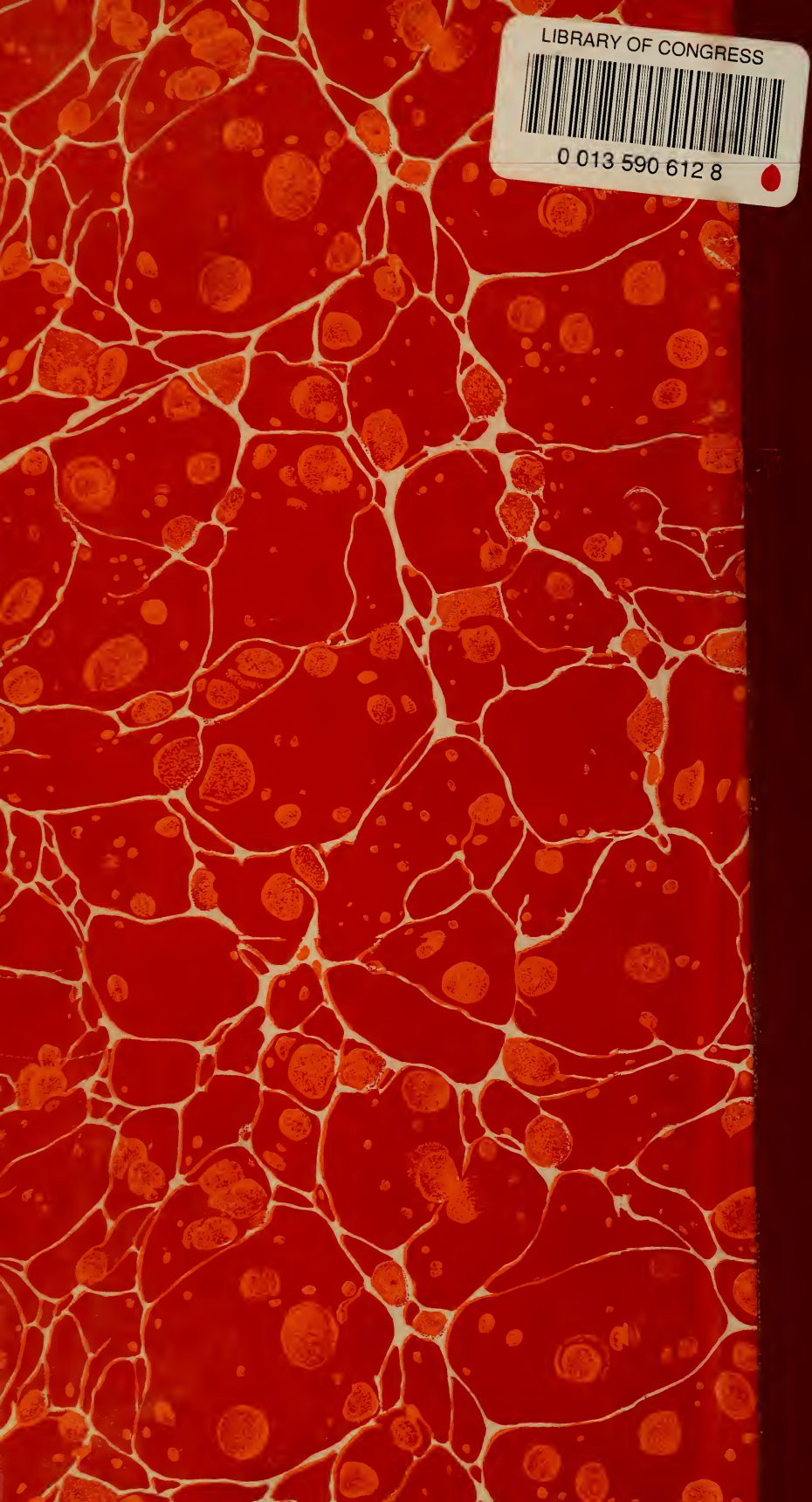
съ пересылкою 1 руб. 25 к.

Получать можно въ редакціи „Православнаго Обозрѣнія“, въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ѳерапонтова. и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Типографія и Литографія А. В. Кудрявцевой.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


LIBRARY OF CONGRESS
0 013 590 612 8